
ДЕТИ
ВОЙНЫ
ВСПОМИНАЮТ

ВИТЕБСК
Витебская областная типография
2025

УДК
ББК
Д

Составитель:
А. Л. Шульман

В книге использованы фотографии А. Шульмана, а также из семейных архивов героев интервью

МИШПОХА
Еврейский
культурный
центр

Фонд «Память, ответственность, будущее»
Программа «Место встречи: диалог»

#EVZdialog

Дети войны вспоминают / сост. А. Л. Шульман. – Витебск : Витебская областная типография, 2025. – 216 с.: ил.

ISBN

В книгу вошли сорок три интервью с людьми, которые были в детском, часто дошкольном возрасте, когда их отцы воевали на фронте Великой Отечественной войны, а мамы, сумевшие эвакуироваться на восток, прилагали все силы, чтобы прокормить детей. Те, кто остались на оккупированных территориях, прятали малышей, у которых была частичка еврейской крови, от неминуемого расстрела, который ждал и маму, и её детей.

Некоторые героини интервью к началу войны заканчивали школу и были призваны в армию. Воевали. Но, к сожалению, таких людей осталось мало...

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК
ББК

ISBN

© Шульман А. Л. Составление. 2025

Проект «Дети войны вспоминают» посвящён 80-летию Победы над фашистской Германией и тем людям, которые, порой ценой своей жизни, победили фашизм и не дали ему расползтись по земле.

Герои наших интервью встретили войну маленькими детьми. На фронтах были их отцы, матери. Но и они почувствовали на себе всю трагедию страшных лет. Одними из первых слов, которые они узнали, были: война, фронт, похоронка...

Это вторая совместная работа Общественного объединения «Еврейский культурный центр “Мишпоха”» и Фонда «Память, ответственность, будущее», программа «Место встречи: диалог». В 2020 году мы завершили проект «Чтобы это никогда не повторилось!», посвящённый детям, которые прошли в годы войны концлагеря и гетто. Сделан фильм, вы можете увидеть его на сайте журнала «Мишпоха», выпущена книга с таким же названием, как и сам проект.

В центре внимания новой работы – дети войны. Мы не только собирали факты из их биографии и биографии их родителей, записывали интервью. Мы пытались понять, как отразилась на их дальнейшей жизни война. Из военных лет они помнят только фрагменты, основные воспоминания – из рассказов родителей. А вот вторая половина сороковых – начало пятидесятых годов во многом сформировали их характер. В те годы они поняли, что достичь чего-то в жизни можно только учёбой, трудом, только рассчитывая на себя.

Нами записано более сорока интервью. Мы встречались с людьми, которые живут в Витебске, Минске, Полоцке, Бобруйске, Орше, Городке, посёлке Куренец Вилейского района Минской области. Самому старшему из собеседников – Шубертию Семёну Иосифовичу – было 105 лет. Ещё трое – столетние юбиляры.

Воспоминания всех участников проекта бесценны: для историков, литераторов, а главное – для будущих поколений, которые обязаны знать историю семей, историю страны.

Некоторые участники проекта с трудом соглашались на интервью. Больно вспоминать тяжёлые годы. Но потом благодарили, говорили, что после встречи они почувствовали, что их жизненный опыт нужен людям.

В мир иной ушли герои наших встреч: Шубертий Семён Иосифович, Швайнштейн Александр Симонович, Шапиро Яков Иосифович, Гуревич Тамара Яковлевна.

Мы благодарны волонтерам — тем, кто бескорыстно приходил на помощь, организовывал интервью, помогал с поиском фотографий и документов, с организацией встреч и видеовстреч с читателями.

*Аркадий Шульман,
журналист, координатор проекта*

ВРЕМЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Рассказывает Иванова Евгения Наумовна

Я родилась 2 февраля 1940 года в Витебске. Мама – Прасковья Афанасьевна Груздова, белоруска.

С 5 лет мама жила в Витебске. Осталась без родителей. Её взяли в семью, она помогала смотреть за ребёнком хозяйке, когда той надо было сходить на рынок или в магазин. Жили они на улице Больнич-

ной. У хозяйки был 2-летний сын. Хозяйка относилась к моей маме очень хорошо.

Когда мама повзрослела, стала домработницей. А позже устроилась на работу на швейную фабрику «Знамя индустриализации».

Папа – еврей, Вульфсон Наум Соломонович. Был такого же возраста, как и мама, 1908 года рождения. Тоже работал на фабрике «Знамя индустриализации», механиком.

Знал все типы швейных машинок. Его почему-то называли на фабрике «Мишка – золотые ручки». Я папу практически не помню.

Мы очутились в Меховском районе – потом он стал Езерищенский, потом Городокский, это Витебская область – в июне 1941 года. Всей семьёй поехали на свадьбу в деревню Грязное (теперь она называется Новая) по приглашению маминой двоюродной сестры Марфы. Выходила замуж её старшая дочь Настя. Из Витебска уехали 20 июня. Родители взяли отпуск. Мама захватила из дома головку

Иванова Евгения Наумовна, 2022

от швейной машины «Зингер». Она очень хорошо шила. Решила к свадьбе пошить платье, подправить наряд.

Но началась война, и свадьба не состоялась.

Немцы быстро захватили Меховский район и стали устанавливать свои порядки.

Через несколько недель мужчины из этой и соседней деревень пошли в лес искать партизан или перейти через линию фронта. Собралось человек десять. И мой отец пошёл с ними. Они шли несколько суток и попали в немецкую засаду. Немцы были с собаками. Мама ничего долго не знала. И только месяца через три или четыре вернулся один из этих десяти мужчин. Он был не из этой деревни, из соседней. Мама его увидела, и он сказал, что все погибли.

Сам был охотник, места знал очень хорошо. Впереди было болото. Он сказал, что нужно бежать к болоту. Там и нам трудно будет спастись, но и немцы в болото не полезут. Так сам и сделал. Сидел в воде до ночи с камышинкой во рту и дышал через неё. И спасся. Остальные погибли. Никто не нашёл трупов. Людей так и не похоронили.

Немцы вместе с полицией угоняли молодёжь в Германию. Пришли в дом к Марфе и говорят Насте: «Выходи, садись в машину». Настя: «Не пойду и не поеду». Немец: «Тогда выходи во двор». Настя вышла, и немец выстрелил в неё. Вместо свадьбы Марфе пришлось дочь похоронить.

Мы с мамой жили в деревне у мамино двоюродного брата Филиппа.

– В деревне знали, что Ваш отец еврей?

– Филипп знал, а остальные, наверное, не знали. У отца были светлые волосы, он не был похож на еврея. Я тоже не была похожа. Но всё равно мама боялась и просила Филиппа и его жену, чтобы они никому ничего не рассказывали.

В деревне говорили, что делают в Витебске с евреями немцы. Маме передали, что недалеко от Смоленского рынка собрали евреев и держат там. (Это был пункт, где евреи обязаны были регистрироваться. – А.Ш.)

Мама моего отца, бабушка Тайба, не уехала из Витебска. Хотя её звал старший сын Соломон, и дочка её звала с собой. Бабушка сказала, что останется с Наумом и Пашей. «Паша ко мне хорошо относится, и я останусь с ними».

Мамина подруга передала, что свекровь возле Смоленского рынка сидит на стульчике, там согнали много евреев. Кого-то из них расстреляли, кого-то заперли в гетто, и они там погибли. Бабушка Тойба умерла своей смертью, сидя на стульчике. Знакомая передала маме: «Я дала немцу большой кусок колбасы, он разрешил передать Тойбе полбатона».

– Как мама зарабатывала? За счёт чего Вы жили?

– Мама хорошо шила. Работала швейей, но вообще была самоучкой. Она любую вещь могла сшить: и для взрослых, и для детей. Есть фотография, мне годика три. На мне зимнее плюшевое пальто чёрного цвета и плюшевая шапочка, белые валеночки. Я у мамы спросила: «Ты говорила, что мы очень бедно жили». Она ответила: «Да. Очень бедно. Варили суп из лебеды и крапивы». «Откуда у меня такая одежда?» «Я женщине шила куртку, ей нечем было мне заплатить. И она отдала мне кусок плюша, который остался от куртки. Я сшила тебе пальто и шапочку».

Швейная машинка «Зингер» была как палочка-выручалочка. Крестьяне из этой деревни, из соседних приходили, просили что-то пошить и рассчитывались чаще всего продуктами.

– Вы жили в этой деревне до освобождения?

– В Витебск вернулись в 1944 году, как только освободили город. Мама до войны работала на фабрике, и жили мы в доме напротив. Назывался «Белый» дом. А после возвращения стали жить в «Красном» доме. Тоже рядом.

Всё, что я вам рассказываю, из маминых воспоминаний. У меня своё собственное – мне было годика три. Немцев распределяли по домам в деревне. У Марфы были ещё дочь Мария и сын Коля. По какой-то причине они пришли к Филиппу. И мы там были с мамой. И тут полицай привёл немца на постой. Филипп ему говорит: «Видишь, сколько у меня людей». А полицай ему: «Это не твои дети. Не хочешь одного немца брать, поселю двух. И чтобы ему были созданы хорошие условия. И чтобы кровать стояла у окна». Мы, дети, испугались и залезли на печку. Я очутилась с краю. Старшие крутились, пихались, и я свалилась на пол. Плачу, мама меня взяла на руки. Немец достал маленькую шоколадку и дал мне. Я плакать перестала, но и брать её боюсь. Спряталась за маму. А он говорит: «Киндер, киндер», – и протягивает мне шоколадку.

Ещё помню, как боялись немцев. Когда они шли по улице, прятались кто где мог. Я залазила в погреб.

Мама после войны работала на фабрике «ЗИ» до самого выхода на пенсию. Награждена знаком «Отличник лёгкой промышленности». Первое время она на фабрике работала на своей швейной машинке «Зингер».

Соседей в доме было много. В каждой комнате семья. Мы жили на третьем этаже, наша комната была разделена перегородкой на две части, и жили две семьи.

За «Красным» домом, за деревьями было поле, там где сейчас 3-я средняя школа. Всю землю разобрали на грядки и сажали картошку, фасоль. Нам ничего не осталось. Я не понимала: как так, всем досталось, а нам – нет.

Когда мне исполнилось семь лет, надо было идти в школу. Я была совсем маленького роста. Записали меня в 10-ю школу, на берегу Двины. Никаких портфелей в помине не было. Мама мне сшила матерчатую сумочку. Сначала дали каждому в школе по одной тетрадке. Когда мы эту тетрадку исписали, дальше писать не было на чём. Писали на газетах. «Старайтесь писать между строчек», – говорила учительница.

Помню очень хорошо: зима, снег, большие сугробы. Я иду в школу. Прошла до трамвайной линии, а там такой сугроб, что я ступила, ногу вытащить могу, а валенок остаётся в снегу. Стою и плачу. Идёт мужчина. Спрашивает, в чём дело. Я ему сквозь слёзы рассказываю. Он вытащил меня и этот валенок, взял меня под мышку, говорит: «Держись», – и нёс так через всю трамвайную линию. Поставил на ноги на площади (теперь там филармония) и спрашивает: «Дальше сама дойдёшь?» «Дойду. Спасибо, дядя».

После школы я сразу поступила в медицинский институт. После окончания меня направили в Шарковщину. В Шарковщине работала в больнице.

Вышла замуж, уехала с мужем в Норильск. Потом вернулась в Витебск. У нас родились сын и дочка. Вся жизнь в медицине. Работала до пенсии в поликлинике имени Ленина.

Записал Аркадий ШУЛЬМАН

ТАК СЛОЖИЛАСЬ СУДЬБА

Сонькин Давид Михайлович. Что, спрашивается, может помнить человек из своего самого раннего детства, когда ему уже за девяносто пять? Тем не менее многое из того времени в памяти хранится как самое драгоценное в жизни.

Давид Михайлович Сонькин, 2021

Сонькин Давид Михайлович, к примеру, хорошо помнит, как он постоянно крутился около мамы. Когда его мама Ривка готовила, убирала, стирала или возилась по хозяйству, он всегда был где-то рядом у её ног, и та, ни на минуту не отрываясь от своих дел, разговаривала с ним на идиш.

Отец Мендель работал каменщиком, а матери, понятно, хватало забот дома – и с детьми, и с хозяйством, и со всеми прочими делами. А кроме этого, она ещё находила время вязать на продажу носки – детей нужно было кормить. Их было восемь – семь мальчишек, среди которых Давид был самым младшим. А перед ним, седьмой, родилась девочка, которую родители по понятным причинам долго ждали, но она, к сожалению, не дожидая года.

В доме звучал исключительно идиш. Но это в те времена не представляло большой проблемы для общения между разноязычными соседями, да и вообще между жителями города – все евреи хорошо понимали, о чём говорили русские, и русские в свою очередь тоже вполне улавливали смысл, когда слышали идиш. Ну а уж у детей в их компаниях складывался такой своеобразный жаргон, что их далеко не всегда понимали взрослые.

Их дом стоял на улице Жореса. В Витебске улиц с таким названием до войны было несколько – 1-я Жореса, 2-я, 3-я и так далее. Сегодня это улица Покровская и прилегающие к ней переулки. Надо сказать, что улица для детей в те времена была тем местом, где они проводили время с раннего утра и до позднего вечера. А поскольку буквально рядом, в каких-то двухстах метрах, протекала Западная

Двина, то начиная с апреля, как только сходил лёд, и до поздней осени ребята пропадали на речке. И в их шумной компании, когда немного подрос, естественно, оказался и Давид.

Однажды, а было ему тогда лет шесть, он чуть не утонул. Недалеко от берега, в том месте, где ребята обычно купались, люди брали строительный песок, и там всегда была яма. Не такая уж и большая, но для шестилетнего ребёнка, ещё не умевшего плавать, она оказалась достаточной, чтобы тот провалился в неё с головой. Насколько Давид помнит, чтобы выбраться из неё, ему пришлось приложить невероятные усилия, а после долго лежать на берегу, отходя от усталости. Когда же он окончательно пришёл в себя, то обнаружил, что никого из ребят рядом уже не было. Они давно убежали и даже не заметили его исчезновения. Вероятней всего, слишком большая была у них компания.

Война началась неожиданно для их семьи и в город пришла очень скоро – всего три недели понадобилось немцам, чтобы пройти от границы до Витебска, и взяли они его практически с ходу. Давиду тогда ещё не исполнилось и четырнадцати. Из трёх его братьев, которые подлежали призыву, с ними оставался только самый старший – Лёва, Борис жил в Одессе, а Зяма – в Москве. Все они ушли на фронт в первые дни войны.

С её первых дней в небе над городом стали появляться немецкие самолёты. Их определяли по звуку – он сильно отличался от звука наших. Вначале они пролетали мимо, куда-то дальше, на восток, но уже в июле начали регулярно бомбить город.

В первые дни войны, впрочем, как и многие другие евреи, ни мать, ни отец в эвакуацию не собирались. Не так просто было бросить дом, хозяйство, всё нажитое и ехать куда-то в неизвестность. А кроме того, старики, которые помнили немцев с Первой мировой, говорили, что евреев никаким образом не трогали, а всё, что говорят – слухи и неправда. Но когда в начале июля, скорее всего, это было девятого числа, в их ставни постучала соседка и крикнула: «Ривка, надо бежать, немцы уже в Мазурино», – мать сорвала с кровати покрывало, вернула в него документы, подняла мужа, четырёх оставшихся с нею сыновей, жену старшего сына с детьми и увела всех на вокзал.

Там стоял уже готовый к отправке эшелон, который увозил работавших в городе до последнего железнодорожников. Несмотря на давку и сумятицу на перроне, им всё же удалось забраться в один из уже набитых вагонов. Проводник, с трудом пробираясь по нему, вероятно, имея в виду предстоящие бомбёжки, бурчал себе под нос: «Да, мяса много будет». Давид забрался на верхнюю полку, все остальные, как смогли, пристроились внизу. Состав тронулся, увозя на восток людей, спасавшихся от нагрянувшей на них беды.

Их первая незапланированная остановка была в Рудне. Причиной стала бомбардировка. Люди высыпали из вагонов и начали искать укрытие от разрывов немецких бомб где придётся, но как можно дальше от станции, Давид всё это время таскал на себе маленького племянника. Когда, наконец, всё закончилось, поезд тронулся дальше. Состав шёл медленно – машинисты к тому времени уже имели немалый опыт. Во время налётов, в зависимости от того, где находились пролетавшие над ними самолёты, они либо набирали скорость, либо притормаживали или вообще останавливались. И в результате – ни одна из бомб на всём пути их следования так и не попала в состав. Однако полностью избежать катастрофы не удалось. На подъезде к Ярцево их нагнал и на всём ходу врезался в хвост возвращавшийся с фронта военный эшелон. Кто-то вовремя не перевёл стрелку, из-за чего четыре последних вагона оказались смятыми в лепёшку вместе с ехавшими в них людьми.

В Москве поезд не остановился, проскочил мимо по кольцевой, а конечной станцией оказался Сорочинск Чкаловской области.

Чкалов, это нынешний Оренбург, в годы войны стал важным промышленным центром. Туда эвакуировали большое количество предприятий из западных областей. Чкалов он назывался с 1938 по 1957 год в честь знаменитого лётчика, который в нём, кстати, ни разу не был.

Этот их путь оказался довольно долгим, занял больше двух недель. Питались тем, что удавалось купить во время остановок, а порой вместо еды был один кипяток, добытый на станциях. Но тогда этому не придавали значения: главное было – сохранить жизнь, и в первую очередь детям.

По прибытии в Сорочинск беженцев распределили по колхозам. В селе, где оказались Сонькины, до этого евреев никто не видел, и по рассказам старых бабок представляли их чуть ли не чудищами из сказки. Но убедившись, что это не какие-то черти с рогами, а обычные люди, приняли хорошо. Сразу зарегистрировали, определили на довольствие, выдали продуктовые карточки. Дом, в который их поселили, пустовал и по странному стечению обстоятельств назывался в селе Фейгиным домом. Обустроились быстро – сколотили полати, лавки, стол, отгородили место для невестки с её маленькими детьми.

В колхозе нашлась работа и для взрослых, и для детей. Старого Менделя поставили сторожить колхозное имущество, а Давида взяли водовозом. В селе работал один сапожник, тоже из беженцев, и Давид, в свободное время помогая ему, заодно учился ремеслу. Позже он начал и сам этим подрабатывать – кому каблук прибить, кому валенки подшить. Местные жители за это платили в основном продуктами.

В колхозе они прожили без малого три года, за это время старшие Исаак, Петя и Миша ушли на фронт, и с родителями остался один

Давид. Мать считала, что ему нужно продолжать учёбу, а поскольку в селе школы не было, решила перебраться в Сорочинск. Но там оказалась только начальная школа, которую Давид закончил ещё до войны. Раз с учёбой не получилось, он устроился разнорабочим на кирпичный завод. Работал на разных участках возил на тачке глину, передавал по цепочке кирпичи и укладывал в печь, грузил готовый кирпич на машины и подводы. В августе сорок четвёртого его призвали на обязательные работы – убирать урожай. А после этого пришлось поработать в лесу на заготовке дров.

И как раз в это время пришла повестка из военкомата. Явившись на призывной пункт, Давид объяснял дежурному офицеру, что он последний сын у престарелых родителей, практически их кормилец, и по законам призыву не подлежит. Но ему ответили, что идёт война, а у войны свои законы, и в результате он оказался в учебном полку, правда, недалеко от дома, в той же Чкаловской области.

Это уже был не сорок первый год, когда на передовую бросали свежих и необученных новобранцев, в сорок четвёртом их уже к войне готовили основательно. Инструкторами в учебке были сержанты и офицеры, прошедшие фронт, знавшие войну не понаслышке, и учили они молодёжь не только как правильно воевать, но и как правильно вести себя, чтобы не подвергаться лишней опасности. Ну а самой главной наукой, которую они старались своим ученикам передать – ни при каких условиях ничего не бояться. И надо сказать, когда ребята оказались на фронте перед лицом реальной опасности, страха практически не испытывал никто. После шести месяцев учебки их переправили в резервные части под Уфу.

В конце мая сорок пятого резервный полк, в котором служил Давид, погрузили в вагоны. Их эшелон шёл на восток, на западном направлении нужды в пополнении не было, к этому времени там уже всё закончилось. Конечной станцией назначения оказалась Чита. Отсюда последовал переход через сухие монголь-

Давид Сонькин, 1945

Давид Сонькин.
Фабрика «КИМ», 1955

был пулемётчиком, пришлось вверх по узким и скользким горным тропам тащить за собой станковый пулемёт. А спуск оказался ещё более проблематичным, и вдобавок ко всему, ещё и опасным. И этот поход, нереальный с точки зрения элементарной логики, врезался в память молодого солдата на всю жизнь. Давид и сегодня каждый его эпизод помнит так, как будто это происходило вчера.

Сразу за Хинганом начались бои, к счастью, они продолжались

Давид Сонькин, 1960

недолго. Уже к концу августа более чем миллионная Квантунская армия была разгромлена. Правда, стычки с её отдельными группировками, не желая сдаваться, невзирая на все акты и приказы о капитуляции, продолжались ещё до конца ноября. Но и после того, как всё закончилось, по домам никого не распустили, солдатам советской группировки ещё долго предстояло

служить на территории, освобождённого от японцев Китая. В результате Давид оказался под Мукденем в комендантской роте, где около года нёс службу по охране объектов, а после, вплоть до самой демобилизации, в созданных на бывшем заводе – танкоремонтных мастерских.

Давид Сонькин в синагоге, 2018

В Витебск он вернулся только в сорок девятом году. К этому

времени там уже находились двое его братьев Миша и Петя, а также родители, которые возвратились домой ещё в сорок пятом. Из семейных, ушедших на фронт братьев, живыми вернулись только трое. Оба брата были очень больны, их необходимо было поддерживать, и Давид сразу по приезду начал искать работу. Найти её в разрушенном послевоенном городе было непросто, но ему повезло, он устроился в ремонтные мастерские. А когда в пятидесятом году начался набор на восстановленную после войны фабрику «КИМ», пошёл туда учеником и проработал помощником мастера до самой пенсии.

Нельзя сказать, что Давид был когда-либо особо религиозным, тем более что после призыва в армию сразу же вступил в комсомол. Правда, возвратившись в Витебск, на учёт в комсомольской организации уже не становился. Но, вероятно, вера в Бога в нём всё-таки была заложена с детства, ведь оба его родителя были людьми глубоко верующими. И когда в конце восьмидесятых в Витебске после очень длительного перерыва официально заработала синагога, Давид начал её посещать. Он выучил иврит, чтобы произносить молитвы в их оригинальном звучании.

С того самого дня, когда Давид впервые переступил порог синагоги, он ни разу пропустил ни одной молитвы, и уже много лет исполняет в ней функции габая или иначе говоря старосты синагоги.

Давид Сонькин – старейший, и, вне всякого сомнения, самый уважаемый член Витебской иудейской религиозной общины.

Семён ШОЙХЕТ

МИХАЙЛО КАЦ, И МИХАИЛ БЕЛЕНЬКИЙ – ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК

Михаила Фёдоровича Беленького я знаю много лет. Знаю, что у него не совсем обычная биография, и поэтому одним из первых интервью в нашей новой программе «Дети войны вспоминают» стало интервью именно с ним.

Михаил Фёдорович Беленький

– Михаил Фёдорович Беленький...

– Не Фёдорович, а Файвишевич.

– Когда вы родились и где?

– Украинская ССР, город Днепропетровск. 1930 год. 30 мая. Фамилия была Кац Михайло Абрамович.

Когда стали репрессировать бухаринцев, зинovieвцев, троцкистов, добрались до отца. Он работал на обувной фабрике бригадиром, и одна женщина написала, что Кац, мастер нашего цеха, ведёт антиправительственную агитацию. Его забрали и дали шесть лет.

– Естественно, был просто поклёп.

– Его родной брат тоже работал в цеху сапожником, сказал, что после эту женщину сбила машина. Младший брат, майор НКВД, прибежал к матери и сказал про меня: «Убирайте его из Днепропетровска».

– Потому что зачистки будут?

– Только мужской пол. Старшая сестра осталась с матерью. А меня забрала родная сестра мамы.

– Сколько вам было лет?

– Пятый год...

– Расскажите про маму.

– Её семья – Хейфецы, жили когда-то в Сенно, перебрались в Витебск. Было два брата и две сестры.

– Как мама оказалась в Днепропетровске?

– Во время Первой мировой войны очищали прифронтовые зоны. Их заставили уехать, и они осели в Украине, там кто-то был из родни.

Сложная биография, но с помощью Михаила Фёдоровича я пытаюсь ответить на возникающие вопросы.

К началу войны, летом 1941 года, его первая мама по-прежнему жила в Днепропетровске. Работала, воспитывала дочь. Надеюсь, что будут приходить какие-то вести от репрессированного мужа, разберутся и его отпустят домой.

– Отец, Кац, что с ним?

– Через несколько лет пришло официальное извещение, что у него была язва желудка, и он умер, похоронили в Караганде.

– Привезла вас мама в Витебск к своей сестре...

– Пока не стало известно, что с отцом, я был Кац. Когда пришло известие о смерти, меня усыновили, я стал Беленький Михаил Файвишевич.

– Расскажите о второй семье. Кто такой Файвиш?

– Он был шапочником. Из большой семьи. У него было несколько братьев и четыре сестры.

В Витебске я пошёл в нулевой класс и стал ходить в Дом культуры железнодорожников имени Лазаря Кагановича. Танцевал. В 41-м году я три класса закончил и почти четыре года был в детском коллективе.

Поколение 30-х годов детьми вынесло на себе много испытаний. Они выросли не по годам, а буквально по дням. И всё же самым страшным в их жизни оказалась война.

– Как вы узнали, что началась война? Вам одиннадцать лет...

– Нас не разбудили, мы сами встали и пошли в столовую.

– Где вы были в это время?

– Пионерский лагерь в Лётцах... Мой отец, хотя я его называл дядей, каждый год меня отправлял туда. Директор собрал всех и сказал: «Война». И все наши игры прекратились.

3 июля нас посадили на дрезину и привезли в Витебск. Я пробыл несколько дней, дядя прибежал, схватил пару мешков, все религиозные принадлежности деда Лейбы: талес и всё прочее, все документы, фотографии. Я был в сандалиях, без носков, майка и шортики.

На световых вышках, которые пути освещают, дежурили и днём и ночью. С ночи Файвиш с дежурства шёл домой и увидел в стороне 5-го полка то ли дым, то ли столб пыли. Он к телефону. Телефон молчит. Он в контору. Встречают его: «Файвиш, ты чего здесь?». Собирают семьи железнодорожников эвакуировать.

– Кем работал Файвиш?

– Сторожем на хладопункте. Первый состав был сформирован для железнодорожников, и даже оборудован магазином, который

разъезжал по Витебскому отделению железной дороги и снабжал дистанции путей продуктами.

– Куда вы приехали?

– Чкаловская область, нынешняя Оренбургская. Мы выгрузились, нас посадили на машину и привезли в село Александровка, райцентр Александровского района. Встретили хорошо. На второй или третий день мы пошли на полевой стан. Там были несколько недель. Я работал – сено косил.

– Школы работали?

– Работали.

– Вы учились?

– Всего месяц или два. После уборочной мы втроём работали на элеваторе. Зерно выгребали, просеивали, потом в мешках таскали на этажи и сыпали сверху. Потом я пошёл в школу.

– В какой класс пошли?

– В четвёртый класс. До морозов. Я в сандаликах. Дальше сидел дома. Но когда надо было работать, приносили пимы, мешковину. Я закручивал на ноги мешковину и тулупчик сверху. Мы на лошадях ехали в поле, вилами разгребали стога, грузили и везли во двор.

– Не голодали?

– В МТС работала столовая, тётя ходила с судничками и брала обе-ды, и пока там жили – питались. Тётя была дома со мной и дедом Лейбой, работала на дому. Узнали, что она портниха. Обшивала тех, кто приходил. Уже снег таял, и мы отправились дальше, ехали через Чкаловск. Просидели там неделю. Пока дядя Файвиш не пошёл к коменданту вокзала: «Меня могут расстрелять как дезертира». Это была вторая трудовая армия. Тот вызвал начальника вокзала: «Срочно отправить с семьёй». Здоровый пакгауз был забит посылками, отправленными ещё до войны. Надо было их разгрузить. Мы неделю разгружали, потом нас посадили в поезд, и мы приехали на станцию Манкут.

Уже деда Лейбы не было. Его похоронили в декабре в Александровке. В братской могиле. Тётя пошла к председателю: «Помоги». Кто может мёрзлую землю копать? Кто-то умер. Они спросили: не важно, если мы вашего похороним вместе с местным? Тётя сказала: «Мне всё равно. Ему и подавно». Пригнали сани, деда положили в мешок. Похоронили под крестом. Только прибили дощечку и написали: «Лейба Эльевич». Год рождения и год смерти.

Весь 42-й год были в Чкаловской области. В декабре или начале 43-го года мы втроём – моя вторая мама, сестра и я едем в Омск, где стоит их поезд. Он потом стал называться восстановительным.

– Вы учились урывками. Не отставали от одноклассников?

– Наверное, не отставал. До 1944 года были в Омске. Жили в соцгородке, местные жители называли его «Шалманстрой».

Местные полезли «приписать» меня, когда я пришёл первый раз в школу. Там жил парень, он сказал, если тронете Мишку, будете иметь дело с нами, с теми, кто живёт в Шалмангородке. А там были «оторви головы». Один из местных стал моим другом, звали его Вадим Сушко. У него были отрезаны ноги выше колена. Он взял меня под покровительство. Дружили. Пока я не уехал в 44-м году.

– Вы уехали из Омска, как только Витебск освободили?

– Приказ Наркома путей сообщения Кагановича: «Все железнодорожники должны вернуться на свои рабочие места». Дали нам месяц, отоварили карточки и выдали какой-то дополнительный паёк. Привезли в Гомель. С Гомеля – в Смоленск. Мы приехали туда 8 мая 1944 года, а 18 мая попали под бомбёжку.

Витебск освободили 26 июня 1944 года. Файвиша первым поездом отправили в город.

Я три, если не четыре раза вступал в пионеры. В Витебске до войны вступил в пионеры. В Чкаловской области вступил в пионеры, в Омской области в Мангуте вступил в пионеры, и когда приехал в 44-м, мне сказали, что надо вступать в пионеры.

– В Витебске вы пошли в пятый класс. Что представлял город, что вы увидели?

– Я выходил из дома и видел площадь Ленина. Не потому, что это было высокое место. Потому что был пустой город. Наша улица – три дома. Работали 10-я школа и наша школа. В нашу школу ходили все окрестные – «полоцкие», «городокские», «винный тупик».

– По дворам дрались в послевоенное время?

– Этого много было, мы их называли «чернушники». Драки были за паровозным депо. При школе была вечерняя школа, я ходил в дневную, а друзья ходили в вечернюю. И они сказали: Мишка, если кто-нибудь поднимет руку, ты нам скажи.

– Сколько лет вы там проучились?

– Семь классов. В одном классе дважды. Некогда было учиться. Надо было ходить по территории, где элеваторы стоят, это были склады немецкие со снарядами. Мы разряжали снаряды немецкие, вытаскивали толовые шашки, шёлковые мешки с пироксилином или порохом, высыпали, сжигали, а эти мешочки проглаживали и на базаре продавали. Покупали как носовые платки. Мы могли купить бутерброд. Лазили по развалинам, где только можно было что-то найти. Решётка с поддувала – давай, двёрка – давай, потом на базар к мужикам, которые торгуют, решётка у них стоит десять, а мы отдавали за пять рублей.

– Как родители на это реагировали?

– Мы прожили нормально.

– Кто-то из ребят подрывался на минах?

– Сосед. Его звали Серёжа. Не помню, что разряжали. Я сказал: «Всё,

устал, пошёл домой». Он сказал: «Я ещё». Слышу: «Пух». Правая рука без кисти. Во время перемены бежали разряжать снаряды. Услышали звонок. Прибежали вовремя. Взрыв. Один из наших подорвался.

– После семи классов пошли работать?

– После семи классов дядя Исаак устроил меня в артель металлистов. Два месяца отработал учеником электромонтажника. Мой дом, в котором я смонтировал электрооборудование, до сих пор стоит на улице Суворова. Я иду по городу, посмотрю – это же я работал. Попросил дядю: «Ты же обшиваешь комсостав железнодорожный. Устрой меня на железную дорогу». Он меня в вагонное депо устроил. Комсорг вызвала меня: «Учиться пошёл». В приказном порядке меня погнала. Я пошёл в седьмой класс вечерней школы. Ко мне снова приходят: «Хочешь учиться?». В Витебске восстановили здание, будут готовить строительных мастеров – Витебский техникум сельскохозяйственного строительства. Пошёл поступать. В этом техникуме с тройками получали стипендию. Будущая моя жена стояла на улице и через открытую форточку подсказывала мне математику. Попались мне «проценты» и... Двойка. Пришёл за документами. В это время набирали новый строительный техникум в Витебске – 150 человек. Я туда. Сделали пять групп по 30 человек.

– Сколько вы там учились?

– Четыре года и получал стипендию. Потом меня забрал к себе главный архитектор Витебскгражданпроекта. Он сказал: «Миша, забираю к себе в проектный институт. Смотри не подведи».

– Сколько всего лет у вас трудового стажа?

– Общий стаж 51 год.

– С какого места ушли на пенсию?

– Начальник отдела снабжения и комплектации Управления капитального строительства Витебского облисполкома.

Всю жизнь, с детства и до нынешних лет, Михаил Фёдорович – активный участник художественной самодеятельности. В конце сороковых – начале пятидесятых годов выступал в самом известном тогда в Витебске ансамбле песни и пляски промкооперации, которым руководил Яков Лазаревич Иоффик. Их тогда в городе так и называли «иоффики».

В середине девяностых в еврейской общине Витебска появились танцевальные, музыкальные коллективы, и Михаил Беленький стал их самым активным участником.

Вот такой разговор у нас состоялся с Михаилом Фёдоровичем. Ему 94 года. Его биография – это три четверти XX и начало нового, XXI века.

Аркадий ШУЛЬМАН

СТО ЛЕТ – ЕЩЕ НЕ ВОЗРАСТ

Только представьте себе целый век, то есть наполненные самыми разными событиями сто лет, которые дано прожить одному человеку. И такой человек – Ида Неуховна Гинзбург, ей в 2023 году исполнилось сто лет. И надо сказать, что при таком, поистине впечатляющем возрасте она в полной мере сохраняет ум, память и чёткую логику мышления.

Когда беседуешь с ней, совершенно не чувствуешь прожитые ею годы, скорее наоборот, невольно задаёшься вопросом: откуда в этой маленькой хрупкой женщине столько энергии и столько оптимизма? На первый взгляд, самая очевидная причина феномена её генетика. Ну и ещё можно предположить, что не последнюю роль сыграли в этом техническое образование и последующая конструкторская работа.

Но всё же вернёмся к тому, с чего начали – к самому раннему детству нашей героини. Родилась она в Витебске 26 апреля, ныне уже в далёком 1923 году. Её родители Неух Израилевич Бруссер и Эська Зусевна Вальшонок были обычными евреями, такими же, как и многие другие, проживавшие тогда в городе. Детей у них было четверо, по меркам того времени, не так и много. Кроме Иры, двое старших сыновей Зусик и Лельчик и младшая дочь Туба.

Отец до революции владел небольшим магазинчиком, в котором торговал прохладительными напитками. Эта была известная в Витебске сельтерская вода Бруссера, изготавливал он её сам. Впоследствии магазин был реквизирован пришедшей в город советской властью и стал называться «Пиво-воды». Однако Бруссер в нём по-прежнему оставался, правда, уже в роли завмага. Мать вскоре после рождения младшей дочери серьёзно заболела. В городе для её лечения не нашлось ни возможностей, ни специалистов. Её отвезли в Ленинград, где в то время учился Зусик, и устроили в больницу в Гатчине.

Ирина Наумовна Гинзбург,
1950-е гг.

Жили Бруссеры в доме номер сорок три по улице Ленина. В этом же доме проживала семья врачей по фамилии Гинзбург. Их сын Боря вскоре станет одним из наших главных героев, в чём нет ничего удивительного, ведь росли они с Ирой в одном дворе и знали друг друга с раннего детства.

Отец часто ездил в Ленинград навестить сына, проведать жену и всегда брал с собой Иру. Он водил её по городу, показывал достопримечательности, и довольно скоро в центре Ленинграда она знала Невский и Мойку, Дворцовую и Сенатскую, Эрмитаж и Русский музей. Причём настолько хорошо, как будто это было в её родном Витебске.

Когда Ире исполнилось восемь, пришло время идти в школу. Так случилось, что отправились они туда вдвоём с Борей, дружно взявшись за руки, и зачислили их обоих в один класс. Школа находилась на берегу Витьбы в трёхэтажном здании около моста. В послевоенные годы это была средняя школа № 6. Класс, по словам Ирины Наумовны, был очень дружным, она и сегодня помнит имена многих одноклассников, таких, к примеру, как круглая отличница Лиля Лифшиц. И это естественно, ведь все ребята жили в одном районе.

Ира занималась в музыкальной школе, дома у них стояло пианино, и все вечеринки, на которых собирались друзья, проходили в их квартире. Кроме классического вальса ребята танцевали под патефон модные в тридцатых фокстрот и танго.

Ира занималась в музыкальной школе, дома у них стояло пианино, и все вечеринки, на которых собирались друзья, проходили в их квартире. Кроме классического вальса ребята танцевали под патефон модные в тридцатых фокстрот и танго.

В тридцать седьмом в городе построили новую, десятую Сталинскую школу. Она и сегодня продолжает работать в городе под тем же десятым номером. В эту школу перевели весь Ирин класс, и ребята прouchились в ней вплоть до её окончания.

21 июня 41-го года в школе был выпускной вечер. Во время его официальной части вместе с аттестатами зрелости ребятам вручали подарки. Ире достался красиво изданный томик Шота Руставели – его знаменитый «Витязь в тигровой шкуре».

Потом были танцы. На первый вальс Борис пригласил Иру. Но танец

не задался, Борис спотыкался, не попадал в такт, а потом признался, что туфли, которые подарили ему на выпускной родители, ужасно жмут.

Эту проблему Ира решила моментально таков был её характер: любые решения она принимала без долгих раздумий. Они отправились к ней домой, там Боря сбросил свою обувь, одел туфли Лельчика, после чего вернулись в школу и продолжили танцевать, но уже при полном комфорте.

Как только закончились танцы, родители организовали для детей стол с совершенно скромной выпивкой и закусками. Этикетки на бутылках были оригинальные, вроде: «Натуральный напиток из натуральных соков выпускников». Всё это изготовил Боря. После всем классом пошли на Витьбу. Лодочная станция не работала, но они уговорили сторожа отомкнуть несколько лодок и поплыли вверх по течению, распевая песни Дунаевского и братьев Покрас.

Назавтра собрались, опять же всем классом, и решили пойти в лес. Ира с Борей и ещё несколько ребят проспали, они снова отправились на Витьбу, но по дороге услышали, что в двенадцать часов будет важное правительственное сообщение. Сразу вернулись домой, включили радио, из которого и узнали о том, что началась война.

В Витебске пять школ, в том числе десятую Сталинскую, выделили под госпитали. Ребята добровольно включились в подготовку: вынесли парты, вымыли полы, но разместить госпиталь в школе так и не успели – город заняли немцы.

Мать погибла в первые же дни войны. Больницу в Гатчине разбомбили вместе с больными и медперсоналом. Отец и обе дочери успели покинуть Витебск. Они взяли билеты до Горького, где у Неуха жили племянники. Но когда пришли на посадку, оказалось, что даже с билетами сесть в поезд было совсем не просто. Перед вагоном стояла огромная толпа, через которую они с трудом пробились, а после в вагоне едва отыскали три свободных сидячих места. Еды не было, на каких-то промежуточных станциях отец выходил менять одежду на хлеб. Дорога оказалась длинной, по пути пришлось пересест в другой состав, но, в конце концов, не без приключений, всё же добрались до намеченной цели. В Горьком поначалу все трое устроились в маленькой комнате на первом этаже в доме одного из племянников. Неух вскоре нашёл работу на плодвинзаводе мастером фруктовых вод.

Лельчик почти до самого прихода немцев в Витебск проработал инженером связи на аэродроме. Связисты, как и железнодорожники, уходили из города последними. После всех мытарств конечной станцией их эшелона оказался Саратов. Там Лельчик от случайно встреченного земляка узнал, что его родные в Горьком, и при первой возможности перебрался к ним. Сразу по приезде он устроился на междугороднюю телефонную станцию, получил отдельную ком-

нату, куда перебрались и отец с сёстрами. В сентябре Туба пошла в школу, а Ира поступила в индустриальный институт. Во время учёбы ей, как и другим студентам, приходилось строить оборонительные сооружения, убирать лён, работать на торфоразработках и лесозаготовках.

Семья Гинзбургов эвакуировалась в Оренбург. Борис с детства мечтал стать лётчиком, занимался в аэроклубе, прыгал с парашютом. В Оренбурге он поступил в авиационное училище. Ребята рвались на фронт, мечтали летать, только исполниться их мечтам было не дано. В сорок первом человеческий ресурс на передовой требовался гораздо больший, чем в авиации, поэтому и их курс вскоре тоже пополнил матушку пехоту. Так, в обычных строевых частях Борис прошёл всю войну и дошёл до Берлина.

Сразу после войны возвращение из эвакуации было делом непростым, большинство городов ещё долго оставались закрытыми. Родители Бориса вернулись домой в сорок пятом – профессия врачей на освобождённых территориях была востребована. А в сорок шестом Ира получила телеграмму из Берлина: «Получил отпуск еду в Витебск если можешь приезжай».

Ну как же она могла не приехать! Столько лет она не была в родном городе, столько лет не виделась с Борей. Знакомая женщина, также эвакуированная в Горький из Витебска, работала в милиции. Она выписала Ире спецпропуск, благодаря которому та смогла взять в железнодорожной кассе билет. Однако сразу выяснилось, что пассажирских поездов в том направлении нет, и в результате пришлось добираться на товарняках. В Витебске, выбравшись из товарного вагона на разрушенный перрон, Ира ужаснулась. Прямо перед ней – вдребезги разбитое здание вокзала, и вокруг ни одного целого здания, только развалины и руины. От такой неожиданной картины Ира растерялась. Она начала спрашивать дорогу у прохожих, потом добралась до Двины и, перейдя по понтонному мосту на другую сторону, увидела каланчу, по которой уже можно было ориентироваться.

На Ленинской улице стояли одни коробки без окон, без крыш. В них гулял ветер, и птицы перелетали с одной коробки на другую. Дойдя до пересечения с Советской улицей, Ира свернула вправо, к мосту через Витьбу. Ветинститут и Дом специалистов оказались целыми. Едва войдя во двор, она вдруг застыла от неожиданности – первым, кого она там увидела, был Боря Гинзбург.

Несколько дней они прожили у его родителей. Долго задерживаться Ира не могла – нужно было возвращаться в институт. А Боря, проводив её, сразу же пошёл в военкомат и подал рапорт о переводе в Горький, и на удивление, через несколько дней получил утвердительный ответ. В Горьком они сразу пошли в загс и расписались. Свадьба

была более чем скромной – они вдвоём, Ирина сестра и ещё двое друзей.

Служба в Горьком Борисе не задалась. Он убежал в самоволку к жене, после чего попадал на губу, а Ира вынуждена была носить ему передачи. В конце концов, Ирин отец нашёл нужных людей, которые решили вопрос с его демобилизацией.

На гражданке Боря задумался о дальнейшей учёбе. Пробыв несколько дней с Ириной, он уехал в Витебск и поступил в пединститут, чем вызвал удивление родителей.

«У тебя все родственники медики, – заявили они ему. – А ты с чего-то подался в педагоги». Не желая им перечить, Боря забрал документы и поступил в мединститут. Одним из экзаменов было сочинение, после него преподаватели заметили: «Молодой человек, у вас писательский талант, вам нужно в литературный». Но менять вуз в третий раз Борис не стал. А этот талант впоследствии у него реализовался: уже будучи врачом, он написал статьи, книгу.

В том же году Ира окончила Горьковский индустриальный институт и попросила направление в Витебск. Устроилась на завод заточных станков. В сорок седьмом у них с Борисом родился сын, а спустя два года – дочка. Впоследствии сын после окончания Минского зенитно-ракетного училища долгие годы служил в Средней Азии. Дочь закончила Московский авиационный и работала в Москве в учреждениях оборонной промышленности. Выйдя на пенсию, вернулась в Витебск, поскольку к этому времени уже нужно было присматривать за матерью.

В Витебске в пятидесятые годы одним из самых престижных предприятий был станкостроительный завод имени Кирова. Борин отец был хорошо знаком с его главным инженером, и тот взял Иру на работу в конструкторское бюро. В пятьдесят девятом в городе было создано специальное конструкторское бюро СКБ-13. В его состав были переведены конструкторские отделы всех станкостроительных заводов, в том числе и завода имени Кирова, где работала Ирина Наумовна.

Впоследствии она возглавила созданный там отдел стандартизации и в этой должности проработала вплоть до выхода на пенсию.

Ирина Наумовна и Борис Львович Гинзбург, 1990-е гг.

ВЕК, ОТМЕРЕННЫЙ ДЛЯ ЖИЗНИ

В последнее время человеческая жизнь стала гораздо продолжительней, чем когда бы то ни было раньше. Тем не менее жизнь длиной в сто лет, даже и сейчас, все ещё остаётся явлением достаточно редким. И как раз это редкое явление – те самые сто лет – выпало Александру Симоновичу Шванштейну.

Александр Швайнштейн с дочерьми, 2023 г.

Родился он в далёком 1924 году в Витебске, в семье Эльки и Симона Шванштейнов. Детей у них было трое: Саша и ещё двое младших – сын Боря и дочь Фаня. В то время дедушка с бабушкой ещё были живы и жили вместе с ними. Элька смотрела за хозяйством и растила детей, а Симон, как и многие городские евреи, занимался извозом.

Это были первые годы советской власти, когда в жизни людей практически менялось всё, в том числе и отношение к религии. Тем не менее многие всё ещё продолжали верить, хотя это уже было не настолько массово. В их семье действительно набожным был только дед Эли. В памяти ребёнка он так и остался молящимся, облачённым в талес.

На 5-й Городокской, в районе костёла Святой Варвары, у них было два деревянных дома, в одном из них они жили сами, другой сдавали внаём. Незадолго до войны его снимала семья Эммы Гард, младшая дочь которой, Фаня, училась в Ленинграде.

Саша ходил в 7-ю Сталинскую школу, она сохранилась и сегодня – это средняя школа № 27. В этой школе был струнный оркестр, и Саша играл в нём на мандолине и балалайке. Как-то раз друзья из оркестра затащили его в клуб Клары Цеткин, он тогда находился примерно на месте нынешнего Белорусского государственного академического театра имени Якуба Коласа. В клубе был организован детский ансамбль песни и пляски Красной армии. Сашу в этот

ансамбль сразу приняли и выдали военную форму – сапоги, гимнастёрку и портупею. Однако долго играть в ансамбле ему не пришлось: как-то придя на репетицию, он узнал, что их учитель арестован, поскольку оказался «врагом народа». И было совершенно непонятно, как такой доброжелательный интеллигентный человек вдруг мог стать «врагом народа». Но, к сожалению, вскоре такие события начали происходить всё чаще и чаще.

Однажды ребята во дворе костёла играли в футбол, Сашка стоял на воротах. Неожиданно прибежал знакомый пацан и шепнул ему на ухо: «Беги домой, там возле вашего дома эмка стоит с энкавэдэшниками». Саша попросил пацана стать вместо него и уже через минуту был дома. Действительно, на улице стояла чёрная машина, за рулём сидел человек в военной форме, из их второго дома два энкавэдэшника вели Эмму Гард. Одета она была странно – в середине лета на ней были валенки, зимнее пальто и пуховый платок. Заметив Сашу, она тихо прошептала: «Сашенька, расти хорошим человеком». И опять же было непонятно, чем могла навредить советской власти старшая сестра-хозяйка инфекционной больницы. А спустя несколько месяцев у них в школе арестовали учительницу истории, цыганку по национальности.

То, что происходило с людьми в эти годы, дети, естественно, понять не могли, а спросить было не у кого. Взрослые знали или, по крайней мере, догадывались, но все молчали – боялись говорить. Такое было время.

А потом пришла война. Саше уже было семнадцать. Ему запомнился гул самолётов, от которого он проснулся. Этот гул непонятным образом висел в воздухе и никуда не уходил. Это, скорее всего, волна за волной шли на восток армады немецких бомбардировщиков.

Война быстро приближалась к Витебску. Через две недели отзвуки боёв уже были слышны в городе. Пятого июля к ним прибежал мамин брат Бенья: «Собирайте вещи, всё, что сможете унести, и бегом на станцию. Есть возможность эвакуироваться».

Какие-то вещи и документы собрали быстро и через полчаса были на станции. Из дома ушли впятером – отец с матерью и трое детей. Дед умер ещё в тридцатых, а бабушка Хая-Сора как раз в это время пошла к дочке Любе, которой, кстати, в тот момент уже в городе не было.

На станции стоял вагон, загруженный ящиками самых разных габаритов. Это их родственница Анна Ефимовна Соломоник, работавшая заместителем директора Витебского областного краеведческого музея, вывозила музейные экспонаты. В этом вагоне они и покинули город.

Когда добрались до Городка, Симон хотел было вернуться, чтобы отыскать мать, но Бениамин с другими мужчинами скрутили его: вер-

нуться в город, вне всякого сомнения, означало погибнуть. Подобные случаи, когда в той неразберихе кто-то терялся, происходили сплошь и рядом.

Состав двигался очень медленно, пропускал по пути воинские эшелоны. В Великих Луках попали под бомбёжку. Станция и вокзал были полностью разбиты, на вокзальной площади валялись лошади со вздувшимися животами. От вражеских бомб дети прятались под вагонами – другого укрытия для них практически не было.

А дальше, вплоть до самой Казани, уже добрались без особых приключений. В Казани музейные экспонаты принять отказались. Ящики вынуждены были перегрузить на пароход и спустить вниз по Волге до Саратова. И уже там Анна Ефимовна, в конце концов, сдала их в местный музей. А после судьба разбросала всех, как говорит, по разным городам и весям. Шванштейны оказались в городе Аткарске Саратовской области.

Вначале семью определили на квартиру в частный дом. Увидев их, хозяйка выразила удивление: «Мне сказали, что приведут каких-то евреев, а вы, оказывается, обычные люди, такие, как и мы». Позже им выделили отдельную квартиру по улице Аткарской в доме номер одиннадцать. Поразительно, что Александр Симанович помнит этот адрес по сегодняшний день.

Жизнь на новом месте потихоньку налаживалась. Родителей направили на работу в колхоз, младшие дети пошли в школу, Саша устроился мотористом в баню. Там перед отправкой на фронт мылись маршевые роты, и ему в это время нужно было закачивать в баню воду. А спустя несколько месяцев совершенно незнакомый человек, собиравший по городу для переплавки металлолом, устроил его на военный завод.

На заводе, после недолгого обучения, Саша начал точить на токарном станке мины, диаметр которых – пятьдесят миллиметров согласно калибру миномётного ствола – надо было выдерживать строго. Их обработка осуществлялась в три этапа: точился корпус, обрезался торец, и уже на другом станке нарезалась резьба для взрывателя. Саша быстро отыскал способ, позволивший делать это гораздо быстрее и на одном станке. За это ему выделили в заводской столовой бесплатные обеды. А как-то раз к его станку подвели военпреда. Генерал похвалил парнишку, поднял его и поцеловал в лоб.

В армию Сашу забрали в сорок втором, он попал в войска химзащиты после учебки. По пути на фронт их эшелон остановился в Аткарске, и его отпустили попрощаться с родными.

Дома он застал только сестрёнку: отец был на лесозаготовках, мать – на рытье окопов. Сталинград всё-таки был рядом. Борис в это время работал на маслозаводе. Когда охранник привёл его к

Саше на проходную, на вопрос, кем он работает, Борис отмахнулся: какое, мол, это имеет значение. Однако стоявший неподалёку охранник уточнил, что Борис у них не просто механик, а главный механик завода. А ведь мальчишке тогда ещё не было и шестнадцати.

В сорок третьем фронт продвигался по Украине. За всю войну войска химзащиты ни разу не были задействованы по назначению – немцы газы применить не рискнули. И по всем фронтам войсками химзащиты замещали иные части – стрелковые, строительные, сапёрные. Сашин батальон отчасти выполнял работу войск НКВД. Следуя во втором эшелоне за первой линией, он прикрывал тылы и зачищал попавшие после наступления за линию фронта недобитые остатки немецких частей, банды бандеровцев и бывших полицаев. Нередко приходилось отбивать воздушные атаки. Стреляя по самолётам без перерыва из винтовок, они не давали немецким штурмовикам снизиться для точной бомбёжки или обстрела.

В одном из боёв Сашу контузило. Очнулся он в госпитале в полной темноте совершенно слепым. К счастью, вскоре зрение вернулось. Однажды, проснувшись, Саша почувствовал, что через закрытые веки пробивается свет, но непонятно откуда возникший страх мешал открыть глаза. Когда же, в конце концов, он всё же решился, в него словно ударило молнией. Произошло это ровно через месяц и тринадцать дней после контузии.

В сорок пятом война закончилась. Начались сокращения в армии. Сашу командировали в Москву в главное управление – доставить документы о расформировании их части. Для надёжности ему выдали пистолет, и, как оказалось, лучше бы этого не делали, потому что пистолет у него по дороге «спёрли». От трибунала Сашу спас его командир подполковник Давшан, причём стоило это ему немалых усилий.

После войны Саша ещё два года прослужил в Москве на аэродроме ГВФ. В то время в гражданской авиации тоже служили военные. Он был старшиной светомаячного взвода, который обслуживал световые приборы, определявшие направление самолётам при посадке в ночное время.

Демобилизовался он в сорок седьмом году.

Мирная жизнь началась с возвращения в Аткарск. А оттуда уже вместе со всеми в разрушенный войной Витебск. Жить было негде, там, где когда-то стояли их дома, зияли две воронки от снарядов. На улице Революционной, неподалёку от пивзавода, они купили маленький уцелевший домик, в котором и поселились всей семьёй. День ушёл на обустройство, а уже на следующий Саша отправился становиться на комсомольский учёт. Работы в разрушенном городе не было, но секретарь райкома комсомола пообещала ему в этом помочь. Сначала она предложила устроить его в продовольственный ларёк,

Александр и его жена Дина,
1950-е гг.

от чего парень отказался сразу. Тогда девушка предложила ему занять место инструктора ДОСААФ в Первомайском районе. И это Сашу вполне устроило. Он, как всегда, с энтузиазмом включился в это новое для него дело – собрал молодых ребят и начал готовить их к службе в армии.

Вот только начальство его старший почему-то не оценило, и вскоре на его голову посыпались выговоры и нахлобучки. А он никак не мог понять почему, пока это не прояснил его коллега из Октябрьского района. Узнав, чем Саша занимается, он долго смеялся, а после сказал, что его ещё мало ругают – самому заниматься людьми не нужно. Его дело – собирать отчёты о работе на местах, с предприятий, учебных заведений и этим отчитываться перед начальством. Так неожиданно выяснилось, что эта, на первый взгляд, живая работа в действитель-

ности оказалась канцелярской. Поэтому в ДОСААФе Саша надолго не задержался – писать и разбирать бумажки было не в его характере.

Всю свою дальнейшую трудовую деятельность Александр Симонович связал со швейной промышленностью. Сначала он ушёл в швейную артель «Победа». Располагалась она тогда на берегу Двины где-то в районе бывшего Дома культуры Витебского района. Устроиться туда ему помог Иоффик, в ансамбле которого он танцевал и играл на музыкальных инструментах. В артеле «Победа» после трёхмесячного обучения он начал работать механиком по обслуживанию и ремонту швейных машин, а спустя какое-то время стал главным механиком.

Вскоре, будучи уже в этой области специалистом, Александр Симонович какое-то время работал главным механиком на второй швейной фабрике, сегодня это объединение «Витебчанка». В конце сороковых она ненадолго влилась в состав фабрики «ЗИ», но вскоре это сочли нецелесообразным и фабрики вновь разделили. Но Александр Симонович в результате оказался не у дел. Его оставили на «ЗИ» подменным мастером – замещать ушедших в отпуск мастеров из различных цехов. По счастью, это не длилось долго. Ему случайно встретился и пригласил к себе главным механиком директор швейного ФЗУ Александр Григорьевич Рыжик. Это ФЗУ впоследствии преобразовали в ПТУ №

29, и здесь он уже работал вплоть до выхода на пенсию.

Как это не раз случилось прежде, на новом месте Александр Симонович не ограничился только прямыми обязанностями. Всю жизнь он уделял большое внимание художественной самодеятельности и сам в ней всегда активно участвовал. И в ПТУ он вскоре

Александр Швайнштейн с фронтовиками, 1985 г.

тоже организовал танцевальный коллектив, который впоследствии выступал на самых разных сценах и постоянно занимал первые места в республиканских конкурсах.

Непосредственно по его рекомендации на Оршанском заводе швейных машин выпустили знаменитую 1022м, собрав в ней всё лучшее из двух предшествующих ей моделей.

Примерно в пятидесятом, а может, в пятьдесят первом году Александр Симонович познакомился с Диной Лившиц – бухгалтером из Октябрьского района. Через год они поженились и прожили, как говорят, дружно и счастливо долгих шестьдесят семь лет. У них родились две девочки – Люда и Майя. Майей её назвали в честь дня, в который она родилась, первого мая.

На пенсию Александр Симонович вышел в 2003 году, ему было тогда без одного года, восемьдесят. Но даже несмотря на это, отпустить его не хотели и всячески уговаривали остаться.

Оказавшись в конце концов на заслуженном отдыхе, он всё равно никогда не оставался без дела. Ремонтировал всё, что бы ему не принесли соседи или знакомые, обшивал сайдингом вновь купленную дачу и ещё до девяносто двух лет продолжал водить машину.

20 апреля 2024 года Александру Симоновичу исполнилось ровно сто лет.

Р.С. 18 июля 2024 года Александр Симонович Швайнштейн ушёл в мир иной.

Семён ШОЙХЕТ

ВОЕННЫЕ ДОРОГИ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ

Галина Николаевна Лапицкая – коренная витеблянка. Помнит довоенный Витебск и увлечённо рассказывает об улицах своего детства, школе, в которой училась, подругах, соседях. С каждым годом коренных горожан с довоенной биографией становится всё меньше. И если мы любим свой город, надо оставить память об этих людях, записать их воспоминания. Без них история города не будет обстоятельной и правдивой.

Лапицкая Галина Николаевна с детьми

– До войны я жила по проспекту Бебеля, теперь это улица Карла Маркса – за железнодорожным вокзалом и виадуком, – рассказывает Галина Лапицкая. – Рядом с нами находились железнодорожная фабрика-кухня и автопарк. В нашем дворе стояло два дома. В одном жили мы и наши соседи Измайловичи – большая семья, пятеро детей. В другом – семья директора

кинотеатра «1 Мая» Никодимова, у него было трое детей, и Гутаренко с мужем и глухонемым сыном.

Мой папа Николай Яковлевич Быковский был белорусом, мама Роза Мордуховна – еврейка, семья Измайловичей – поляки, Никодимовы – русские. Но я не помню, чтобы когда-то возникали не то что конфликты, даже громкие разговоры на национальной почве. Я всё-таки 1928 года, к началу сороковых годов была взрослая девочка и хорошо помню то время.

Папа работал на железной дороге, а по вечерам и в выходные дни дома сапожничал. Работал, как тогда говорили, «без патента» и прятал от налогового инспектора свой сапожницкий инструмент во дворе. Слухи доходили до властей, что папа подрабатывает, его приходили проверять, но дома ничего не находили. Папа много работал. Жили мы неплохо. Мама даже подкармливала соседских детей

Измайловичей. Эта семья жила бедно. Работал только глава семьи, был столяром – но хорошо умел «стругать» в первую очередь детей. А потом их надо было кормить, ставить на ноги.

Папины родители – тоже коренные витебляне. Бабушка Катя с тётёй Марусей и её четверо детей жили в маленьком домике возле водокачки (теперь это улица Кирова).

У мамы был ребёнок от первого брака – Абрам Борисович Ольшванг. Он лет на десять старше меня. Жил с нами, ушёл в армию ещё до войны. Служил в Бресте в танковых войсках. Воевать начал с первого дня Великой Отечественной... Попал в окружение, выбрался к своим. Находясь в окружении, поменял документы и стал Николаем Яковлевичем Быковским. Под этой фамилией оставался до конца своих дней. В 1942 году был тяжело ранен, после госпиталя ходил с палочкой, его комиссовали. После войны жил в Толочине, там и похоронен в середине 70-х годов. Маминых родителей я не помню. Они эмигрировали в Америку в конце 20-х годов. Хотели и маму забрать с собой, но она не поехала. Муж, новая семья, я маленькая – причин было много. Мама о своих родителях никогда ничего не говорила: время было такое, когда лучше было помалкивать о родственниках, живущих за границей.

Дома я не слышала разговоров о войне, о политике. Родители были простые люди, и говорили на другие темы, а может, при мне не хотели об этом говорить. 22 июня 1941 года, воскресенье, – я хорошо запомнила этот день. Два дня назад у меня был день рождения, мне исполнилось 13 лет. Мама сделала стол, пришли родственники, меня поздравляли. А в воскресенье я играла с подругами во дворе, как сейчас помню, в прятки. И вдруг из домов выбежали взрослые и стали кричать: «Война, война!». У нас дома и у соседей были радиоточки, и в 12 часов они услышали выступление Молотова, который сообщил о начале войны. Мы, дети, вряд ли тогда понимали, что такое война, но, увидев, как ведут себя взрослые, испугались и разошлись по домам.

Мама боялась за старшего сына, который служил срочную службу. А 29 июня забрали в армию и папу. Ушёл на фронт и сын Измайловичей. Мы стали жить другой жизнью.

Эвакуировались те, кто был решительнее, богаче или, кто работал на фабриках, заводах. А мы остались с мамой вдвоём. Витебск бомбили, город горел, а куда нам было с мамой идти? В нашем дворе мы вырыли землянку и ночевали там, так было безопаснее. А днём я бегала на железную дорогу, на рампу, она была рядом с нашим домом. Там стояло полно гружёных составов, они последний день перед оккупацией уже не охранялись, и люди растаскивали всё, что могли унести. Я тоже отнесла в землянку какие-то продукты.

9 июля был жаркий день. Где-то в час дня по нашей улице со стороны Марковщины мы увидели большую колонну мотоциклов. На каждом сидели по три человека в зелёной форме, с закатанными рукавами, с автоматами. Это были немцы. Они ехали по направлению к мосту через Западную Двину. Мы спрятались за забором и в щели смотрели на улицу. Начался бой. Были слышны взрывы. Взрвали фабрику-кухню, сделали это наши перед отступлением. Мы с мамой не знали, что делать и ушли с соседями на Юрьеву горку. Там собралось много народа. Прятались в окопах. Там и заночевали. Город горел, кругом были видны пожары, трассирующие пули летели со всех сторон. Утром бой утих, и мы с подругами решили посмотреть, что стало с нашим домом. Мама не разрешала мне идти, но я всё же убежала. Улиц фактически не было – одни пожарища. От нашего дома тоже остались только обгоревшие брёвна. Вернулись обратно и рассказали всё родителям. Пришли с мамой на пепелище. Пару дней ночевали во дворе, в землянке, а потом решили идти в Хотиничи. Это километров семь от Витебска, не доезжая железнодорожной станции Княжица. Там до войны была тюрьма. Все заключённые разбежались, а бараки и административные здания остались. Кто-то из соседей сказал маме, что там можно поселиться.

На улице Винчевского (сейчас проспект Черняховского) жил извозчик Яша. До войны он работал на взвозе. От Западной Двины были проложены дороги, по которым грузы с речной пристани поднимали наверх. У Яши была лошадь, и он согласился отвезти нас и семью Измайловичей в Хотиничи. Поместились на подводе все, брать с собой было нечего, только то, что вынесли из дома в землянку. Поселились в административном здании тюрьмы: Измайловичи на первом этаже, мы – на втором, в маленькой комнате. А потом Яша перевёз в Хотиничи свою семью. Это был добрый и работающий человек. Еврей, женился на русской женщине Лизе, у которой от первого брака было двое детей. Яшина семья тоже поселилась на втором этаже. Жили дружно, делились всем, что было. А потом в Хотиничи приехали немцы и полицаи, собрали людей и назначили старосту Лаптева. Немцы искали коммунистов, евреев. Староста всё выведывал, узнавал, но, судя по рассказам людей, никого не предал. Был другой человек, мы его называли «приживалец». В Витебск он приехал откуда-то до войны. Стал жить с женщиной и с ней приехал в Хотиничи. Вот он-то и выдал немцам и Яшу, и нас. Немцы редко приезжали в Хотиничи, в основном были в Княжице. А после доноса появились. Яша прятался в большом сундуке, который стоял у них в комнате: день сидел там, а на ночь выходил. Несколько дней его не могли найти, а потом кто-то подсказал немцам. Яшу вывели во двор, и на месте расстреляли. Нас с

мамой повели в Витебск под конвоем полицейского. Шли пешком через весь город в управу, которая находилась на улице Толстого.

В управе мама увидела высокого блондина с голубыми глазами. Столько лет прошло, а я бы узнала его и сегодня. Мама знала его, это был налоговый инспектор, который пытался поймать папу за то, что тот сапожничал без патента. Мама подошла к нему: «Ты же знаешь моего Николая, он белорус. Отпусти дочку к бабушке. А со мной делай что хочешь». А он ответил (Г.Н. заплакала): «Ты извини меня, но что будет с тобой, то будет и с ней. Раз есть капля жидовской крови, она пойдёт туда, куда и ты». С улицы Толстого полицейай увёл нас в гетто на ту сторону Западной Двины. У нас были торбочки и в них немного еды. Кушать в гетто было нечего. Район огорожен. Со сторон улицы Комсомольской и Энгельса были ворота. За время моего пребывания они открывались несколько раз и заезжали подводы. Привозили грязную картошку, свеклу и выбрасывали на землю. Люди бежали, и кто успевал, тому доставалось немного еды. Кушали сырую, готовить было негде.

Молодые ребята иногда выбирались в город и к вечеру возвращались обратно, приносили родителям немного хлеба, который давали им довоенные соседи, одноклассники. Кто-то из довоенных друзей передавал что-то из еды. Но голод был страшный. Здание Клуба металлистов, вокруг которого было гетто, оставалось целым. Люди спали на лестницах, на чердаке, кто сидя, кто лежа. Тем, кому не хватало места, оставались ночевать на улице. Каждый день в пять часов в гетто приходили немцы с нагайками, плётками, и люди разбегались, прятались. Немцы избивали мужчин и молодых девушек до полусмерти, стариков почти не трогали. У спуска к Западной Двине стояли деревянная будка и шлагбаум. Около шлагбаума дежурил кто-то из узников гетто. Я запомнила бородатого еврея. Когда люди приходили за водой, он открывал шлагбаум и пускал их. Они набирали воду с реки и её пили. По берегу реки взад-вперёд ходил полицейский с ружьём.

Однажды мама позвала меня и сказала: «Ты должна уйти. Вдвоём мы не уйдём, мне уже 49 лет, что будет со мной, то и будет. А ты должна дожидаться отца. Спустишься к реке, как будто пошла за водой, и уходи вдоль берега. Полицейскому скажешь, что приносила еду однокласснице, а тебя увидели немцы и сказали: “Раз приносила еду жидовке, будешь сидеть здесь”. Иди к бабушке, у неё спрячься».

Я не была похожа на еврейку – светленькая, похожая на отца. На мне был папин вельветовый пиджак зелёного цвета, а в кармане – метрика. Она у меня до сих пор сохранилась. Разорвана на шесть частей, я её потом склеила и храню до сих пор. Там написано, что

я – Быковская Галина Николаевна, папа – Быковский Николай Яковлевич, мама – Быковская Розалия Мордуховна. Но мамино имя и отчество мы подтёрли, так что его видно не было. Я пошла к воде, а мама стояла на балконе и смотрела. Подхожу к шлагбауму, а еврей, который там стоял, не выпускал меня. Наверное, за себя боялся. Я дождалась, пока ещё подошли люди, спускавшиеся за водой, и вместе с ними прошла шлагбаум. Спустилась к реке и пошла вдоль по берегу, а еврей сверху закричал полицейскому: «Она отсюда, она отсюда». Я посмотрела на него и подумала: «Ну какая тебе разница, откуда я». Полицейский остановил меня и спросил: «Ты отсюда вышла?» – «Да», – ответила я. – «Как сюда попала?». Я ответила, как меня научила мама. Он спросил: «С кем ты живешь?» – «С бабушкой и тётей. Отца забрали в армию. А мама умерла». (Мне мама сказала, чтобы я так отвечала). Я полицейскому метрику показала. Я его запомнила. Худощавый, небольшого роста, с бельмом на глазу. Он посмотрел мою метрику: «Уходи отсюда и не оглядывайся». Я только глазами повела, чтобы увидеть маму, которая стояла на балконе, и пошла по берегу реки. Немного отошла и бегом побежала, чтобы скорее уйти с этого места.

Прибежала к бабушке, она уже и не ждала меня. Я побыла немного у неё и ушла к папиной двоюродной сестре Ольге Фоминой, которая жила на Марковщине по Киевской улице. Бабушкины соседи меня знали и могли выдать, в тринадцать лет я быстро повзрослела, а на Марковщине у тёти меня никто не знал.

Через какое-то время у тёти появилась моя мама. Как она выбралась из гетто, я так и не узнала. Это было где-то в конце сентября. Мама умоляла, чтобы я оставалась в Витебске, спряталась у бабушки. Но я сказала, что уйду из города и пойду в Выдрию. Я не хотела оставаться в Витебске, чувствовала, что надо уйти. Мама сказала: «Ты не найдёшь дорогу». Я ответила: «Найду». Мама заплакала и даже не поцеловала меня на прощанье. Я ушла, мама осталась в Витебске, она снова оказалась в гетто и погибла там. Почему не пошла со мной? Может, решила, что в ней узнают еврейку? В Выдрии жила Ольга Лобачёва и почтальонша Маруся – инвалид с одной рукой. Это были наши хорошие знакомые. Папа шил для них обувь. Приезжая в Витебск, они останавливались у нас, а мы с мамой перед войной отдыхали у них в деревне. На мне был всё тот же папин зелёный вельветовый пиджак и через плечо противогазная сумка. Туда мне положили на дорогу пару сухариков и кусочек сахара... По дороге встретила девочку, которая училась со мной в одной школе. Заночевала у них. Меня хотели сдать полицаям, но я вовремя убежала. Помогло выжить какое-то шестое чувство: я понимала, кому из людей можно доверять, а кому – нет.

В колхозе Ленина жила семья наших довоенных соседей Никодимовых: тётя Маруся и трое её дочерей. Месяц я прожила там. Потом соседи стали поговаривать, кто я такая, на кого похожа. Тётя Маруся сказала мне: «Уходим отсюда. Пойдём в Хотиничи, там ваша швейная машинка осталась, заберём её». Она была портниха, и швейная машинка была ей нужна, чтобы заработать на хлеб: троих детей кормить надо было.

В Хотиничи мы пошли уже по снегу. Добрались туда, забрали свою швейную машинку и пошли в обратный путь. Шли через Витебск. Когда проходили по понтонному мосту через Двину, в гетто уже никого не было. Только тряпки какие-то болтались на колючей проволоке. Возвращаться к Ольге Лобачёвой мне было нельзя, и Маруся Никодимова отвела меня к своим родственникам в деревню Заречки. Когда там стало опасно жить, я ушла в другую деревню к тёте Фене. Уже наступила весна 1942 года. Я понимала, что здесь не могу оставаться: соседи стали спрашивать у тётки Фени, кто я такая. И я ушла в Лиозно. Даже трудно себе представить тринадцатилетнюю девочку, которая одна идёт неведомо куда по военным дорогам. Но в годы войны все дети выросли очень быстро. Я рассказывала про себя, чему меня ещё в гетто научила мама: папа в армии, мама умерла. Из Лиозно подалась в Колышки. Там узнала, что рядом, в Понизовье, стоят наши войска.

Добралась до своих, а мне никто не верил, хоть я и рассказывала всю правду. В Ильино три ночи подряд допрашивали, говорили, что меня послали немцы. Потом поверили мне. В конце концов, из детского приёмника в Калининe меня эшелoном отправили в Омск.

Когда летом 1944 года наши войска освободили Витебск, я снова оказалась в городе. Думала, приеду, и снова вернётся довоенная жизнь. Но и я уже была другая, взрослая шестнадцатилетняя и не захотела жить у бабушки. В Лучёсе стоял наш военный госпиталь, я пришла туда и попросила взять меня санитаркой. Мне отказывали, а потом Зиновий Александрович Марадохин, он заведовал хозяйством госпиталя, сказал: «У меня в Харькове погибли жена и дочь. Будешь мне вместо дочки». С госпиталем я прошла последний год войны и закончила её в Германии.

Потом была послевоенная жизнь. В Витебск вернулась в 1952 году. Встретилась с отцом. Он прошёл всю войну и вернулся домой. Жил в Шапурах. Умер совсем рано...

Я работала в ресторане, автобусном парке. У меня четверо детей, внуки... Мне уже много лет... Такую жизнь я прожила...

Записал Аркадий ШУЛЬМАН

УРОКИ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЛОГО

Для молодёжи 9 мая – это праздник, для ветеранов – слёзы на глазах. Воспоминания о близких, кого уже не вернуть. И о лишениях, которые довелось испытать.

Михаил Борисович Мильман, 2024 г.

Наш собеседник – Михаил Борисович Мильман. Этот удивительный человек в 85 лет продолжает оставаться энергичным и деятельным.

– Что даёт Вам силы сегодня жить и давать пример другим? Когда многие молодые люди говорят о выгорании, Вы остаётесь для нас примером.

– Мне помогает юмор. В книге «Блуждающие звёзды» Шолом Алейхема есть крылатое выражение: «Смейтесь. Смех продляет

жизнь». Я стараюсь и сам не унывать, и людям рассказать что-нибудь смешное. Это поддерживает хорошее настроение и помогает дальше жить.

– Несколько слов о Ваших родителях. О Вашем детстве.

– Я родился в Витебске в 1938 году. Мама работала проводницей на железной дороге, папа – кузнецом паровозного депо.

У мамы, Либы Моисеевны, девичья фамилия Кузинец.

Отец воевал на Ленинградском фронте. Он скончался от ран через два дня после Победы и похоронен в Ленинграде (Санкт-Петербурге) на Пискаревском мемориальном кладбище. У меня есть выписка с кладбищенской книги № 46 (порядковый номер 854, братская могила № 3, умер 11 мая 1945 года, похоронен 15 мая 1945 года). Я раньше часто бывал в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и по работе, и по личным делам. Сейчас мне уже тяжело ездить. Но дочка, внук, зять ездят и бывают на кладбище. Так что отца и деда Мильмана Бориса Яковлевича мы не забываем.

- Где Вы жили накануне войны?

- В Витебске на улице Бебеля, это сейчас улица Карла Маркса.

Во время войны эвакуировались в город Абдулино Чкаловской области (ныне Оренбургская). Мама, я и брат.

Брат, Ефим Борисович Мильман, бросив учёбу в ПТУ, в 1944 году вместе с другом приехали в Москву. Там их случайно встретил друг отца Дмитрий Майоров, начальник колонны Министерства путей сообщения. Они попросили, и он устроил их работать кочегарами на железную дорогу. Поезда на фронт возили снаряды, а оттуда - раненых. Брат воевал. Потом стал машинистом паровоза, тепловоза, закончил вечернюю школу и заочно железнодорожный техникум.

Мама в годы войны тоже работала в паровозном депо. Ломом отбивала лёд на больших дверях, откуда выходили паровозы с ремонта, её руки были всегда в мозолях. Я этого никогда не забуду.

Наверно, редко кто сегодня знает слово «кизяк». Я мешал голыми ногами кизяк (топливо на зиму из соломы и отходов жизнедеятельности животных). Ноги болели, на них цыпки были.

- Что ещё Вы помните о войне?

- Помню, мы в 44-м году ехали домой. Железнодорожников отправляли первыми в освобождённые районы, чтобы наладить работу отрасли. Поезд остановился на станции Гжатск (Смоленская область, ныне город Гагарин).

Остатки немцев, вероятно, вырвались из окружения и затеяли бой с нашими войсками, которые наступали с другой стороны.

Мама затащила меня под вагон. Рядом снаряд разорвался. Она ударилась и разбила голову о скат. Потеряла сознание. Нас потом вытащили оттуда.

Ефим Мильман, военный снимок

Мама Либа Моисеевна Мильман. 1930-е гг.

Помню, стоял над мамой солдат и говорил: «Люба, очнись!». Я на него смотрел и ничего не понимал. Откуда взялся военный, почему он знает, как зовут маму?

А мама очнулась и спросила: «Коля, а ты откуда появился?»

Это был машинист Котнев, ранее работавший с моим отцом. Они дружили, и он хорошо знал нашу семью.

Николай Котнев отдал нам всё, что было в его вещмешке – мыло, сало, хлеб, консервы.

Мы приехали в Витебск, поезд остановился на рампе. Мама сошла с поезда, заплакала и закричала. Вокруг были одни развалины и пепелища. Наш дом тоже сгорел. На его месте сейчас находится пожарная часть.

Никто нас не встретил. Некому было встречать. Довоенные родственники, знакомые или успели эвакуироваться, или погибли в оккупированном Витебске.

К нам подошла одна русская женщина, напрасно встречавшая сестру. Было много людей, приходивших встречать, но так никогда и никого не дождавшихся.

Она позвала нас к себе, мы жили у неё какое-то время.

Потом нам дали маленькую комнатку в доме, где сейчас 8-я школа. Там раньше была кладовка. Маленькое окошечко. Поставили кровать, тумбочку.

– Вы рассказывали, что мама хвалила, говорила, что Вы умный, что у Вас даже не голова, а «башка»!

– Я и в школе хорошо учился, и в институте (заочно). Даже разработал прибор, показывающий жидкостное успокоение, который в Советском Союзе не делали. После окончания института мне предложили писать диссертацию. Но я вынужден был отказаться. Моя жена-студентка в то время была беременная. Забота о семье была на первом месте.

Моя дочка продолжила то, что я не сделал. Она кандидат наук.

Она, в том числе, преподаёт и помогает своим ученикам побеждать на школьных олимпиадах.

– Чем Вам запомнился послевоенный Витебск?

– Это был разрушенный город. Я часто бывал у мамы на работе на железнодорожном вокзале. И по улице Кирова мы с ней иногда ходили. Улицы как таковой не существовало. Сегодняшнего моста не было. Был понтонный, там, где Витьба впадает в Двину. Рядом находился магазин, в котором по карточкам хлеб давали.

На всю жизнь запомнил одно приключение, случившееся со мной. У меня украли продуктовые карточки. Это была не трагедия, а катастрофа. Я четыре дня не ночевал дома, сбежал, потому что испугался и потому что кушать нечего было. Меня нашли без созна-

ния в колодце возле железной дороги. Этот колодец был сделан из шпал. Даже трудно себе представить, какие кошмарные дни пережила моя мама.

– А кроме хлеба, что ещё было из еды в послевоенное время?

– Или рано утром, или поздно вечером, когда потёмки, мы с мамой ходили картошку перекапывать на чужие огороды. Это было воровством. Грозило тюрьмой. Но очень хотелось кушать, и была безвыходная ситуация. Кроме хлеба и картошки, ничего другого у нас не было.

Нищета, холод, голод, болезни и смерти – неотъемлемые атрибуты военного времени. Но я видел, как трудно об этом вспоминать Михаилу Борисовичу, и перевёл разговор на другую тему.

– В школе были какие-то развлечения?

– Развлечений не было никаких. Один учебник на троих. Например, сейчас я его читаю. Через полтора часа мы собираемся и передаём учебник по кругу. В этой когорте был и мой друг детства ныне покойный Фёдоров Николай Евгеньевич. Впоследствии профессор, доктор наук, заведующий кафедрой. Несмотря на все трудности, мы хорошо учились, мы стремились к знаниям.

В то время у нас не было новой художественной литературы. Были книги старые, довоенные, но я не успевал их читать, потому что мне учиться надо было.

– А спортом Вы занимались?

– Городошным спортом я стал заниматься после армии. Выступал за сборную Витебской области за юношей. Потом у меня от этих занятий привычный вывих плеча стал. И я не смог одно время тренироваться. Мы занимались в парке Железнодорожников (это сейчас), а тогда это был парк имени Кагановича. Он был министром путей сообщения.

После травмы мне порекомендовали заняться судейством соревнований. В итоге я стал судьёй всесоюзной категории.

– Вы работали на Витебском заводе электроизмерительных приборов?

– 38 лет, 9 месяцев и 19 дней.

Наш отличник

Дорогая редакция!

Я в первый раз посылаю свой снимок в газету. Но мне очень хочется, чтобы о нашем отличнике узнали все воины.

Комсомолец Михаил Мильман – лучший наводчик подразделения. На последних стрельбах воин заслужил отличную оценку и благодарность старшего начальника.

Воин активно участвует в жизни подразделения, редактирует нашу стенную газету.

НА СНИМКЕ: рядовой М. МИЛЬМАН.

Капитан Л. Лобачев.

Армейская листовка

Михаил Борисович Мильман, 1990-е

– Потом Вы работали на предприятии «Электроприбор» заместителем директора по внешнеэкономической деятельности. Это сложная работа, много отказов. Многие не хотят браться, потому что боятся ответственности. Что бы Вы им посоветовали, исходя из своего опыта, почему не надо бояться отказов в жизни?

– Я всю жизнь был с техникой связан, и у меня специальность называлась «электроизмерительная техника». Я знаю все производственные тонкости, и когда люди обращаются, я могу сопоставить несколько приборов и рассказать, чем наш прибор лучше, чем у кого-то.

– То есть прежде всего, надо знать своё дело и идти вперёд?

– Совершенно верно. Надо знать, с кем разговариваешь – это технический работник или менеджер. Исходя из этого, строить разговор. Никого нельзя унижать. Ни перед кем себя нельзя ставить выше. Надо на равных говорить с человеком. Тогда, как говорится, и люди потянутся к тебе.

Кстати, контактным лицом ООО «Витебские семена трав» на одном из сайтов тоже указан М.Б. Мильман. Следовательно, он изучал и другие сферы, а затем, в силу коммуникабельности, кругозора и целеустремлённости, помогал производить и реализовывать продукцию, нужную в сельском хозяйстве.

– Исходя из прожитых лет, какой вывод могли бы сделать, что пожелать нынешнему поколению?

– Есть такое неписаное правило – твори добро. Чтобы о тебе хорошо вспоминали, когда придёт время, надо всегда быть человеком.

Герои проекта «Дети войны вспоминают» состоялись во всех смыслах. В профессиональном и семейном, в творческом и личном. Но не благодаря войне и её последствиям, а вопреки этому. Конечно, огромную роль сыграли родители – матери, заботящиеся о детях, и отцы, защищавшие свою землю. Но и сами дети росли, боролись, трудились и стали достойнейшими людьми.

Леонид ШУР

В КАНУН НОВОГО ГОДА

Говорят, что как раз в это время вместе с уходящим старым годом уходят от нас также и все случившиеся в нём когда-либо неприятности. И наоборот, происходят самые невероятные и при этом только хорошие вещи. Сбываются мечты, сглаживаются конфликты, встречаются влюблённые и наилучшим образом разрешаются все проблемы.

В год, о котором пойдёт речь, с нашей героиней ничего подобного не случилось, если не считать того, что как раз в момент его завершения она появилась на свет. Произошло это в Витебске тридцать первого декабря тысяча девятьсот тридцать восьмого года в десять часов вечера. Случись на два часа позже, и всю последующую жизнь Римма Наумовна Гинсбург была бы на целый год моложе, что для женщины весьма немаловажно.

Интересно, что виновники этого события, то есть её родители – Наум Абрамович Бабиор и Полина Абрамовна Авидон, всю жизнь прожили каждый под своей фамилией, несмотря на то что находились в законном браке. И вовсе не потому, что эти фамилии им так нравились, причиной всему была советская бюрократия. Полина Абрамовна работала в финотделе, а позже – в госбанке. В те времена это были важные государственные органы, их работники носили форму с петлицами и знаками различия. Всё было крайне строго, и при смене фамилии нужно было заполнить кучу формуляров, а канцелярии в личном деле заменить ещё большее количество бумаг. И чтобы избежать всего этого, люди предпочитали оставаться на своих фамилиях.

Сегодня Римма Наумовна мало что помнит о своём военном детстве. Какие-то обрывочные, никак не связанные моменты. В этом

Римма Наумовна Гинсбург, 2024 г.

нет ничего удивительного: когда началась война, ей было всего два с половиной года.

Она совершенно не помнит город Пензу, куда её семья эвакуировалась. А о самой эвакуации в детской памяти отложились какие-то фрагменты с людьми с тележками, узлами, чемоданами, кони с повозками, и всё это происходило где-то в районе вокзала. Ещё помнит, как мама постоянно говорила им: «Дети, только не потеряйтесь», – на что Римма в конце концов ей громко заявила: «А мы не потеряемся», – и для убедительности, в знак подтверждения своих слов, укусила брата, который был старше её на два года, за ногу. После этого оба расплакались, а мать долго их успокаивала.

В Пензе семья поселилась на квартире у какого-то цыгана в полуразваленном доме с дощатым туалетом во дворе. Крыша текла, и во время дождя под каплющую с потолка воду приходилось ставить всю имеющуюся посуду: вёдра, кастрюли, миски. Отец Риммы был инвалидом. В начале войны его призвали в армию, но вскоре комиссовали. В Пензе он работал на военном заводе.

Следующее яркое воспоминание уже о возвращении в сорок седьмом году в Витебск. В памяти остался совершенно разбитый город, сплошные развалины, над которым стоял запах дыма и гари. Вспомнились военнопленные немцы с кирками, разбиравшие завалы в районе Замковой улицы. Уцелевшее здание синагоги на Революционной. С развалин жители окрестных улиц брали кирпич для устройства в домах печек.

Семья поселилась в районе улицы Металлистов (сейчас Зеньковой). Римма с братом пошли в школу. Это была начальная школа № 9, размещалась в деревянном здании на улице Лобазной. Существовала когда-то в Витебске такая улица на берегу Двины, но уже с давних времён она переименована в улицу Чайковского. На ней сохранились старые лобазы, в которых сегодня размещился культурно-деловой центр «Золотое кольцо “Двина”».

Десятилетку Римма заканчивала в средней школе № 6. После войны и вплоть до шестидесятых годов эта школа находилась в трёхэтажном здании на берегу Витьбы возле Октябрьского моста. Училась Римма хорошо, была активной пионеркой, а одно время даже пионервожатой в младших классах. Всегда отличалась громким голосом, который сохранился у неё до сих пор. По этому поводу директор школы Михаил Ефремович Левин шутил: «Я в любой момент могу определить, где сейчас находится класс, в котором учится Бабиор. Её голос слышит вся школа».

Шестая школа находилась на Подлоге – так назывался старый район, который ежегодно весной затапливало. Сегодня реки обмелели, но в те годы по Двине ещё ходили винтовые суда, а весенние

паводки затапливали целые районы. После войны самое большое наводнение было в пятьдесят пятом году. Тогда почти по самую крышу ушёл под воду самый крайний дом на улице Толстого, тот, в котором сейчас находится женский монастырь. А в шестой школе и соседнем здании Октябрьского райисполкома почти до потолка затопило первый этаж. Понятно, что в такие дни у детей появлялись ещё одни, не предусмотренные отделом образования каникулы.

После окончания школы возник вопрос о дальнейшей учёбе. Римма решила пойти по стопам матери. Поступила в Ленинградский финансово-экономический институт и успешно его закончила. Вернувшись в Витебск, устроилась на работу в банк.

В тысяча девятьсот шестьдесят шестом году Римма вышла замуж за парня, с которым, начиная с пятого, училась в одном классе, а после школы много лет дружила. Её мужем стал Гинсбург Валентин Абрамович, тогда ещё просто Валик. К этому времени он закончил пединститут, и его как молодого учителя математики распределили на Алтай, в отдалённое село Михайловское Бийского района. А его молодая супруга, по примеру жен декабристов, последовала в эту «Тьмутаракань» вслед за мужем.

Дорога оказалась неблизкой. До Новосибирска Римма летела самолётом, затем ехала поездом до Барнаула, потом автобусом до Бийска, а уже в село приехала на машине, которую Валентин попросил в совхозе. В конце концов она добралась до места, однако, там её ждало разочарование. Даже самых элементарных условий для семейной жизни, к сожалению, не было и в помине. Её муж жил на квартире и спал в хозяйском доме за печкой. Для Риммы места практически не оставалось. Не нашлось для неё в совхозе и работы по специальности.

Директор, к которому они обратились с требованием выделить им как молодым специалистам хоть какую-то квартиру, категорически отказал. Причём, с его точки зрения, мотивация у него была абсолютно нормальной и даже логичной. Его жена в этот год поступила в институт, и через пять лет ей могло понадобиться в их школе место учителя математики. Ну и поскольку Валентин работал в ней временно, то и жилплощадь им, по его мнению, не полагалась.

После столь неожиданного решения вопроса молодые люди отправились в сельсовет, но там уже предъявили свои условия: либо им предоставляют жильё и работу для Риммы, либо дают открепление. Ответ им дали не сразу, прошло несколько дней, пока местные власти принимали решение, но в конце концов их всё же с миром отпустили.

Ребята вернулись в Бийск и там в первый же день сняли нормальную квартиру и сразу нашли работу. Римма устроилась начальником планового отдела на авторемзавод, а Валентин – учителем в детскую трудовую колонию.

Римма Гинсбург в витебской синагоге, 2024 г.

Через год они приехали в Витебск в отпуск, и здесь для них неожиданно открылись совершенно иные перспективы. Родители Риммы жили в деревянном двухэтажном доме с печным отоплением, без каких бы то ни было удобств. Стоял он на крутом берегу Витьбы, как раз напротив Дома специалистов. Таких домов в то время было много. Строили их в сороковые и пятидесятые, чтобы хоть как-то обеспечить людей жильём, но уже

в конце шестидесятых, когда в городе стали появляться крупнопанельные пятиэтажки, их практически все снесли.

Шёл под снос и дом, в котором жили Риммины родители. Супруги решили прописаться к ним, чтобы в недалёком будущем получить квартиру. В этом, конечно, были свои плюсы и минусы. Бийск быстро развивался. Оставаясь там, они, безусловно, имели бы какие-то перспективы. Да и зарплаты там, с учётом поясных добавок, были значительно выше. Но, с другой стороны, хотелось всё-таки быть поближе к родителям, да и алтайский климат Римме определённно не подошёл. Зимой в Бийске им пришлось пережить мороз за пятьдесят градусов, когда птицы замерзали на лету и замертво падали вниз.

Были, естественно сомнения, но в конечном итоге всё же решили перебраться в Витебск. Сразу после возвращения они, как и планировали, прописались к родителям и вскоре получили квартиру. Римма устроилась в областное статуправление, где проработала до пенсии, вначале ведущим экономистом, а позже замначальника отдела.

После выхода на пенсию она однажды попала в синагогу и с тех пор уже много лет посещает её регулярно.

С Валентином они прожили вместе долгие пятьдесят лет.

В 2015 году он ушёл из жизни.

Недавно у Риммы Наумовны был юбилей – ей исполнилось восемьдесят пять. Возраст, надо сказать, серьёзный, поэтому пожелаем ей здоровья, счастья и ещё долгих-долгих лет жизни.

Семён ИШОЙХЕТ

МАМИНО ДЕТСТВО

Я большую часть детства и юности жил с бабушкой и дедушкой. Мой дед (отец моей мамы) не любил весёлые фильмы о войне. Говорил, что всё это неправда, на войне очень страшно. И он не рассказывал о войне. А бабушка (мама моей мамы) по-своему переживала горе и часто делилась воспоминаниями. Поэтому я знаю, о чём спросить мою маму – Асю Семёновну Шур (в девичестве Азбель). Мы будем вспоминать о Второй мировой войне.

– Итак, ты родилась...

– В январе 1940 года в городе Гомеле. Это был частный дом на улице Пионерской, 62. В 1939 году мой папа и его брат построили большой дом деревянный, и мы там жили до войны. Папа работал в торговле, а мама работала акушеркой.

С 39-го года моего папу трижды забирали на войну – на финскую, на польскую.

А уже в 41-м году, в июне месяца, не знаю, когда точно, почти с самого начала войны его забрали в армию. И он там пробыл пять с половиной лет. До 5 декабря 45-го года.

– В 41-м году началась война. Что мама рассказывала об эвакуации?

– Нас всех погрузили в эшелон. Мы ехали долго, тяжело, тесно. Мама Анна Ильинична Хазановская рассказывала, что это была страшная дорога. Потому что попадали под обстрелы. Но самый страшный обстрел был в Бахмачах (Бахмуте). Удивительно, что в этом же эшелоне ехала семья моих будущих родственников и мой будущий муж, которому тогда было 4 года. Их переправили на Украину в Похвистнево. Мы попали под бомбёжку. Все выскакивали из вагонов. Мама подбежала к колонке, чтоб меня помыть, сама стала мыться. И тут самолёты. Пришлось бежать. Мы бежали через поле,

Ася Семёновна Шур

с нами – женщина в красном платье, и солдат рванул это платье, потому что она была мишенью для стрельбы. Мы бы там и остались на поле, потому что был высокий забор. Но подбежали два солдата, помогли нам перебраться через забор, и мы пошли дальше. Там был колхоз или совхоз. И председатель радушно принял нас. Маме дал две простыни. Для неё и меня. И мы легли, обессиленные от ужаса.

– И вас там нашли родственники.

– В это время пришёл ещё один эшелон из Минска. Где ехали моя бабушка и моя тётя, младшая сестра мамы. Они прошли этой же дорогой и пришли к этому лесочку, увидели лежащих людей. Тётя по ногам узнала мою маму. Дальнейший путь мы продолжали вместе.

Мы приехали в Коканд.

Солнечный город, добрый город, который приютил беженцев. Я тут же заболела тяжело. У меня пошли нарывы на голове, на ногах. Меня без сознания мама Анна Ильинична Хазановская унесла в больницу. Врач посмотрел и сказал, это надо их вскрывать, но нет ассистента. Мама сказала, что она акушерка и поможет ему. Мне вскрыли нарывы и оставили в больнице. Мама попросила, чтобы её оставили в больнице, её взяли санитаркой.

Там не было детского отделения. Потом я очнулась, стала ходить. Меня подкармливали больные.

– Вы выписались из больницы. И что вы ели? Фрукты, что-то ещё было?

– Очень тяжело было... О фруктах речь не шла, потому что всё надо было покупать. Тётя работала на вязальной фабрике. Получали гроши. Маму научили торговать. Кусок мыла резала на квадратики ниткой жёсткой. Потом шла в аул и брала там урюк. Муку доставали, варили затируху. Бабушка вскоре умерла. Она свой хлеб отдавала мне. Так получалось, что я оставалась дома всегда одна...

Конечно, меня выпускали на улицу. Русских детей я там не знала. С узбекским мальчишкой я дружила. И мама говорила: «Идите к его деду». Он работал в чайхане и нам наливал чай.

Один раз я ушла или меня забрал кто-то... Искали сначала всем двором, мама сбилась с ног. И вдруг она увидела, что идёт цыганка и несёт меня на руках. Принесла меня мама домой, и больше не выпускали одну.

Землетрясения были. Часто, но небольшие. Одно землетрясение помню. Как прыгала крышка на кастрюле, шевелился мешок с урюком, соседка кричала в окошко: «Ася, открой окно». Я же была заперта. Но я говорила: «Нет, мама не разрешает».

А потом мама прибежала и меня вытащила. Наш дом устоял.

– И потом вас нашёл папа...

– Через Красный Крест. И даже прислал посылку, где были бума-

га белая и кусочек белого мыла. Моя тётя даже подумала, что это пудра. Она же молодая была. Мы так были счастливы, что отец нашёлся, что он жив. Папа говорил потом, уже после войны, что весёлым фильмам о войне ты не верь, Ася. На войне очень страшно. И он один раз мне сказал: «Мой земляк с нами был. Шёл бой, он меня толкнул, я упал в воронку, а он лёг сверху. А потом я стаскивал с себя мёртвого парня. В него попала пуля».

Папу пощадила война, он остался цел.

День Победы помню. Люди радовались, какие-то музыкальные инструменты звучали. Люди плакали. Мои мама и тётя плакали. А потом мы уже собрались в дорогу.

Сначала на вокзал пришли и пытались выехать как-то, это было невозможно. Столько было людей, такая теснота, столько было воров. Наши две подушки единственные даже разрезали, потому что думали, что мы деньги везём.

Мама поняла, что меня некуда деть, и ночь наступает. Ей удалось меня устроить в детприёмник. Помню ясное солнечное утро, меня расчёсывает воспитательница или работница детприёмника, а мама стоит под окном и смотрит.

Потом мы приехали в Гомель. Дом наш устоял. Он весь был изрешечён пулями. Потому что там был сначала немецкий штаб, потом русский. А одна стена вся была искорёжена пулями. Наш дом помогли сохранить монашки, которые дружили с нами. Это очень большая ценность была. Они любили нашу семью. Дом был страшный – не зайти. Сначала выселили тех, кто там жил. Потом стали кипятить в печи воду и обливать кипятком стены, потому что было очень много клопов. Потом заселились. Мама пошла на работу старшей акушеркой.

В детский садик я плохо ходила, потому что беспрерывно болела. Приходилось оставлять меня то ли у родственников, то ли у монашек.

– А потом в декабре вернулся папа с войны.

– В конце 45-го года, моя мама в этот день белила печь, а я услышала, что идёт папа (к нам забежали и сказали, что идёт Сеня)...

Моя мама села и не могла двигаться, чуть сознание не потеряла. А я побежала, надела на себя летнее платье, которое у меня было... И расчесалась.

Папа зашёл и говорит: «Боже, что это за девочка?»

«Это же я, твоя Ася!» – закричала я.

И папа, наверно, неделю сидел дома, пока из его шинели не сделали куртку, чтоб он мог идти на работу.

– Он работал заведующим магазином.

– Его очень уважали за честность, большую принципиальность.

Магазин в этом районе был лучшим. Его даже в то время называли «магазин Азбеля».

Семья Шур в сборе

Он был «Отличником советской торговли». Много благодарно-стей в трудовой книжке.

Мама работала, но периодически. Потому что папа пришёл очень больной с войны. Ему ставили, чуть ли не туберкулёз. Надо были обследования, надо было лечение. Он был всегда очень худой, серый, усталый от этой жизни, от этих войн. Но, слава богу, он был живой.

– После войны ты училась, стала врачом...

– Я окончила школу в Гомеле с медалью, потом переехала в Витебск вместе с мужем. Закончила мединститут. Я всегда старалась помочь людям: взрослым и детям. Люди были благодарны за это.

– Что бы ты ещё хотела сказать о своей маме, о семье?

– Война – это страшно. Особенно для детей. Война и дети несовместимы. А когда дети на руках, это ещё страшней. И когда люди жалуются, что что-то не так в магазинах или на улице или не та погода... Самое страшное, когда за окнами война. Поэтому дай бог мира, дай бог твёрдого настоящего мира, чтоб люди опомнились и по-другому относились друг к другу.

Мама с папой прожили вместе почти 59 лет, родили двух сыновей, у нас трое внуков. Мама посвятила жизнь медицине, никому не отказывала в помощи. Потому что семья и здоровье – это главное.

Когда уже родители переехали в Витебск ко мне сюда, на улицу Лазо, я говорила: «Папа, ты столько прошёл войн, заслужил, чтобы у тебя была квартира».

А он ответил: «Знаешь, у людей не хватает жилья, а нам здесь очень хорошо. У нас четырёхкомнатная квартира с малюсенькими спальнями».

Папа считал, что это хорошо и достаточно.

Леонид ШУР

СЕМЁНУ ШУБЕРТИЮ – 105 ЛЕТ!

В небольшой городок, а когда-то еврейское местечко Куренец Вилейского района Минской области, мы ехали к одному из старейших жителей Беларуси – Шубертию Семёну Иосифовичу. Ему 105 лет. Живёт в красивом и уютном доме, который перестраивал сам.

Километры от Минска до Куренца пролетели незаметно. Вадим, работающий в Минской еврейской благотворительной организации «Хэсэд Рахамим», рассказывал о своих подопечных, он курирует жителей области, рекомендовал интересных людей для следующих интервью. Их немало, и, безусловно, хотелось бы встретиться с каждым. Семён Иосифович тоже подопечный Вадима, он ехал проведать его и вручить ханукальный подарок.

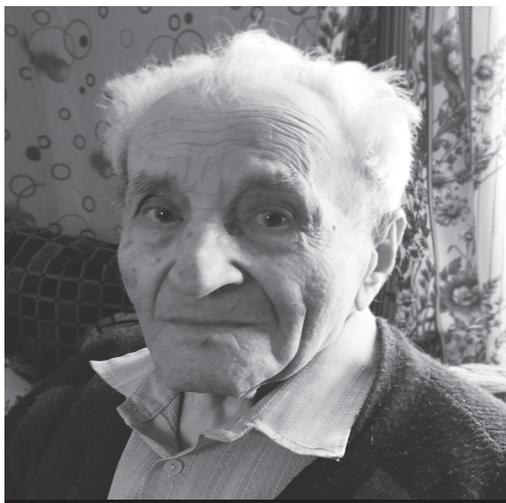
Журналисты и различные делегации нередкие гости в доме Семёна Иосифовича. Интересно встретиться, поговорить с этим человеком. Они советовали непременно побеседовать с ним. Были осенью, я приехал спустя почти четыре месяца. Конечно, за это время Семён Иосифович несколько изменился. Уже не был тем разговорчивым человеком, которым видели его совсем недавно.

Может быть, в доме и устали от посетителей, но нас встретили хорошо.

Я начал разговор с обычных вопросов, интересовался анкетными данными. Мог бы познакомиться с ними и по документам, но хотелось наладить контакт с собеседником. Тем более со 105-летним человеком встречался впервые.

– Как вас зовут?

– У меня два имени: Самуил – по-еврейски, – сказал он. – А тут я – Семён.

Семён Иосифович Шубертий, 2023 г.

– Как отца звали?

– Иосиф.

– Как ваша фамилия?

– Шуберт.

– Где вы родились?

– Украина. Мы жили в деревне Кануны, это Житомирская область.

– Расскажите про родителей.

– У нас был свой дом. Отец работал в сельском хозяйстве. Вся семья много работала. Были лошадь, корова. Жили мы неплохо. Мать Розалия, Роза – домохозяйка.

– В семье было много детей? – спросил я.

– Пятеро, – ответил Семён Иосифович. – Мария самая старшая, потом я, потом Геня, Соня и Ида.

– Какого вы года рождения?

– 1918.

Фамилия родителей Семёна Иосифовича – Шуберт. Но в послевоенные годы ему посоветовали придать ей не такое ярко выраженное еврейско-немецкое звучание. Тем более Семён Иосифович был в плену. И он стал Шубертий.

Возраст, тем более такой солидный, берёт своё. Но Семён Иосифович, привыкший всю жизнь работать, и после ста лет не мог сидеть без дела. Зимой выходил чистить двор от снега.

Столетний юбилей праздновали в местном кафе, и женщины приглашали его танцевать. Семён Иосифович отзывался на все приглашения.

Пару лет назад заболел ковидом. Лежал в районной больнице. Мало кто верил, что поднимется, но встал Семён Иосифович с больничной койки и вернулся домой.

Конечно, память в таком возрасте с каждым днём создаёт пробелы. А тем более это стало ощутимым после тяжёлой болезни.

До 101 года Семён Иосифович жил один. Дочь Алла Семёновна Жук (фамилия по мужу) работала в Вилейке. Преподавала в гимназии французский язык. Пару раз в неделю приезжала к отцу – готовила, убирала. Он сам разогревал еду, за собой ухаживал. Сейчас Алла Семёновна живёт с отцом. Она стала участницей нашего разговора.

– Какие самые ранние воспоминания у вас остались? – спросил я у Семёна Иосифовича.

– Ходил в школу. До 4-го класса школа была в нашей деревне, потом в другую деревню ходили пешком за несколько километров в 5, 6 и 7 класс. На зиму снимали квартиру там.

– Ты расскажи про голубей. Когда был голод. Это 1936 год, – напомнила отцу Алла Семёновна, которая очень хорошо знает его биографию, много раз слышала эти рассказы.

– За деревней ветряк стоял, – стал рассказывать Семён Иосифович. – С большими крыльями. Мы голодные были. Пошли к ветряку, верхняя двёрка была открыта. Один мальчишка стоял внизу, второй залез ему на плечи, схватился руками за дверцу и залез в ветряк. Там было много птиц, особенно где крутились крылья. Он их ловил. Сбрасывал нам. Мы ловили голубей и в мешок. Потом побежали домой. Стали их чистить, варить, есть. И сами наелись, и других накормили.

– Какую школу вы закончили – русскую, украинскую, еврейскую?

– Украинскую.

– И разговаривали в детстве на украинском языке?

В разговор снова вступила Алла Семёновна. Она может быть биографом семьи.

– Дома родители разговаривали на идиш. Были религиозные люди. На Песах с чердака доставали специальную посуду. Моя бабушка была очень большая мастерица по готовке еды. Выпекала булки, разные вкусные вещи. На свадьбы пироги пекла. Мацу делали сами.

– Вы там окончили школу? – спросил я.

– Закончил 7 классов. Потом поехал в медицинский техникум учиться в Житомир.

– В деревне жили все украинцы, но были две семьи еврейские: Шуберт и Бараш, – рассказывает Алла Семёновна. – Между собой дружили, тем более были родственниками. Бараш – это папиной мамы брат.

Мир тесен. Нынешний представитель организации «Джойнт» в Беларуси Алекс Шмит дружит с правнуком этого самого Бараша. Между прочим, после рассказов Алекса Шмит о Шубертии, я и приехал к нему. Правнук Бараша живёт в Израиле. Он передал в подарок Семёну Иосифовичу тёплые и мягкие сапожки. Привезли из Иерусалима в подарок и красивую хамсу.

Алла Семёновна повесила её в красный угол. В православных домах в красных углах находятся иконы.

Семён Иосифович завершил учёбу в медицинском техникуме и пошёл служить фельдшером в Красную Армию. Семья оставалась жить в деревне в Житомирской области. Когда началась война, евреи из этой деревни или не спешили, или не могли эвакуироваться. Всё же деревня не город, а может быть, не понимали, что фашисты будут зверствовать.

Семён Иосифович обо всём, что случилось в родной деревне, узнал после войны.

Когда в Кануны пришли немцы, его мать работала в поле с дочками. Одна украинская девочка прибежала из деревни и говорит: «Там немцы, не идите туда». Сёстры остались в поле, спрятались. Они остались живы.

Старшая, Геня – успела уйти на фронт, служила медсестрой. Младшие, Соня и Ида, оставались в деревне. Их прятали местные жители.

Сейчас Соне сто лет. Живёт в украинском городе Ровно.

Мир меняется каждый день, и происходят события, которые казались невероятными ещё вчера. Столетняя женщина прислала по телефону видеопоздравления с Ханукой своему стопятилетнему брату. Безусловно, ей помогли это сделать внуки или правнуки. И телефон, на который пришло поздравление, принадлежит Алле Семёновне. Но всё равно, сам факт потрясающий.

Маму Семёна Иосифовича расстреляли. Немцы или полицаи приказали: «Одевай самое лучшее и поедем. И бери с собой ценные вещи». Она спросила: «Зачем поедем?». «На работу», – ответили ей. Для чего на работу надо было надевать лучшие одежды, было непонятно. Ценных вещей в доме не было. Но она надела лучший наряд. Повезли в районный центр, там два дня издевались над ней и расстреляли.

Иосиф оставался в деревне, люди помогали – прятали его по очереди, часто рискуя жизнью. Семья Шуберта была очень уважаемой. Иосиф был щедрый и добрый человек. В голодные годы делился с людьми картошкой. Даже был такой случай, Соня, сестра Семёна рассказывала. Ей купили сапожки. Она радовалась, танцевала в них, и вдруг приходит к ним соседская девочка, это было в начале зимы, босая. И Иосиф ей подарил сапожки своей дочери. Соня плакала. Отец сказал ей, что соседская девочка замёрзнет, а тебе со временем новые купим сапожки.

В 1944 году, незадолго до освобождения, Иосифа выдала какая-то подружка полицай. За ведро самогона. Иосифа расстреляли. Вывели за деревню и сказали: «На, съешь кусок хлеба перед смертью». Он ответил: «Не буду». Выстрелил полицай, попал в руку. Иосиф говорит: «Стреляй в сердце. Не умеешь стрелять». Потом выстрелил другой полицай. И убил Иосифа. Ночью люди тайно похоронили его.

Соня две зимы пряталась в стог сена, отморозила ноги. Люди приносили тёплую одежду, еду.

– Где вы были во время войны? – спросил я у Семёна Иосифовича.

– В 1939 году меня призвали в армию. В 1941 году должен был демобилизоваться осенью. Тут война. В Латвии встретил войну. В первый же день уже перевязывали раненых в медсанчасти. Самолёты летали, бомбили.

– Вы уникальный человек, – сказал я.

– Уникальный? – с удивлением переспросил Семён Иосифович и стал рассказывать. – В меня стреляли два раза. Один раз меня чуть не растерзали как еврея.

Я в медсанбате служил. Шли на помощь Ленинграду. Дошли только до реки Волхов, немцы заняли центральную дорогу, на той сто-

роне реки построили окопы. Перерезали нам путь. Сколько раз под пулями был, что-то мне помогало, не знаю, как получилось, но я выходил живым.

В боях под Ленинградом часть, в которой служил Семён Иосифович, попала в окружение. Пытались прорваться, и попали в плен. Как он, еврей, выжил в немецком плену? У него был один шанс из тысячи. Хотели расстрелять затерялся в колонне военнопленных, не выдал никто из сослуживцев, оказался однофамильцем немца, с которым вместе работал на шахте в Германии, и тот, по всей видимости, решил не выдавать его гестапо. Был Семён Иосифович физически крепкий. Его не сломал ни голод, ни изнурительная работа. Он, пройдя сквозь годы плена, вернулся в строй.

– Немцы не знали, что вы еврей? – спросил я.

Ответила дочь Алла Семёновна. Этот вопрос тоже неоднократно задавали её отцу.

– Знали. Когда вели пленных через какую-то деревню, там гарнизон стоял, немцы завтракали. Один показал на отца и говорит: «Юда». Уже стрелять собрался. Другой остановил его: «Дай позавтракать. Не мешай. Потом». Так Семён Иосифович остался жив.

Потом из концлагеря послали на шахты в Германию работать.

– Как там остались живым? – спросил я.

– Только ранен был. Что-то упало на меня в шахте. Я уголь копал. Прикрепили меня к одному немцу. Шуберт была его фамилия.

– Фамилия того немца такая же, как и у вас? – переспросил я. – Какое совпадение. А тот Шуберт знал, что вы еврей?

– Знал.

Разговор получался большим, обстоятельным. Семён Иосифович устал, и к беседе всё чаще подключалась его дочь.

– Их отправили на ферму работать, там уже, как отец рассказывал, было немного лучше. Хотя работы и много, тяжёлой, в вагонетках перевозили навоз, но зато и еды больше давали. Папа с работой справлялся.

– Семёна Иосифовича освободила Красная Армия?

– Сразу после проверок его отправили на фронт. В армии служил в медсанчасти, фельдшером.

– Где встретил Победу?

– В Германии. Недалеко от Берлина.

После Победы воинскую часть, в которой служил Семён Иосифович, передислоцировали в Гомель.

– Там отец встретил мою мать, она работала учительницей, – продолжает рассказ Алла Семёновна. – Они буквально три дня были знакомы, часть переводили в Минск, и решили жениться.

– Всего три дня были знакомы? – переспросил я.

Семён Шубертий с женой, фото 1950-х гг.

Алла Семёновна за-
смеялась.

– Прожили хорошую жизнь. Моей маме повезло, что она вышла замуж за такого человека, как мой отец. В доме делал все работы, помогал маме.

В Минске Семён Иосифович, уже после демобилизации, работал одно время на должности врача. Там в 46-м году родился их старший сын Георгий. Сейчас живёт в Запорожье. Перед выходом на пен-

сию работал проректором медицинского университета. Регулярно звонит в Куренец. К сожалению, сейчас не может приехать, навестить.

В Минске молодой семье тяжело было жить. Послевоенное голодное время. Помощи ждать не от кого. Семён Иосифович пошёл в облздравотдел и сказал: «Переведите меня на работу в деревню. Я там не пропаду». Все стремились из деревни в город. А он – наоборот. Долго перевода ждать не пришлось. Его направили в Нарочь (бывший Кобыльник) на должность врача. Там семья прожила три или четыре года. Родилась в 1949 году Алла Семёновна.

– Папа узнал, что освобождается место фельдшера в амбулатории в Куренце, – рассказывает Алла Семёновна. – Поехал, посмотрел, ему понравилось. Раньше Куренец был еврейским местечком. Евреев после войны оставалось мало, однако, ещё были. И его сюда перевели. Дом купили у того же фельдшера.

Семья приехала на новое место, обосновалась, и Семён Иосифович увидел, что купленный дом гниёт – грибок съел четыре нижних венца и поднимается дальше. Что делать? Денег на ремонт не было.

Когда люди из той деревни, где он прежде работал, узнали об этом, пятеро мужчин приехали в Куренец и сказали: «Мы отремонтируем дом. Ничего платить не надо. Только кормите и дайте место для ночлега».

Такой запоминающийся случай был в жизни.

Как Семён Иосифович относился к людям, так в сложную минуту жизни они отнеслись к нему.

– Расскажите про свою работу фельдшером в Куренце, – попросил я.

Семён Иосифович стал активно рассказывать:

– Работал заведующим фельдшерским акушерским пунктом, в амбулатории. Была врач, были приёмы большие. В одном кабинете врач принимала, в другом – я. «Старушенций – тебе, – говорила врач. – Молодых – мне». Наравне принимали. Даже больше ко мне обращались, чем к ней.

– Папа, не скромничай, – сказала Алла Семёновна. – У него был большой авторитет, люди с соседних районов приезжали к нему лечиться, потому что знали – хороший доктор, у него интуиция была, врач от бога, как его называли. И домой приходили больные. Никому не отказывал. Ночью, днём, в любое время, в праздники приходили. На приёме у врача не было столько людей, а у него большая очередь стояла, это любой подтвердит.

Любань недалеко, там жил Миронович, председатель колхоза. Он был Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза. Они с папой дружили. И все дети Мироновича, у него было четверо, лечились у папы. Заболеют – везёт к папе, никому другому не доверял.

Меня интересовал тот же вопрос, что и многих других собеседников Семёна Иосифовича: в чём секрет долголетия? Безусловно, гены: сестре – 100 лет. Что ещё поддерживает его в жизни?

– Я всю жизнь работал. Держал корову, надо было и косить, и возить, трудился крепко, поэтому, видно, и живу долго.

– Ходил очень много по вызовам, – дополняет дочь. – Пешком. Уже мотоцикл был, потом машина. А вначале на попутных и пешком.

И семьянин был очень хороший.

– Что кушаете? – спросил я.

– Всё подряд, у нас нет ограничений, – ответила дочь. – В войну сильно голодал, так он любой еде рад.

– Вы курили когда-нибудь?

– Долго курил. Всё, что попало, и крутил самокрутку, махорку. Но давно уже бросил.

– Выпивали?

– Понемножку выпивал, в меру, не злоупотреблял.

– В праздники, друзья приходили. Очень общительный

Семён Шубертий, фото для районной Доски почёта, 1980-е гг.

Семёна Шубертия приехали проведать из организации «Джойнт», 2022 г.

Алла Семёновна рассказала, что её отец хорошо пел, был музыкальный человек, участвовал в самодеятельности.

Как же в следующих поколениях передаются черты характера, крепость духа и физическое состояние Семёна Иосифовича?

– Две дочери у меня одна в Минске, филолог, а другая – скрипачка. Одно время работала в Минске в оперном театре. Консерваторию закончила – Оксана Жук. Потом уехала в Краснодар, там в еврейском благотворительном центре занимается музыкой, помогает делать концерты, работает с детьми.

Уже на прощание Алла Семёновна Жук (Шубертий) передала благодарность всем людям, которые помнят и заботятся о её отце.

– Мы благодарны Минской еврейской благотворительной организации «Хэсэд Рахамим» за большую помощь, которую нам оказывают, за внимание. Получаем на праздники подарки, звонят часто. Люди хорошие, с почётом и уважением относятся к нашему папе.

Я присоединяюсь к благодарностям в адрес Минской еврейской благотворительной организации «Хэсэд Рахамим». С их помощью состоялась моя встреча с Семёном Иосифовичем Шубертием.

был, – дополняет Алла Семёновна. – Иду по улице, люди спрашивают: «Как Семёнович, как здоровье? Ой, дай бог ему здоровья». Буквально каждый день. Наверное, там слышат (показывает рукой вверх) и дают ему здоровья.

– Дал бы вам звание «Почётный гражданин Куренца», – сказал я.

– У нас директор школы, на пенсии теперь, встречает меня и говорит: «Я бы предложила эту улицу назвать его именем».

Аркадий ШУЛЬМАН

P.S. В 2004 году Семён Иосифович Шубертий покинул этот мир.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ

Рассказывает Яков Иосифович Шапиро

Я родился 30 октября 1937 года в г. п. Ушачи Витебской области. Мой дед по материнской линии кузнец Хаим Серпер жил там же со своей большой семьёй. У него было восемь детей. Умер он рано. Его, больного, ещё до начала войны двое старших детей отвезли в витебскую больницу, где он скончался у них на руках. Я не знаю, где его могила.

Самой старшей в семье Хаима была дочь Мира. Она вышла замуж за Вульфа Дышмана, который во время войны остался охранять дом и имущество, он был убит немцами в первые дни войны. У Миры осталось двое детей – Рива и Дора.

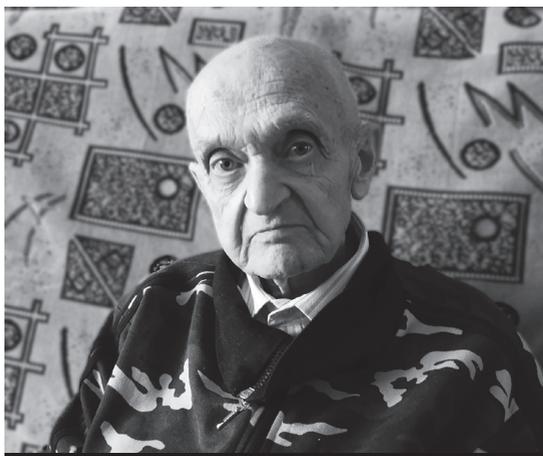
Мои дяди Залман, Абрам, Иосиф имели начальное образование, но проявили себя как толковые специалисты.

Залман после войны стал директором мебельной фабрики в Сызрани Куйбышевской области (ныне Самарской области). У него два сына – Михаил и Виктор.

Дядя Абрам до войны работал директором кирпичного завода в г. п. Ушачи, после войны – директором плодоовощной базы. В городском посёлке у него с женой Любой был собственный дом. Они воспитали четверых детей – Бориса, Якова, Риму и Полину. В городском посёлке Ушачи Любе помогала по хозяйству Бляхман Эмма, у которой был сын Лазарь.

Третья дочь моего деда Хаима Эстер была замужем за Сахартовым Борисом, проживала в г. Полоцке. Её муж, призванный в армию, погиб в начале войны. У Эстер была дочь Роза.

Ещё один сын моего деда – Иосиф – после войны работал начальником милиции в г. Чигирин на Украине. В его семье было трое детей.

Яков Иосифович Шапиро, 2022 г.

Семья Серпер-Шапиро

Самый младший сын деда – Моисей. Был комсомольцем. В начале войны его мобилизовали в ряды Красной Армии. Сражался под Москвой, будучи политруком 112-го лыжного батальона. Погиб в январе 1942 года в деревне Баранцево Ржевского района.

Ещё одна моя тётя Песя, до войны вышла замуж, проживала в г. Полоцке. В первые дни войны их дом разбомбили. Она с семьёй погибла в гетто.

Самой младшей дочерью деда Хаима была моя мать Сара. Она родилась в 1917 году. Закончила 7 классов. Обучалась в еврейской школе городского посёлка Ушачи. Прошла годичные

курсы бухгалтеров, работала в банке, затем перешла в райзо на должность главбуха. Вышла замуж в 1936 году за Шапиро Иосифа Марковича, директора еврейской школы в Ушачах. До войны он был призван в ряды Красной Армии. Затем работал в облоно г. Бреста. И в первый день войны находился там.

Уже в самом начале войны немцы бомбили Ушачи и его окрестности. Местные жители убегали прятаться в лес. Когда немецкие самолёты пролетали над нами и сбрасывали бомбы, моя мать ложилась на меня и закрывала своим телом. Мы несколько дней отсиживались в лесу. Когда бомбёжки прекратились, мать подумала, что война уже закончилась. Люди из леса вернулись в посёлок. Там узнали, что проводится эвакуация. Брат мамы Абрам организовал машину, на которой 30 июня 1941 года на восток страны поехали бабушка Хая, дядя Абрам, тётя Люба, их дети Борис, Яков, Рима, Полина, тётя Мира с детьми Ривой и Дорой, моя мать со мной, тётя Эмма с Лазарем. Ехали по маршруту Ушачи – Полоцк – Витебск. В Витебске должны были забрать брата тётки Любы дядю Яшу с женой Фрузой. Фруза решила не покидать дом. Она и дядя Яша отказались уезжать из Витебска.

Фруза не была еврейкой, и её не отправили в гетто. Дядя Яша во время оккупации жил негласно в своём доме, скрывался в сарае или подвале. Немцам его никто не выдал. Всю войну он прожил в Витебске и остался в живых.

Из Витебска наша машина направилась в Смоленск, который уже бомбили, поэтому мы повернули на Калугу. Там нас посадили в товарную теплушку. Поезд вёз раненых на восток. Доехали до станции Безенчук

Мама Сара Хаимовна и отец Иосиф Маркович

Куйбышевской области. На станции председатель колхоза «Политотдел» предложил остаться в колхозе (д. Димитровка Безенчукского района).

С 10 июля 1941 года моя мать работала счетоводом в этом колхозе. Благодаря ей мои родственники не голодали. У нас даже была корова, которую выбраковали в колхозе. Родственники занимались домашним хозяйством. Жили в одном большом доме. Дети пошли в школу.

Отец мой в первый день войны выехал из Бреста в Могилёв, где узнал, что дом его матери разбомблён и в нём погибла мать Эта Захаровна, её сестра Нина и дети.

Отец приезжал к нам в деревню Димитровка. Позже его мобилизовали в ряды Красной Армии. Он воевал и был награждён за боевые заслуги.

В г. п. Ушачи отец вернулся после демобилизации только в августе 1946 года.

Много горя принесли фашисты людям. Об этом забывать нельзя!

Как и мой отец, я всю жизнь проработал педагогом. Одно время был директором сельской школы.

Двое моих сыновей окончили Витебский педагогический институт имени Кирова. Один из них всю трудовую жизнь проработал в школе.

Такая у нас педагогическая династия.

Аркадий ШУЛЬМАН

Р.С. Яков Иосифович Шапиро скончался 8 марта 2024 года.

И ВСЕ-ТАКИ МЫ ПОБЕДИЛИ!

Александр Григорьевич Коган – доктор технических наук, профессор, почётный доктор Московского текстильного университета, «Человек года Витебщины» (2009), лауреат Государственной премии Российской Федерации, обладатель ряда высоких государственных наград, основатель производства комбинированных волокон.

Александр Григорьевич Коган

Александр Григорьевич Коган – выдающийся учёный, который сделал себя сам не благодаря, а вопреки трудной судьбе.

Наша встреча с Александром Григорьевичем Коганом.

– Я родился в Черниговской области на Украине в 1929 году.

Семья наша – это папа, который был рабочим в госпитале, и мама – домохозяйка (было своё хозяйство), старший брат 1926 года рождения,

Матвей, я средний, и перед войной родился Владимир в 1939 году.

До войны мы ходили в русскую школу. Я закончил 5 классов, а брат закончил 7 классов. В Прилуках проживало большинство наших родственников. Раньше семьи были большие, и у папы, и у мамы – по девять детей в семьях.

В конце июня 1941 года папа прибежал и сказал маме:

– Роня, срочно, через два часа мы уезжаем.

Мама воскликнула:

– А мои куры?

– Надо спасать детей, а не кур! – отрезал папа.

Мы бросили всё имущество на произвол судьбы и были эвакуированы.

Мама с сыновьями поехала на машине ЗИС, а папа – поездом, сопровождая госпиталь. В течение месяца мы добирались до города Вольска Саратовской области.

Нас разместили в гнилом домике, потому что в больнице негде было жить.

Брат через год прибавил себе год для того, чтобы пойти добровольцем в военное училище. Он, не окончив училище, стрелком-радистом прошёл на танке с 1943 по 1945 год, в составе 1-го Белорусского фронта, участвовал в боях за взятие Берлина.

Потом ещё пять лет служил в Берлине, только в 1950 году был демобилизован.

Я помогал маме по хозяйству и заботился о младшем брате.

В 1943 году наш госпиталь № 1648 передислоцировали в Курск после его освобождения. Мама работала в санитарной службе, ухаживала за больными в палатах, мыла их и так далее. В 14 лет я поступил на работу в эвакогоспиталь, когда он был восстановлен.

Был связным начальника госпиталя. Ежедневно ходил на станцию переливания крови и в специальных ящиках доставлял в ампулах кровь раненым и больным.

Рядом была Курская дуга – второе после Сталинграда переломное сражение в ходе войны, где шли очень сильные бои. Непрерывно поступали раненые, и все сотрудники госпиталя в здании мединститута Курска непрерывно работали.

Я также доставлял корреспонденцию пациентам. Некоторые не могли читать, я пересказывал им содержание писем. Также приходилось дежурить. Мне выдали солдатскую форму – гимнастёрку, галифе, сапоги, ремень с портупеей. Оружия не дали, но я вырезал себе деревянный пистолет, чтобы быть похожим на военного.

Жили здесь же, в госпитале, поднимались по поломанной лестнице. Мы с мамой проработали там восемь месяцев. В госпитале в 14 лет я вступил в комсомол.

В Вольске во время войны очень плохо было с продуктами, не хватало самого необходимого. Шла Сталинградская битва. Мы старались выжить. Я ходил с котелком, наливали нам вермишелевого супа. Этого было достаточно, за это мы были благодарны. Чай пили. Всякие травы собирали. В Вольске ещё можно было приобрести рыбу, так как город на Волге.

Уже в госпитале мы были поставлены на довольствие как вольнонаёмные и получали небольшое питание.

Дальше был переезд госпиталя в город Львов. Добирались на товарняках. Проезжая город Нежин, который находится рядом с нашей родиной, мама решила возвратиться в Прилуки.

Нас приютили, хотя долго мы не могли найти себе жильё. Наше было занято другими людьми. Но был приказ товарища Сталина, что вернувшимся эвакуированным жильё возвращается. Таким образом, мама добилась того, что мы вернулись в свой дом.

Я поступил на механический завод в литейный цех и в вечернюю школу.

Работая, я закончил 10 классов. Было сложно и учиться, и работать, принося Родине пользу.

После войны я носил пальто, привезённое из Германии и перешитое из шинели. Помню какие-то свои старые туфли.

Я же два года пропустил в силу сложившихся обстоятельств, работы в госпитале и помощи семье.

Мой учитель истории Михаил Иванович Киселёв дал мне доступ ко всей литературе его большой библиотеки. Я активно ночами читал классику, советскую и зарубежную. Мама очень была недовольна. Но я догнал и обогнал тех, которые равномерно учились. Я и в дальнейшей своей жизни постоянно увлекался художественной литературой.

Папа служил сначала в Воронеже, а потом с армией дошёл до Варшавы. В сентябре 1945 года папа был демобилизован.

В 1945 году он организовал столярное дело, производил мебель для аптек. Не имея большого образования, снабжал мебелью всю Украину. Больших заработков не было, но на жизнь хватало.

В Прилуках мама варила и продавала военным кусочки мяса, картофель. Один пирожок с маком покупала она для нас на рынке. Вместо сахара – обычная сахарная свёкла. Это был праздник.

После школы меня приняли кандидатом в партию. Поехал в Москву в 1949 году и по стечению обстоятельств поступил в Московский текстильный институт. При приёме документов познакомился с будущей супругой Евсютиной Ефросиньей Михайловной.

В Москве бедновато был одет, денег не хватало. Да и товаров народного потребления не доставало, медленно всё разворачивалось.

Отец, братья и жена Александра Когана

В институте занимался активно общественной работой: сначала был секретарём комсомольской организации факультета, в партию вступил на 1 курсе.

Мне поручили стать председателем клуба Московского текстильного института. Вот где я развернулся! Десять разных кружков было: хоровой, музыкальный, танцевальный, драматический и так

далее. Наша самодеятельность, которой я руководил, выступала в Колонном зале Дома Союзов дважды. Я вёл концерт всех вузов Москвы, за что получил грамоту и благодарность.

Во время моей деятельности как председателя студенческого клуба я познакомился со многими видными артистами того времени: Козловский, Лемешев, драматические актёры... Майя Плисецкая у нас танцевала партию «Умирающего лебедя», я по её просьбе завязывал ей развязавшиеся пуанты.

Я всегда много читал и чувствовал, что недостаточно мне культурного воспитания. В Прилуках был один драматический театр. Москва передо мной открыла Большой театр, Малый театр, театр Вахтангова, Третьяковскую галерею, консерваторию... Посещая их, я значительно поднял свой культурный уровень – общий, музыкальный, драматический.

Узнавая о писателях, раскрыл для себя драматургию. И в дальнейшем это здорово мне помогло, особенно когда я начал работать в Витебском технологическом институте легкой промышленности, студентам на своих лекциях рассказывал о тех великих людях...

В институте у меня всё время была повышенная стипендия, но небольшая – 300 рублей. Обед стоил 5–10 рублей и даже больше. Спасибо маме. В течение пяти лет она присылала мне с Украины кусочки сала, мяса. Вот это меня очень поддерживало. И папа иногда присылал мне по 100 рублей помощи. Но не всегда, потому что и дома не хватало денег. А потом, когда я стал председателем правления клуба, мне немножко доплачивали. Это была помощь колоссальная для меня.

...Часто вспоминаю военное время. Весь народ жил одной мыслью. Всё для фронта, всё для победы! И все были едины, от мала до велика, чтобы победить эту гадину – фашизм. И всё, что было, включая недостаток продуктов, это нивелировало, потому что все знали, что есть Красная Армия, что надо её поддержать любыми путями для того, чтобы мы победили. И всё, что можно было, делалось. Дети, в том числе и я, работали на заводах. Несмотря на всякие сложности всё-таки мы победили!

На пятом курсе мы поженились. Фрося специализировалась по льну, я – по хлопку.

У нас родилось двое детей.

Всегда ставил трудные задачи, думал, не спал ночами, но шёл вперёд.

Так воспитала меня жизнь, так воспитала меня война.

В послевоенное тяжёлое время надо было всё восстанавливать. Я трудился на производствах Костромы мастером, в Прилуках – главным инженером, затем параллельно стал кандидатом наук.

Александр Коган с женой

Пожертвовал хорошим заработком на предприятия ради науки.

Написал в Москве за три месяца докторскую диссертацию, которую обычно готовят 5–10 лет. Потому что был практиком и имел много наработок. Вставал в шесть утра и ложился в час ночи.

В 1983 году успешно защитился под аплодисменты 23 докторов наук.

Переехал в Витебск, стал первым доктором наук в нашем технологическом инсти-

туте лёгкой промышленности, написал более 1000 научных статей, у меня более 100 патентов.

Подготовил 30 кандидатов наук. Под моим руководством защищены и две докторские диссертации. Мои ученики, в том числе это недавние ректоры Витебского государственного технологического университета: предыдущий Башметов Валерий Степанович и нынешний – Кузнецов Андрей Александрович.

Я возглавлял кафедру почти пятьдесят лет – с 1970 по 2019 год. Организовывал более 500 исследований в лёгкой и текстильной промышленности. Всегда работали в одной упряжке всем коллективом.

Наука должна помогать достижению высоких результатов в производстве.

В 90 лет я ушёл на пенсию, но и сейчас поддерживаю связи с коллегами. Чем могу, всегда делюсь.

Всё, что сделано мной, это благодаря моей супруге. 69 лет вместе мы прожили. Полтора года как она ушла из жизни, для меня это большая трагедия. Она была постоянным помощником – в работе, в науке, в жизни. Моя Фросечка – это образец, как надо воспитать детей, внуков.

Во время этого интервью на экране ноутбука отразилось фото жены нашего героя с полки шкафа.

Как будто сверху смотрела его муза.

Недаром говорится, что за каждым великим мужчиной стоит великая женщина.

Леонид ШУР

БЛИЗКОЕ – ДАЛЕКОЕ

Вспоминает Тамара Яковлевна Гуревич

Я родилась в Хойниках Гомельской области. Когда мне было три года, родители переехали в Украину в город Павлоград. Хойники я помню очень-очень смутно.

История моих родителей очень интересная. Папа родился в Толочино Витебской области. Его звали Яков Григорьевич Гуревич. Мама, Циля Марковна Рабовская, родилась в Брагине – это Гомельская область. Познакомились они в Павлограде на Украине. Родственники папы и родственники мамы были в Павлограде, Харькове, Днепропетровске. Маме тогда было 18 лет, совсем юная. Папа 1888 года рождения, познакомились в 1912 или 1913 году, ему было где-то 24 года. Папа

Гуревич Т.Я., 2022 г.

работал в магазине, и мама работала в этом же магазине кассиршей. Там возникли их отношения, которые все отражены в открытках. Целый альбом открыток, которые они дарили друг другу. Я по этим записям восстанавливала их взаимоотношения ещё до женитьбы.

В 1913 году они познакомились и, буквально через неделю папа уехал в Аргентину. Там жил его старший брат. Канун Первой мировой войны. Как папа рассказывал, атмосфера была предвоенная. А папа был военнообязанный, он отслужил в Петергофе в царской армии. Был писарем в полку, над которым шефствовала великая княгиня. Всё написано им каллиграфическим почерком. Папа решил, что лучше ему уехать в Аргентину, он там устроится, и мама к нему придет. И тут грянула мировая война. Разлука. Потом революция. А он всё не может вернуться и не может вызвать жену. Потом блокада Советской России. Тоже ни туда, ни сюда. Мама приехала к папе только в 1924 году. Почти 11 лет они были мужем и женой, но жили отдельно. И детей у них не было. И всё это время шли папины письма.

Сначала ему, конечно, было очень трудно в Аргентине, а потом он хорошо устроился, работал на канадской железной дороге, кроме того писал и печатался в аргентинских газетах. Очень скоро овладел испанским языком. Отлично владел русским языком, идишем и ивритом. Он самоучка. Никакого образования, кроме хедера, у него не было. Блестящее было гуманитарное образование.

Папа в Аргентине жил в городе Росарио. Это второй город в стране после Буэнос-Айреса. Там родилась моя старшая сестра Лита. В семье уже появилось испанское имя, еврейский вариант имени Лея. Мама скучала по маме, бабушке, любимым братьям. И настояла, чтобы они вернулись в родные места. Папа подчинился, хотя прекрасно был устроен. Сестре был год, когда они собрались в обратный путь. Но вместе им опять не было суждено жить. До Парижа доплыли. А дальше – у мамы советский паспорт, у папы – аргентинский. Его в Советский Союз не пустили. А мама с Литой вернулись в Хойники. Папа остался в Париже. Ему трудно было. Он там печатался в эмигрантских русских газетах. И добивался возвращения. Папа был членом аргентинской коммунистической партии. И во Франции стал членом французской компартии. Помог ему вернуться Морис Торез. Тогда ещё он не был генеральным секретарём Французской компартии, но был видным и влиятельным деятелем. Папа пробыл в Париже около года. Потом он вернулся всё-таки в Хойники. И до 1933 года жили в Хойниках. Там в 1929 году родилась я.

Папа должен был поехать в Москву в Коминтерн, билет французской компартии поменять. Но мама во время родов заболела. У неё было общее заражение крови. Это очень опасно. И папе было не до поездок. Он механически из партии выбыл, что спасло ему жизнь в 1937 году, когда репрессировали в Советском Союзе многих членов компартий зарубежных стран. Хотя подписку о невыезде в 1937 году у папы и мамы всё-таки взяли.

Папа, когда вернулся в Хойники, работал главным бухгалтером в какой-то организации. Был большим тружеником и очень ответственным работником.

Между собой родители говорили на идише, но к нам обращались на русском. Поэтому идиш у нас пассивный, мы всё понимали, но говорить не могли, и потом об этом сожалели и упрекали родителей.

Спустя три года мы переехали на Украину. В Павлограде жили старший брат отца и старшая сестра. Он был из многодетной семьи. Родился тринадцатым ребёнком. После него был ещё один ребёнок, но он умер. Старший брат Борис и тётя Оля были его любимыми братом и сестрой. Мы переехали в Павлоград. Он снова пошёл работать главным бухгалтером на фабрику «Красный Октябрь». Мама вначале была дома, потом тоже пошла работать. В ту же организацию, что и

папа. А до этого в Хойниках была библиотекарем. Институты мама не заканчивала, но её отец был учителем, и семья была образованная.

В Павлодаре жило много евреев, сохранялось многое из дореволюционного колорита. Даже в обращении друг к другу. Например, соседки обращались одна к другой не по имени-отчеству, а говорили: «Мадам Каплан» или «Мадам Гуревич». Доктор к нам приезжал на извозчике, на пролётке с фазтончиком, дворники были с бляхами. Мы жили в украинской мазанке. Когда-то она принадлежала одной хозяйке. А потом там сделали много квартир, а хозяйка осталась жить в этом же доме в одной из квартир. Были остатки когда-то очень красивого сада. Мы, дети, откопали в саду огромную пачку царских денег. Что с ними делали? Играли. Рядом была украинская школа, но я и сестра пошли в русскую.

Хорошо помню тридцатые годы. Когда приехали на Украину, там был голод. Стояли в очередях за хлебом. Папа и мама были на работе, сестра в школе. Хлеб выдавали по спискам. Причём бывало так, что его могло и не хватить. Поэтому очередь занимали с ночи. Это выпало на мою долю.

Папа ездил в деревню. Его на работе премировали патефоном, он обменял этот патефон на муку.

– Были какие-то противоречия на национальной основе?

– Мы этого не чувствовали. Конечно, бытовой антисемитизм оставался. Даже такой казус у меня был, когда соседская девочка – украинка назвала меня жидовкой во время ссоры, я не знала, что это за слово, но поняла, что это плохое слово. И во время следующей ссоры назвала её жидовкой. Пришла к маме и похвалилась, что я Раю первой назвала так. Тогда мне мама объяснила, что это плохое слово, что это нельзя говорить.

– Коммунистическая направленность отца по приезде сюда закончилась?

– Закончилась. По-прежнему он много читал. Выписывал газету «Известия», журнал «Крокодил». Жили скромно. По нынешним понятиям, бедно. Но счастливо.

– Вы сказали, что помните процессы 30-х годов? Что вы об этом можете рассказать?

– Я помню хорошо день убийства Кирова, помню самоубийство Орджоникидзе. Флаги вывешивались траурные, а потом процессы... Я прослушала ребёнком весь процесс над троцкистско-зиновьевским блоком. Я даже сейчас помню заключительное слово Радека. Это предсмертное слово перед приговором.

– Что он говорил?

– Каялся.

– То есть признавался?

– Признавался. Помню газеты с этими призывами... Выгнать, как

поганных собак. И в школе Надежда Григорьевна, – учительница первая, которую я буду вспоминать, говорила: «Дети, откройте учебник на такой-то странице. Возьмите бритвочки и вырежьте портрет (то Блюхера, то Тухачевского), потом отсчитайте такую-то и такую-то строчку. Возьмите ручку и зачеркните такие-то и такие-то строчки. В общем, учебник истории был полностью изуродован, я уже потом говорила: забрать бы эти учебники и сохранить их. К сожалению, не сохранили.

– Как дома реагировали? Что говорил папа по этому поводу?

– Говорили шёпотом, потому что папиного брата, который в Донецке жил, был там прокурором, а Донецк тогда назывался Сталино, арестовали и расстреляли. У папиного брата, который в Павлограде жил, партийный билет забрали. У папы с мамой взяли подписку о невыезде. И как-то я ночью проснулась и услышала папы с мамой разговор. Говорили на идише. Мама: «Что будет с детьми?». Я вышла утром во двор и видела, как кто-то из детей выходил с заплаканными глазами. Мы уже знали: значит, ночью арестовали родителей. Рядом с нами был дом инженерно-технических работников 55-го завода. 55-й завод – это завод, где производилось какое-то химическое военное оружие. Всех работников этого завода можно было по виду определить – у них были рыжие руки. Из этого дома мы с детьми общались, там беспрерывно кого-то арестовывали. И я помню молоденького инженера, он разговаривал с кем-то, молодой, счастливый: «У меня сын родился». Через некоторое время мы узнали, что он «враг народа», его арестовали.

– Вам было всего восемь лет... Что дальше? У родителей подписка о невыезде.

– А дальше 41-й.

– Как вы узнали о войне?

– Я уже закончила 4-й класс. Школа для меня была радость. Я с такой радостью училась. Для меня школа и учёба были счастьем. По окончании 4 класса была какая-то детская самодеятельность, какие-то конкурсы, литературный монтаж. И я там читала стихи, помню некрасовское «...в полном разгаре страда деревенская...». И мы прошли на областную олимпиаду. И должны были ехать на эту олимпиаду. Нужно было костюмчики какие-то приготовить. И папа уже решил все вопросы. Хотя магазины были пустые. Мне сшили какую-то юбочку, блузку детскую, нужно, чтобы у всех были одинаковые, и ждали этого дня – 22 июня 1941 года. Мы должны были ехать в Днепропетровск на областную олимпиаду. Как я ждала этого дня!.. 22 июня поезд уходил рано утром. В 6 часов утра мы поехали в Днепропетровск, нас привезли вместе с нашей учительницей, в гостинице поселили. Мы успели выступить в областном Дворце пионеров. И узнали, что прошли на республиканскую олимпиаду и поедем че-

рез некоторое время в Киев. Но когда нас вывели из здания Дворца, мы увидели людей с противогАЗами, увидели, что заклеивают окна крестиком. Война... Мы должны были быть в Днепропетровске ещё неделю, нас, конечно, тут же собрали, и в тот же вечер мы вернулись в Павлоград. Это два часа езды от Днепропетровска.

В Павлограде на второй день стали рыть окопы. И через пару дней начались воздушные тревоги и налёты. Папа на второй день войны пошёл в военкомат. Добровольно... Сказал: «Заберите меня в армию». Папа был уже в возрасте и его не взяли. «Идите, папаша. Мы без вас обойдёмся». Как-то так, но более вежливо. Мы с сестрой были огорчены, что папу не взяли. Мы хотели, чтобы папа воевал. Патриотизм, мы были воспитаны...

Начались страшные налёты. Уже Днепропетровск взяли. Там немцы, а Павлоград немножко задержался. Потому что между Павлоградом и Днепропетровском – река Днепр. И эшелоны с беженцами из Днепропетровска стояли на станциях, и тут же стояли эшелоны со снарядами.

Налёты продолжались, и бомба попала в вагон со снарядами. Что было в Павлограде! Станция недалеко от города, километра три. В наш двор залетали осколки. Небо было чёрно-красное. Рвались снаряды сутки. А на станции были эшелоны с беженцами. Военные говорили, что на фронте такого не видели.

Дома говорили, что надо немедленно эвакуироваться. Сестру мобилизовали рыть окопы за городом, её дома не было. Я была в тимуровской команде. Мы собрали для двух госпиталей – дети, наша тимуровская команда – посуду. Ходили по домам, и люди отдавали тарелки, стаканы. Я дежурила в госпитале, кормила с ложечки раненых.

Спали мы в одежде, причём рядом была моя зимняя шубка – на случай, если придётся бежать, одежда, ботиночки. Свет не гасили, потому что в любой момент ночью могла быть воздушная тревога, и надо было бежать в убежище.

28 августа 1941 года мне с мамой и сестрой выдали эвакуместа. Дома был целый чемодан писем. Письма отца из Аргентины и Парижа и его дневники. Мама перед эвакуацией стала их жечь. Сестра выхватила пачку писем. И так они были сохранены.

Папа с нами не поехал. Сказал, что приедет следующим эшелоном, потому что он ответственный на работе, а все уже сбежали: и кассиры, и бухгалтеры. Надо было сдать деньги в банк и какой-то сдать отчёт. Он потом рассказывал, что когда он явился в банк, на него посмотрели такими глазами, как на ненормального, когда с этими отчётами и бумагами явился. Получилась отсрочка на четыре дня, и он еле потом догнал. Мы в товарных вагонах без крыш, вагоны из-под угля, под бомбёжкой... Нас отправили в Ворошиловградскую область, станция Отрадное, хутор Муравей. Год мы пробыли там.

Потом папа нас нашёл, и мы переехали на станцию Апшеронскую. Апшеронская станция – это казачья станица, там было население, которое хорошо помнило Гражданскую войну.

Это 1942 год. Если из Павлограда нам выдали листки, были организованы эшелоны, пусть товарные. Из Апшеронки ехали, когда немцы к Кавказу шли, неизвестно было, будет поезд или нет. Организации не было никакой. Хотя отец в Апшеронке работал главным бухгалтером, я ходила с сестрой в школу, закончила там 5-й класс.

Школа была хорошая. Директор совхоза, где папа работал, хорошо к нам относился. Потом его взяли на фронт, он погиб. В Апшероне половину квартиры, где жил директор, отдали нам. Огородик у нас был. Отношение было разное: кто-то относился хорошо, а кто-то плохо.

Очень тяжёлая была эвакуация. Мы уехали с последним эшелоном. Сначала начальник станции, куда мы приехали, сказал: «Возвращайтесь. Больше поездов нет. Всё перерезали». Мама сказала: «Куда нам возвращаться – туда смерть. Будем сидеть тут». И всё-таки эшелон подали, поехали вместе с военными. Штурмом каким-то мы влезли в этот последний эшелон. Его бомбили, я до сих пор вспоминаю машиниста, который вёл состав. Он то туда, то сюда на бешеной скорости вперёд, то задний ход давал, в тоннель загонял. А бомбы летели. Останавливал, мы выходили, прятались в кукурузе. Это уже были горы. Кавказ.

Привезли нас в Туапсе. Из Туапсе пароходом в Гагры, а из Гагр – в Сухуми, и уже из Сухуми в Кировокан (это Армения). Мы прожили там до 1947 года.

Нас очень хорошо встретили. Для меня годы в Армении были счастливые, хотя страшно голодные.

– В Армении вы учились в русской школе?

– В русской.

В Армении мы встретили День Победы. Это было в ночь на 9 Мая. Назавтра среда, у меня были самые трудные уроки: алгебра, геометрия и тригонометрия, физика, литература и черчение. Я заканчивала 8 класс. Училась всегда на «отлично». Засиделась за уроками за полночь. Папа с мамой уже спали. Лита училась в Ереване в медицинском. Радио молчало после 12 ночи. И вдруг слышу треск в репродукторе. А потом взволнованный мужской голос: «Так объявлять?». И голос Левитана о Победе. Война окончилась. Мама и папа выскочили на улицу в одну минуту. Во всех домах распахнулись двери, и все стали выходить на улицы. Два часа ночи, а посередине улицы выставляют столы и на столы ставят, что у кого было. И всю ночь люди праздновали, обнимались.

– Почему вы решили в 1947 году уехать оттуда?

– Когда Павлодар освободили, все павлодарские вернулись. Мы задержались: родители хотели, чтобы я окончила школу, и папу не

отпускали с работы. Он работал сначала на фабрике «Меховая шуба» в Кировокане, а потом на зверосовхозе, где выращивали чернобурых лисиц. Можно было уезжать по вызову. Получил папа вызов, а в Ереване министр разорвал этот вызов, и не отпустили папу с работы. Мы уехали только в 1947 году, 30 июня. На вокзал проводить меня пришёл весь класс, и учителя, и родители учеников. Я помню букетик гвоздик, который мне подарили на прощание. Про Армению у меня самые счастливые воспоминания.

Почему решили в Белоруссию? До этого мама отыскала младшего брата в Бобруйске, второй брат – в Москве. И решили ехать не в Павлодар, а в Белоруссию, в Минск.

Папа сразу устроился на работу главным бухгалтером стройтреста. Квартиру на Грушевской улице ещё достраивали пленные немцы. Я окончила школу с золотой медалью. Мечта у меня была, твёрдое решение, что я поступлю в Московский университет на филологический факультет. Хотя замминистра просвещения Армении уговаривал меня остаться в Армении и поступать в Ереванский университет. Я оканчивала десятый класс, последний экзамен был 30 июня, а с 30 июня на 1 июля в 3 часа ночи мы уезжали в Белоруссию. И поэтому мой аттестат и моя медаль – всё было прислано нам уже в Белоруссию по почте.

Мою мечту о Московском университете пришлось отложить. Поняли, что материально – никак не получится. И поэтому подала заявление на филфак в Минске. Меня зачислили, поскольку я с золотой медалью, без экзаменов на новое отделение – логика и психология русского языка. Окончила Белорусский государственный университет я в 1952 году. У университета ещё не было своего здания. Мы учились первый год в здании 17-й школы. Занятия начинались в семь часов вечера, заканчивались в двенадцать часов ночи. Жила я на Грушевке. Автобусы тогда не ходили. Мы пешком добирались. Осень, лужи, слякоть. После войны ещё всё было разрушено, кругом руины. А у меня были туфли из американской гуманитарной помощи, на каблуках, очень смешные. Багаж, который шёл из Армении в Бобруйск, обокрали, выкрали зимнюю одежду. Ходила я в телогрейке, причём не своей, а двоюродного брата, которую ему для работы дали. По грязи идёшь, туфельки в грязи застревают, а я по инерции прошла несколько шагов в чулках, потом с трудом отыскала эту туфлю. Пришла домой расстроенная. Папа взял мою золотую медаль, магазин в Минске напротив Дома правительства был, сдал её. Ему дали 500 рублей за неё, и он купил две пары калош. Одну мне, другую – сестре.

– Золотая медаль – за две пары калош. А когда вы вместо ватника другую одежду одели?

– По распределению поехала ещё в мамином зимнем пальто. Первое пальто уже на свою учительскую зарплату купила. А все годы в

университете ходила в телогрейке. Все остальные студенты одевались, конечно, по-другому.

– Вы почувствовали на себе годы сталинского антисемитизма?

– У меня все предметы за пять лет на отлично. Дипломная работа была «Вопросы логики в книге Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”». Руководитель был из Московского университета, потому что в Минске не было руководителей по этой теме. На защите дипломной он сказал, что моя работа – это не дипломная, это законченная кандидатская диссертация. Это было вечером, а утром было распределение, но я уже знала, хорошего для меня – ничего.

– Почему вы это знали?

– Чувствовалось. Хотя, когда говорили о распределении, преподаватели говорили мне: «Ну, вам-то чего беспокоиться? Вас-то, конечно, в аспирантуру». А я знала, что в аспирантуру – нет.

– И всё же, почему вы догадывались, что вас не пропустят в аспирантуру?

– Разговоры дома, папа уже сталкивался с этими проявлениями антисемитизма. Именно государственного. По газетным статьям всё это очень хорошо чувствовалось. И сестра уже окончила медицинский институт и работала в Молодечно. Она врач. Когда было распределение, я попросила Молодечненскую область. Мне сказали: «Нет». Я шла на распределение третья. Фамилия Гуревич. И по алфавиту, и по баллам. Мне сказали: «В Молодечненской области мест нет. Выбирайте: Полоцкая, Полесская, Пинская». Я назвала почему-то Пинскую. Мне всё равно было. Я думала: ну уж Молодечненскую область мне дадут, чтобы вместе с сестрой, с Литой быть. Не дали. Почти всем моим сокурсникам – аспирантура, институты, областные города. Мои сокурсники подходили ко мне: «Нам стыдно смотреть тебе в глаза». «Но вы же не виноваты». Отец моего сокурсника, он работал в Министерстве просвещения, ему рассказали обо мне, он вызвал меня в Министерство и поменял мне направление с Пинской области на Молодечненскую.

Направили меня в Вязань завучем средней школы и преподавателем литературы. А через полгода директора забрали в Молодечненский обком комсомола, и я осталась в первый же год своей работы директором, завучем, преподавателем литературы. Директор была историком. Значит, история была тоже на мне. С высшим образованием я была одна в школе.

Тут началось... Пятьдесят второй – начало пятьдесят третьего года... Дело врачей. Газеты гудели от антисемитизма.

– Как в школе реагировали на это?

– Меня это только немножко задело. Мне потом председатель сельского совета сказал: «Тебя спасли твои ученики». Его две дочки

учились у меня. «Ты знаешь, сколько пришло доносов на тебя об организации сионистского заговора?»

– В школе вы были одна еврейка?

– Одна. В Вязани, кроме меня жила ещё одна еврейка. Сын её в 10-м классе у меня учился.

Во время выборов у нас присутствовал работник НКВД Мичурин. Спустя некоторое время заходит этот Мичурин в здание школы. Здания отдельного не было. Школа была в пяти деревянных домах. Заходит в учительскую и говорит: «Пройдёмте в ваш кабинет». Начал меня допрашивать. «С кем вы ездили в Молодечно?». Поскольку хлеба не было в Вязыни в магазинах, я ездила на попутных машинах в Молодечно за хлебом. «Кто был тот мужчина, с которым вы ездили?» «Не знаю». «А ваша сестра – врач?» «Да, врач». У меня сразу ноги похолодели. Папу уже заставили уволиться с работы. Я подумала, что Литу арестовали. «Рассказывайте, нам всё известно». Я ожидала всего. Потом он ночью приходил и к нам рвался. Мы заперли двери палкой. Техничка осталась ночевать со мной в школе.

Утром 1 апреля 1953 года по радио сообщение о разоблачении Берии, о сфальсифицированном деле врачей. Я провела два урока и пешочком пошла в районный центр в райком партии и всё доложила первому секретарю: и про допрос, и как ночью пытались ворваться в школу. Он попросил меня всё написать. А потом приехал ко мне в Вязынь начальник районного НКВД. Я ему всё рассказала. Мичурина уволили.

В этой сельской школе я проработала два года. Потом на год был перерыв. В Харькове была. Не смогла там устроиться. Вернулась в Молодечненскую область, пошла в гороно. Меня направили в Вишнево завучем. Три года проработала там. Я была очень довольна этой работой.

В Минск я вернулась в 1959 году. Год снова без работы. В гороно иду – нет мест. У меня 5-летний стаж работы, причём завучем. Год промаялась. Папа уже не работал. Сестра в Минске работала. На что жить?

– Сколько лет у вас педагогического стажа?

– Лет пятьдесят, наверное. В Минске преподавала русский язык и литературу в школах №№ 15 и 20. Я расскажу, как устроилась на работу в Минске. В гороно меня могли направить только в детский сад воспитательницей, в школу – говорили: «Нет мест». Уже в «Настаўніцкай газете» мои статьи публиковались. Моя сокурсница и подруга работала в СШ №15. Там учительница уходила в декретный отпуск. Она директору сказала обо мне. Это было в конце августа. И директор, и завуч сказали: «Пусть приходит 1 сентября, есть 8 и 9 классы». Подруга мне сказала: «Готовься». Быстренько я взяла программу, подготовилась. Пришла 1 сентября – и сразу урок в 8

классе, и урок в 9 классе. И на обоих уроках сидит завуч. И на второй день прихожу, даю уроки, и на уроке у меня – завуч и директор. Прихожу третий день – на уроке завуч младших классов. Потом вызвали меня к директору. Директор и завуч говорят: «Вы нам очень понравились. Но если сейчас подадим заявку на оформление в районо, нам пришлют другого человека. Сделаем так, вы работаете, зарплату будем начислять на вашу подругу, она будет вам отдавать. Конечно, это было нарушением, и директор, и завуч рисковали. Я согласилась. «Работайте, а там посмотрим, – сказали мне. – Может, получится вас оформить». Я полгода работала, но меня в штате не было. И тут школа попадает под фронтальную министерскую проверку. Ходят на уроки инспекторы, и ко мне ходили на уроки. Инспектор по русскому языку и литературе с претензией к дирекции, а у меня была неполная нагрузка – 15 часов, очень расхвалили мои уроки. «Почему у вас такой учитель на неполной нагрузке?» В министерстве сказали, что она в штате не числится. Меня сразу же оформили.

– За свою педагогическую деятельность Вы были отмечены наградами?

– У меня полный ящик грамот и дипломов. Была отмечена значком «Отличник народного просвещения». Каждый раз мне вручали грамоты со словами: «Конечно, вы достойны более высокой награды». Это повторялось много раз.

Я ещё в 15-й школе работала. Приводили студентов на практику. По итогам этой практики я написала статью в «Настаўніцкую газету». Делилась мыслями о том, как готовит университет к педагогической работе. Статья вызвала большой резонанс в Министерстве просвещения. Приходил ко мне на работу декан филологического факультета и предлагал в аспирантуру поступать.

Когда ввели звание «Старшего наставника», я была в числе первых. Даже в «Настаўніцкай газете» была моя фотография. Статьи мои в «Учительской газете» публиковались. В тот год, когда я получила звание «Старшего наставника», я уже работала в 20-й школе, меня удостоили звания «Заслуженный учитель БССР». Это произошло в начале 70-х годов. Меня уже несколько раз представляли к этому званию, а высшие инстанции убирали. Заведующей районо была Кабяк Вера Ивановна, её выдвинули на «Заслуженную». Она поставила условие: если Гуревич не получит в этом году «Заслуженную», она от своего звания отказывается. Вот такая честная и принципиальная была педагог и руководитель.

– Много в классической педагогической схеме вы переделывали, много своего вводили?

– Очень многое вводила. Во-первых, что получило всесоюзную известность, так это «Литературные пятницы». У меня они начались

ещё в 15-й школе и расцвели полным цветом в 20-й школе. Вечером в школе собирались все желающие. Мы вели беседы о поэзии, говорили на этические темы.

– Это не входило в школьную программу?

– Например, Пастернак, Цветаева, Мандельштам. Тогда ещё были не часто упоминаемые поэты, писатели. Мы их читали, говорили о них. Тема объявлялась заранее. Например, сегодня пятница посвящена Пастернаку.

– Как реагировало на это руководство?

– Слава богу, хорошо. Проводились «Пятницы» в классе. Класс специально оборудовала. Приходило много людей. Друзей приводили из других школ. Родители приходили. Приходили учителя из других школ. Приходили потом и зарубежные учителя. Яков Трёмбовольский написал гимн этих «Пятниц». Заранее я не знала, кто и что будет читать, какие стихи. Сидя читали. Была камерная уютная обстановка. Зажигались свечи. Звучала музыка. В кабинете стояло пианино, которое мы купили за счёт премии, которой меня наградило Общество книголюбов. Обязательно рядом со мной двое ведущих из учеников, которые помогали мне. Они менялись каждую пятницу. Каждый читал любимые стихи. Приходили к нам музыковеды, художники, обсуждали статьи из газет, журналов на этические темы. Для того времени всё было очень необычно.

За все мои педагогические годы разные были у меня ученики, но благодарных, конечно, больше.

Если я ещё держусь, то только благодаря помощи моих учеников.

Откуда мы такие? Мы продолжение родителей. Мы из своих семей. Папа работал главным бухгалтером в Минской строительной организации. Был очень совестливый человек. Так был воспитан. Когда ему дали квартиру, вполне заслуженную, он отдал её своему заместителю, потому что тот больше в ней нуждался. Мы по-прежнему жили в коммуналке, пока я с сестрой не построили квартиру, в которой сейчас живу. Папа здесь успел пожить всего 8 месяцев, а до этого жил на Грушевке в послевоенном доме. Мама его никогда не ругала. И нам, маленьким, когда мы видели, что кругом живут побогаче, всегда говорила:

Т.Я. Гуревич, Минск. 2022 г.

– Зато у нас папа кристально честный человек.

Мама всегда в нас воспитывала гордость за папу. В Павлограде у папы была репутация «честный дурак». Когда директор фабрики начал делать свои «делишки», а без главного бухгалтера это сделать было невозможно, папа уволился с работы.

Мама была похоронена на Северном кладбище, папа – на Московском. Мама просила сделать, чтобы она была похоронена рядом с папой, и мы это сделали. И сестра там же похоронена.

Я совсем одна осталась. Держат меня мои друзья, мои бывшие ученики. Я уже писать не могу.

Своё стихотворение назвала «Стишок» и держу его в памяти.

Я научилась жить одна,
Сама с собой беседую,
Себе стихи читаю,
И вечерами длинными
Сама себя на чашку чая приглашаю.
Прогулки совершаю из окна,
Любуюсь красотой деревьев,
Моя подруга – тишина,
И одиночество – не бремя.
Есть у меня концертный зал,
Где музыка звучит порой вечерней,
И час болезни трудной миновал,
И память, кажется, осталась прежней.
На полки книжные смотрю с тоской,
Ну что же, жизни путь почти прочитан,
Тот трудный и счастливый путь,
Где были папа, мама, Лита.

Аркадий ШУЛЬМАН

ОСТРОВА МЕЧТЫ

Фоном для видеointервью с Боровицкой Идой Григорьевной послужили обои, на которых парусники искали свои острова мечты. Таким прибежищем для нашей героини стал Витебск.

В Гомельской области, где прошла большая часть жизни, всё напоминало о тяжёлом послевоенном детстве. И болезни серьёзно наступали. А переезд в Витебск способствовал улучшению самочувствия.

– Расскажите о своём детстве, которое Вы знаете большей частью со слов мамы. Где Вы родились?

– Родилась 23 ноября 1940 года в городе Речица. Мама Елизавета Исааковна работала бухгалтером.

Отец Лапин Григорий Львович в то время проходил воинскую службу в Речице в звании старшины медицинской службы.

Когда началась война, в числе первых был отправлен в действующую армию на фронт.

В годы войны отец был дважды ранен в ноги и челюсть.

В героически оборонявшемся Севастополе делал другим и сам себе перевязки и в эти же трудные дни вёл дневник.

Отец попал в плен. И пробыл в нём три года. Конечно же, немцы могли убедиться, что он еврей: после рождения ему сделали обрезание. Это чудо, что он выжил.

В плену отец шил бурки (обувь). Гадал немцам, узнав предварительно про их настроения. И после гадания некоторые немцы начинали ему помогать. Отец что-то из еды приносил в барак. И всегда делился с другими заключёнными и хлебом, и салом.

Отец неплохо знал идиш и понимал немецкий. Когда узнал, что сообщили в гестапо, что он еврей, друзья по заключению помогли ему бежать. Его ловили немцы с собаками, поймали, страшно избили. И снова чудо – он остался жив и его перевели в другой концлагерь.

Ида Григорьевна Боровицкая, 2024 г.

В трёх концлагерях сидел, последний был в Норвегии. Американцы освободили в 45-м году. Предлагали уехать в США. Но он дорожил своей семьёй, которую очень любил, и не согласился.

Меня, маму и моего старшего брата эвакуировали в Узбекистан в Голодную степь.

Я была ослаблена, выглядела, как младенец, меня поместили в круглосуточную группу детского сада. Из Белоруссии в том месте было много эвакуированных детей.

Мама про себя никогда ничего не рассказывала. Не любила вспоминать. Наверное, стресс у неё был большой. И воспоминания были для неё очень тяжёлыми.

Мы ждали, что придёт с фронта отец, но пришло извещение, что он пропал без вести, и она даже не получала продуктовые карточки на наше содержание.

Слова «бедно» тогда не говорили. Все так жили. И потом, когда был освобождён Гомель, а у мамы до войны там жили шесть сестёр с семьями, в 1945 году мы вернулись.

Жили в ужасных условиях. Мама снимала небольшую комнату, а работала недалеко бухгалтером.

Отец вернулся в 1946 году. Зашёл в дом. Чуб из-под пилотки. Пышные усы, голубые глаза, такой представительный. Пришёл, сказал: «Я твой папа!»

Сел на кровать, из своего вещмешка высыпал продукты. Я таких не видела. Консервы, сахар.

Вскоре нам выделили жильё. В бывшем детском садике, разбитом бомбами, остались только туалет и ванная целые. Я с ужасом вспоминаю. Пол цементированный. Крысы огромные бегали, я очень боялась, когда оставалась дома.

Переехали в Мозырь. Тяжело, у родителей уже трое детей. Отец долго не мог найти работу. Наконец, устроился на швейную фабрику.

Мы с братом часто уходили в лес. Грибы, ягоды.

Была печка-буржуйка, на которой отец сушил сухарики. Варил свёклу. Вспоминал, как его кормили в концлагере.

В первый класс я пошла раньше времени. Мама говорила, что меня рано в школу отправила, я была не готова к ней. Слабенькая девочка, и во время большого перерыва нас водили под лестницу, где стоял стол. Нас подкармливали.

Потом я, как говорится, переросла, уже не болела, стала крепкой, закалённой.

Рано научилась кататься на коньках.

Помню, когда мы в Мозыре на улице Чкалова жили, там дорога шла вниз. Я до 14 лет каталась на коньках на улице, а потом подумала: как-то неловко уже, взрослая.

Стала ходить на стадион. Ещё увлекалась лыжами. У нас были спаренные уроки физкультуры, мы катались через речку Припять.

В кино часто ходили. Даже по десять раз один фильм смотреть, например, «Чапаев».

В кукольный театр ходили. Я любила стихи читать.

В школе училась, правда, не очень крепко.

В 16 лет устроилась рабочей на трикотажную фабрику имени Крупской. Пять лет там работала, мне нравился коллектив. Участвовала в художественной самодеятельности, начала писать стихи. Во время обеда читала книжки, слушателям нравилась моя дикция.

По стопам отца решила пойти учиться – в медучилище. Стала работать медсестрой. Работала в больнице, потом перевели в школу. Проработала 15 лет. Зарплата была маленькой. Поэтому пошла опять в рабочие, чтобы заработать на более приличную пенсию.

В пенсионном возрасте тоже работала.

У меня трое детей.

Семья – это счастье!

Такой девиз стоит на аватарке нашей героини. То есть на её фотографии в социальной сети. А обрамление – белые голубь с голубкой в розовом саду охраняют своих голубят в гнёздышке.

Поэзия стала ещё одним островом её мечты. Псевдоним – Ада Боровицкая. В «Одноклассниках» Ида Григорьевна ведёт группу под названием «Осенний серпантин» – стихи и музыка для души. В группе 54 тысячи участников.

Каждый день администратор группы просыпается до рассвета, включает издавший виды ноутбук, отправляет всем членам группы хорошие пожелания и новые сочинения.

Простые и наивные, но светлые и добрые.

Про мир и праздники, близких и друзей, красоту и радость, бога и ангела, любовь и жизнь.

Первое время было много отзывов, сейчас их не пишут. Но просматривают активно.

На одном из литературных порталов более 77 тысяч читателей.

«Будьте счастливы, здоровеньки, чтоб никогда не болели», – желает всем хорошим людям эта неисправимая оптимистка Ида Григорьевна Боровицкая.

Леонид ШУР

БЕЗ ОТЦА И МАТЕРИ

Эта женщина, будучи девочкой, потеряла и мать, и отца. Но стала и успешной, и счастливой. Прежде всего, потому, что у мамы остались живы сёстры. Это совсем не чеховская история про трёх сестёр. Персонажи пьесы классика искали смысл бытия, скучали и мечтали. А в нашей военной и послевоенной реальности надо было выжить, несмотря ни на что.

Зинаида Львовна Альховка

Мы дома у Зинаиды Львовны Альховки (Левитан). В доме идёт ремонт, к нему сделана пристройка. Поэтому получился рабочий фон на видео и фото.

Добрая, внимательная, спокойная – так нашу собеседницу характеризуют люди и добавляют, что была прекрасным доктором.

– Родители мои – коренные жители Витебска, – рассказывает Зинаида Львовна. – Мать по национальности белоруска – Елизавета Ивановна Худенькая. Отец Лев Залманович Левитан – еврей. Они полюбили друг друга, поженились и стали жить вместе.

Я родилась 30 мая 1939 года. А потом война началась.

Я запрашивала в Москве документы об отце, прислали. Отец отправился на фронт. И 6 сентября 1943 года погиб под Полтавой. Я туда ездила на братскую могилу в 2009 году. Нашла фамилию и имя отца.

Потом украинцы решили перенести захоронение в другое место. Перезахоронили его на другое место вместе с остальными погибшими.

Я ездила второй раз, уже там фамилии отца не оказалось. Почему, не знаю.

Всех моих родственников и по материнской, и по отцовской линии согнали в Витебске в концентрационный лагерь «Пятый полк», где были замучены или расстреляны фашистами около 100 тысяч наших мирных граждан и военнопленных.

Родители отца там погибли.

Родственники по материнской линии – белорусы, я тоже считалась белорусской. Никто не знал, кто был мой отец.

Нас отправляли на запад. Маму со мной погрузили в железнодорожный состав. Это я помню. Первое моё детское воспоминание. Вагоны, в которых скот возят, очень высокие. Нас довезли до Алитуса. Литва. Местные жители приходили и забирали к себе в работники.

Забрали мать и меня. Я пасла гусей, смотрела за свиньями, чтоб они в грязь не залезали. Мама занималась хозяйством.

А потом хозяин-литовец, который взял мать (она была привлекательная женщина), женился на ней.

Стал вопрос, что со мной делать. Литву уже освободили от немецко-фашистских войск. Мать каким-то образом связалась со своими сёстрами, которые жили в Витебске.

Одна из них – Галина Ивановна Худенькая – приехала меня забирать. Это 1946 год. В Литве в лесах ещё всю действовали отряды «лесных братьев».

Помню, как бежали мы с тётёй по лесу и прятались от этих «лесных братьев». До сих пор мороз по коже.

Привезли меня в Витебск. Жила вместе с тётушками, которые фактически стали моими родителями. Жили в двухкомнатной квартире.

Галина Ивановна и Любовь Ивановна Худенькие ко мне очень хорошо относились. Замуж из-за меня не вышли. Хотя были женихи. Но, наверное, думали обо мне, как это на мне отразится.

Одна была на фронте – Галина Ивановна – и ранена в ногу. Вторая – Любовь Ивановна – в эвакуации в Бугуруслане работала на железной дороге.

В Витебске я училась в школе. Каждый год летом ездила в пионерлагерь. Занималась гимнастикой.

Спасибо тётушкам, что они меня вырастили, выучили, воспитали.

С моей мамой связь мы поддерживали редко. Иногда переписывались.

Родители: мама Елизавета, папа Лев

Потом их в Литве раскулачили и сослали в Сибирь. Жили они в Иркутской области. С момента расставания я не виделась с матерью. Так сложилась жизнь.

С мужем была в Литве, это уже когда работала врачом, пыталась что-то узнать, но безрезультатно.

Витебск после войны представлял страшное зрелище (разруха).

Мы жили в районе Пятого коммунального. Начальная школа была на улице Герцена – маленький деревянный домик. Потом перешла в 8-ю среднюю школу на улице Карла Маркса. Это уже было кирпичное здание. Послевоенные школы – старые парты в классах, чернильницы, ручки с перьями. Из школьных предметов больше всего любила ботанику. После школы поступила учиться в швейное училище. Работала мастером по пошиву одежды. Сама много шила. Потом поступила на работу в Лужесно в детский дом. Там учила детей шить.

Тётушкам очень нравилась медицина, и они хотели, чтобы я пошла учиться на врача. После того как отработала, как положено, три года после окончания училища, поступила в медицинский институт.

Так я стала студенткой Витебского мединститута. Окончила учёбу. Стала врачом-терапевтом. Работала по распределению три года в селе Воронь Лепельского района. Потом вернулась в Витебск, работала в железнодорожной больнице, была заведующей приёмным отделением. В поликлинике работала участковым доктором. Обслуживала население улицы Карла Маркса и Локомотивных улиц.

Потянуло опять на старое место работы, и я уехала туда же, на село в Лепельский район. Хорошие люди на селе живут.

Была главврачом участковой больницы (сейчас закрыта, и здание разрушено).

С 1967 по 2004 год – мой стаж врача.

Замужем. Влюбилась в будущего мужа, когда была на практике в Лепеле. Он работал водителем скорой помощи. Поженились в Лепеле.

Хороший человек, хорошо ко мне относился. Родилось у нас трое детей.

Умер муж в 2012 году.

Старший сын сейчас работает машинистом в локомотивном депо, женат, есть дочь. Моя дочь живёт на Украине в Харькове, там у меня растут внук и правнук.

Сейчас я живу вместе с младшим сыном, невесткой и внуком.

Невестка – патронажный работник в Еврейской благотворительной организации «Хасдей-Давид».

От неё я и узнала, что есть такие программы помощи пожилым людям. Сейчас мне помогает патронажный работник Ольга Бащенко. Получаю другую необходимую помощь от благотворительной организации.

Тётушки у меня были замечательные. Заботились обо мне всю жизнь. Одна из них стала на очередь на квартиру, чтобы я смогла её быстрее получить. Построили квартиру кооперативную трехкомнатную.

Я любитель земли. Из Витебска ездила на дачу в Краево. Потом здоровье стало подводить. Мне сделали три операции. И я уже ездить не могла. Продали квартиру. И этот дом на краю города купили.

Развели тут сад-огород. Я люблю фрукты, ягоды (клубнику, землянику). Сама уже ничего не выращиваю, кроме цветов. Не на продажу – для себя, для красоты. Жду лета. Выхожу в сад, сажусь на табуретку и делаю все работы. У меня розы, жасмин, тюльпаны, лилии, пионы, белые галактусы, юкка (цвет, похожий на ёлку). Испытываю от этого радость.

Я уже 40 лет на пенсии.

Люблю читать книги про Великую Отечественную войну. Смотреть фильмы на эту тему. Наше поколение выросло на этих книгах и фильмах. Читаю, смотрю современные работы и удивляюсь многому.

Самое главное – чтобы не было войны.

Чтобы все были счастливы!

Зинаида Львовна Ахлюва (Левитан) стала классным врачом, спасая жизни и оказывая помощь людям.

С юности её кумиром является медсестра Кэтрин Баркли из романа Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие».

Даже в самые тяжелые времена человеческая доброта и сострадание могут преодолеть любые испытания.

Жизнь – нелёгкая штука, но превращается в настоящее произведение искусства, если напоминает нам о силе человеческого духа и надежде на мирное будущее.

Леонид ШУР

СЕМЬЯ И ВОЙНА

До этого разговора я ничего не знал о женщине с жемчужной фамилией. Во время встречи она показывала мне вышитые подушки, рассказывала о танцах, о последней прочитанной книге Андре Моруа «Письма незнакомке». Романтика? Искусство как точка опоры...

Зинаида Перлина, 2020 г.

Интервью с Зинаидой Симоновой Перлиной, посвящённое теме военного детства.

– Расскажите о Ваших родителях. Где вы родились и когда?

– В Витебске 15 ноября 1940 года в роддоме у путепровода.

Родители мои переехали из Сенно в Витебск. Я была четвёртым ребёнком в семье. Старшему брату было 16 лет, второму брату было 14 лет и сестре 10 лет.

– Кем работали ваши родители Симон Залманович Лившиц и Соня Зеликовна Лившиц (в девичестве Кроз)?

– Отец в артели «Возрождение» работал шорником – делал сбрую для лошади, мог и обувь тачать, и

шкуры выделывать. Мама до замужества работала воспитательницей в детском доме. Когда вышла замуж, воспитывала собственных детей.

Отец Симон Залманович Лившиц был, видимо, совладельцем артели, а значит, нэпманом. То есть на нынешнем языке – предпринимателем. Но не посредником, а мастером – передовиком производства. Однако период нэп (новой экономической политики) был недолгим. Страна переходила от капитализма к социализму, поэтому семье Лившиц пришлось свернуть выгодные дела и перебраться на новое место жительства. Отношение к нэпману, даже бывшему, со стороны общества и государства было особенным.

– Что рассказала мама – как вы отправились в эвакуацию, куда поехали?

– Отец в первые дни войны ушёл защищать Родину. Мама с четырьмя детьми (я у неё в кулёчке, грудная) ушла на восток. Добира-

лись где-то на подводах, потом в эшелоне. Оказались в городе Яранске Марийской ССР.

Из наиболее экзотических (хотя в военное время какая экзотика?) семейных воспоминаний: молоко там продавали на базаре замороженное в мешке, мисками.

Мама работала во время войны на разных работах. Меня нянчила десятилетняя сестра. Она мне была как вторая мама. Мама наша была строгого нрава. Может быть, именно благодаря этому она нас всех вытащила, мы выжили в годы войны. За исключением старшего брата Самуила, который ушёл на фронт и погиб 22 января 1945 года. Нам троим мама сумела каким-то образом сберечь здоровье. Вероятно, взвалив весь груз военных невзгод на себя. Мы все получили образование и дожили да преклонного возраста.

Годы летят, и сейчас из всей нашей большой семьи осталась я одна. И на мне лежит обязанность – хранить память обо всём и по возможности передать её дальше.

В Сенно 30-31 декабря 1941 года фашисты расстреляли 965 мирных граждан, узников еврейского гетто. Среди них было много родственников Зинаиды Симоновны Перлиной.

– Что мама рассказывала про войну?

– Сохранились воспоминания, очень интересные. Под Ржевом мой отец из Витебска случайно с божьей помощью встретился с маминым братом Исааком из Ленинграда.

Мой отец передал дяде Исааку (возможно, он чувствовал свой конец) деньги для мамы и нас. Дядя Исаак потратил эти деньги и попросил мамину среднюю сестру (Дору Захаровну Кроз), чтобы она во время войны переслала эти деньги нам в Яранск частями. По рассказам я знаю, что мы покупали картошку, в комнате в углу её складывали и накрывали, чтобы никто не видел. В пищу шло всё, даже шелуха от картошки. Насчёт хлеба ничего не могу сказать.

Про деньги. Наверно, их источником была прошлая, так сказать, нэпманская деятельность. Отцу Зинаиды Перлиной, думаю, после продажи имущества передал его долю в артели партнёр.

Обратите внимание на размер передачи. Не такой уж и большой, раз позволил только покупать картошку и выживать.

– Ваши детские воспоминания уже послевоенные. Вы вернулись в Витебск...

– В 45-м году мама получила почти одновременно две похоронки. На отца, Симона Залмановича Лившица, пропавшего без вести, и моего старшего брата Самуила, которого убили в Польше.

Девичья фамилия Перлиной З.С. – Лившиц. В Википедии указано, что эта еврейская топонимическая фамилия образована от названия города Леобшюц, ныне расположенного в Польше.

Мой племянник нашёл, когда открыли архивы, как представили к награждению моего старшего брата Самуила. В октябре 1944 года был высажен красноармейский десант. Мой брат на лодке, которая протекала, перевёз 25 человек на другой берег и несколько пулемётов, оттуда он забирал раненых. Его командир написал, что он достоин ордена Славы III степени, но наградили медалью «За отвагу». Я когда-то про этот случай писала в газету «Витебский рабочий», там опубликовали статью и фотографию Самуила.

Семья была очень законопослушная и придерживалась моральных принципов. Никто не воровал, не тянул на себя одеяло. Мы все заботились друг о друге и помогали друг другу. Мама от себя отрывала и старалась дать нам больше. А мы смотрели, чтобы она тоже что-то поела.

У нас был свой дом, купили в 37-м году около Полоцкого рынка. Отец надеялся (кто знал, что будет война), что сделает пристройки сыновьям, и все будут жить одной дружной семьёй.

Мама не могла поверить, что отец погиб. В начале 45-го года мы вернулись в Витебск. Город был в сплошных развалинах. Мама с тремя детьми. Мне пятый год. В дороге я заболела скарлатиной.

Нам негде было даже преклонить голову. Но в Витебске уже была мамина младшая сестра Сима Захаровна Эпштейн (в девичестве Кроз). Они вернулись тоже сразу после освобождения в Витебск из эвакуации откуда-то с Севера и нашли себе пристанище. Сохранился частный дом брата мужа по улице Суражской (ныне Гагарина). Моей тёте с двумя детьми, мужем и свекровью в этом доме отвели комнату. И в этой комнате нам четверым дали угол, пока не соорудили в развалинах пристройку, куда мы потом перебрались.

– А Ваш дом не уцелел?

– На месте дома осталась яма. Поэтому жили мы в пристройке. У нас была прямая связь с небом, потому что крыша была дырявая. Зимой замерзала вода. Но тем не менее я училась в школе в первом классе. Приходила учительница проверять, как я живу. Она удивлялась, потому что в этой пристройке был маленький столик, где готовили, кушали и делали уроки. Если была косточка с небольшим кусочком мяса, добавляли хлеб, картошку, лук. Получались котлеты для четверых человек. А на первое суп с этой косточкой, и моя первая учительница Елена Сергеевна Козлова с удовольствием ела суп, которым мама её угостила, и удивлялась, что в таких условиях у меня такие чистые тетради.

Мой брат Миша (Моисей) в Яранске учился в техникуме пищевой промышленности, а в Витебске – в станкоинструментальном техникуме, получал стипендию. Моя сестра Любочка работала продавщицей на Смоленском рынке. Мама не могла работать по состоянию здоровья. На меня получали пенсию за потерю отца. Меня отдали

в школу, когда мне не было ещё и семи лет. Потому что я была заморыш и негде было спастись от холода, а в школе было тепло.

Мы жили в тесноте. Брат сколотил топчан, на котором спал. А мы спали на другом топчане втроём – мама и я с сестрой. Не было другого места. Маленькая была комнатка.

Был щит-топка, где готовилась еда, и помещение обогревалось. Топили дровами, или чем придётся.

– Давайте поговорим о чём-нибудь хорошем.

– В детстве у меня была одна-единственная книжка. Сказка про 12 месяцев. Это была замечательная книжка. Я её до сих пор помню.

– А Вы занимались в школе каким-то творчеством? Танцевали, может быть?

– Я училась в 9-й школе на берегу Двины, напротив Задвинья. Она была маленькая – седьмой класс считался выпускной. Был Дом пионеров, я сама туда нашла дорогу и там училась вышиванию. Кроме этого, был клуб ДОСААФ, я тоже, не говоря ничего старшим, пошла туда на курсы телеграфистов. Это у меня хорошо пошло, но когда я дома рассказала об этом увлечении, за меня очень испугалась мама и настроила моих брата и сестру, чтобы они со мной провели работу, и я перестала этим заниматься.

– Они боялись новой войны, и что вас туда отправят.

– Брат окончил техникум и пошёл работать на завод Коминтерна. А сестра поступила в станкоинструментальный техникум на дневное отделение. Семья жила очень стесненно, скромно. Я помню, конспекты у них были сшиты из газет или плакатов, и писали между строчек. Читали все в семье очень много – и брат, и сестра, я тоже не могла обойти это стороной. Когда брат получил от завода комнату по улице Димитрова, мы переселились туда вчетвером. Помню, они читали книгу «Декамерон». Я бегала около них, мне строго было наказано – сказано эту кни-

Семья Лившиц. Зинаида – в центре.

Зинаида Перлина, 1970-е гг.

гу не брать в руки. Но я нашла, где они её прятали. Ничего не увидела там интересного, хоть и прочитала.

Старшие мои брат и сестра определились. Я после семи классов хотела пойти в техникум, но меня брат и мама не пустили, потому что я была заморышем. Я была в классе самая мелкая и самая тощая. Отправили в восьмой класс. Я окончила 10 классов.

Хотела поступить в институт на заочное или вечернее отделение – не получилось. Пошла работать на завод Коминтерна. Было трудно найти работу, меня устроил брат. Работала лаборантом. Поступила на вечернее отделение в станкоинструменталь-

ный техникум. Меня ставили замещать экономиста в литейный цех и потом взяли в производственный отдел. Я работала экономистом, ведущим инженером, диспетчером. Ушла с завода, имея 30 с лишним лет стажа. Когда-то я себе поставила цель – должна 30 лет отработать на одном месте. Так и получилось.

Во время встречи Зинаида Симоновна показывала мне фотографии разных лет. Где-то она зажигает субботние свечи, готовит угощения для пенсионеров... И немало снимков, сделанных во время праздников с национальными танцами. Потому что женщина, которая танцует, всегда дарит радость.

– Вы работали после выхода на пенсию, были активистом еврейской общины.

– Я очень много работала после выхода на пенсию, окончила различные курсы. Например, курсы массажистов, и была первой массажисткой в Доме инвалидов ещё в старом здании по проспекту Фрунзе. Потом работала лифтьером, окончив курсы. Когда организовался Еврейский благотворительный центр «Хасдей Давид», работала патронажным работником. Помогала престарелым людям: продукты покупала, готовила пищу, убирала, мыла... Зарплаты были тогда очень маленькие. У меня были три женщины подопечные, я вела дневник своей работы.

В благотворительном центре супруги Горбуновы организовали танцевальный кружок. И в числе первых восьми женщин составила основу этого коллектива, который потом превратился в ансамбль «Витебские девочки». Дальше образовался ансамбль «Наша песня», где я тоже принимала участие.

Ансамбль «Витебские девочки». Справа – Зинаида Перлина

Ансамбль «Витебские девочки» был создан в 1996 году. Поверьте искушённому зрителю: каждый раз, когда молодые пенсионерки (от 60 до 80 лет) выходили на сцену, это было прекрасно. Потому что от души.

– Что бы Вы хотели сказать всем, кто увидит и прочитает это интервью?

– Когда мама эвакуировалась, я была грудным ребёнком. Она присела на телегу, чтоб меня покормить, и задремала. И вдруг услышала крик: «Кто потерял ребёнка?». Весь этот обоз, в котором была мама с моими братьями и сестрой, ехал в сторону Суража. В кульке была я. Обоз и все лошади проехали над этим кулком. Меня вернули маме. Сохранил Господь Бог.

Мама называла младшую дочь «мизинкой» – от названия маленького пальца, мизинца.

Ещё был эпизод. Мои старшие брат и сестра 10 и 14 лет пошли собирать землянику. Обоз тронулся, никто их не стал ждать. Мама рвала и метала. И вдруг увидела – они идут навстречу обозу.

Чудес в моей жизни с божьей помощью было немало. Господь хранит, когда это ему угодно. Хочу сказать, что благодаря своему сыну Мишеньке Перлину я пришла к иудаизму. Одно время посещала все молитвы в синагоге, это помогло мне пережить жизненные невзгоды.

Главной точкой опоры Зинаиды Симоновны Перлиной была семья. И она, в свою очередь, поддерживала и свою семью, и других людей, которым нужна была помощь.

Леонид ШУР

ВОСЕМЬСОТ КИЛОМЕТРОВ ПЕШКОМ

Отец Любы, Юда Лазовский, был родом из Городка, мать Циля, в девичестве Перлова, из деревни Бескатово Городокского района. Жили в Невеле. До войны в их семье подрастало пятеро детей, Люба была самой младшей. И ещё одна девочка родилась у них уже в эвакуации в сорок втором году.

Любовь Юдовна Гельфонд, 2024 г.

А сама Люба появилась на свет в Невеле осенью тридцать восьмого. Когда началась война, ей не было ещё и трёх лет, и первые её детские военные воспоминания – это рёв немецких самолётов над их домом. Мало кто из жителей небольшого городка был к такому готов и знал, что в подобных ситуациях делать. Люди бежали прятаться от налёта в близлежащие кусты, растущие у моста и вдоль берегов Еменки, которые вряд ли смогли бы их защитить от бомб и пулёмётных очередей вражеских самолётов. Юда, Циля и их дети бежали вместе со всеми.

В суматохе они напрочь забыли о Любе, которая осталась дома в люльке, и спохватились, уже оказавшись неподалёку от моста. Их старший сын Борис сразу же бросился назад домой и через несколько минут притащил к ним в кусты Любу вместе с её люлькой.

Началась массовая эвакуация из западных областей. Спешно возилось всё, что было возможно вывезти – станки, оборудование, зерно, скот, рабочих и служащих эвакуируемых предприятий. Масштабы всего происходившего трудно себе представить: не хватало техники, железнодорожного подвижного состава, поэтому колхозный скот гнали своим ходом.

Именно таким образом председатель колхоза вместе с колхозниками Зусевым и Любиным отцом погнали на восток колхозное стадо.

А вместе с ними ушла и вся семья – мать, её престарелый отец и дети. Путь предстоял неблизкий: по распоряжению районного начальства скот из Невеля предстояло перегнать во Владимирскую область, а это по самым скромным расчётам восемьсот с лишним километров. Весь этот путь, где по дорогам, где по просёлкам, они проделали пешком, но всё-таки

Довоенный снимок. Люба – на руках.

спаслись и выжили, а родители отца остались в Городке и их расстреляли вместе с остальными городокскими евреями в урочище «Воробьёвы горы».

Добравшись, в конце концов, до Владимирской области, они остановились неподалёку от села со странным названием – Сима. Действительно, название скорее еврейское, чем русское, тем не менее это исконно российская глубинка, когда-то вотчина князей Голциных, где и сегодня сохранилась их усадьба.

Председатель с Юдой направились в правление колхоза – выяснить, смогут ли здесь принять пригнанный скот. Стадо у них приняли без проволочек и лишних разговоров. Юде с семьёй выделили квартиру. Семья оставалась там вплоть до осени сорок третьего года. Зимой сорок второго Юда ушёл на фронт, ему было сорок два года. А спустя два месяца Циля родила ещё одну дочку.

Бани в селе не было, и Циля мыла детей в большой русской печке. Этот обычай ещё существовал во многих деревнях средней полосы России вплоть до середины прошлого века. Печь протапливали не слишком сильно, в чугунах нагревали воду, затем тщательно выметали с пода печи золу. А после помывки обдавались водой в стоящей перед печью лохани.

В начале октября сорок третьего, узнав по радио из сводок Совинформбюро об освобождении Невеля, Циля начала собираться домой. Первой уехала её старшая дочь и уже из Невеля написала, что они могут возвращаться. В разрушенном войной городе жить было нелегко, от их дома ничего не осталось, и первые месяцы они ютились

в землянке. Из Невеля в начале войны так и не уехал брат матери Адам, у него было семеро детей. Когда расстреливали невельских евреев, их семью почему-то не тронули, но впоследствии его выдал полицаи, и их тоже расстреляли. Дом Адама остался цел, в нём жили три семьи русских невельчан. Просто так выселить их было невозможно, и перебраться в дом брата из землянки они смогли только после того, как мать вернула его через суд.

Отец Цили – Любин дедушка был глубоко верующим евреем. Когда уходили из Невеля, он взял с собой талес, тфилин, еврейские молитвенники и с ними же вернулся из эвакуации. Узнав о том, что он в городе, невельские евреи обратились к нему с просьбой – дать им часть этих книг, достать их в советские времена было невозможно. Дед отдал всё, оставив себе только самое необходимое, и не взял за это ни копейки. А спустя месяц евреи, в знак своей благодарности, привели в их двор корову. И после этого они уже не голодали – кроме получаемого по карточкам пайка у них были ещё молоко, простокваша, сметана.

После с фронта вернулся отец. Любе это запомнилось на всю жизнь. Он шёл в ботинках и обмотках, а шинель в скатке была переброшена через плечо. Мать встречала его со слезами на глазах. Работу он нашёл сразу – устроился на льнозавод, жить стало легче. Он иногда приносил с работы жмых – отходы от давяльного пресса, на котором из семян отжимали льняное масло. Мешок со жмыхом стоял в комнате за дверью. Люба тайком от родителей постоянно лазила в него, а после с удовольствием ела этот жмых на улице. Соседские ребята, такие же голодные, как и Люба, сначала с завистью смотрели на неё, а после начали просить, чтобы принесла и им попробовать. Теперь Люба, опять же тайком от папы с мамой, стала набивать жмыхом карманы, только уже для соседских детей.

В школу Люба пошла в Невеле. Интересно, что в начальных классах, и это сразу после войны, учительницей у них была немка. Старшая сестра Любы к тому времени закончила педучилище и проходила практику в их же школе. Лучшей Любиной подругой в классе стала Люся Саминская – еврейка по отцу, и эта их дружба продолжалась долгие годы. Когда Люба уже жила в Городке и приезжала по делам в Невель, всегда останавливалась у Люси. Закончив в школе семь классов, Люба устроилась рабочей на обувную фабрику. В послевоенные годы жизнь была тяжёлой, и многие шли работать, не заканчивая десятилетку. Люба стала активной комсомолкой, возглавляла одну из комиссий в райкоме комсомола, позже по направлению райкома работала старшей пионервожатой в железнодорожной школе, а когда в городе организовали санитарную дружину, её выбрали командиром.

Со своим будущим мужем Зямой Гельфондом она познакомилась в Городке на свадьбе троюродного брата, который волей случая женился

на его родной сестре. Любин отец хорошо знал эту семью, его дом стоял напротив их дома, и он рекомендовал дочке выходить за него замуж. Семья была хорошей и очень интеллигентной – один Зямин дядя был профессором Казанского университета, другой – заслуженным художником, третий – юристом, а тётя преподавала математику.

Семья Гельфонд, 1980-е гг.

После свадьбы Люба переехала к мужу в Городок, устроилась в швейный цех комбината бытового обслуживания. Зяма работал простым сапожником, но вскоре ушёл на стройку. Он быстро освоил строительные специальности. Стал высококлассным каменщиком, штукатуром, кровельщиком, маляром и отделочником. Его назначили бригадиром. Бригада, которую возглавлял Гельфонд, одной из первых перешла на популярный в те годы бригадный подряд. В Городке они построили больницу, две школы, множество объектов в районе и несколько – в Витебске.

После выхода на пенсию, вместе с председателем еврейской общины Марком Кривичкиным – Зяма занялся еврейским кладбищем, а ещё в последние годы своей работы установил памятник на месте расстрела городокских евреев в Воробьёвых горах.

С Любой они прожили долгую и счастливую жизнь, родили двоих детей – сына и дочку. Дети закончили в Невеле медучилище. Сын некоторое время работал в Витебске на «скорой помощи», позже служил в милиции, вышел в отставку в звании майора. Сейчас работает дежурным в школе-интернате. Его дочь, Любина внучка, закончила институт иностранных языков, владеет английским, немецким и испанским, работала в гостинице, сейчас – переводчицей в аптекоуправлении.

Дочка Любы и Зямы после училища работала медсестрой в деревне Новые Вайханы Городокского района, сейчас живёт в Израиле. Её сын уже отслужил в армии.

Любовь Юдовна живёт в Городке в просторном доме, построенном руками её мужа, на тихой улочке в красивом месте, недалеко от озера. Любви Гельфонд пошёл восемьдесят седьмой год. Пожелаем ей здоровья и до 120!

Семён ШОЙХЕТ

Я БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказывает Фаина Владимировна

Передо мной фотографии из семейного альбома Фаины Моисеевны Владимировой. Здесь запечатлена практически вся её жизнь. Со сложными виражами судьбы. А у кого из военного поколения судьба была предсказуемой и гладкой?

Фаина Моисеевна Владимировна

Сегодня кажется, что годы летели незаметно. Фаина Моисеевна, теперь уже по мужу Владимировна, всё та же оптимистка. Уверенно смотрит не только в объектив фотоаппарата, но и на саму жизнь. И только она сама и её близкие знают, сколько пришлось ей пережить, перетерпеть, чтобы прожить достойную жизнь, вырастить детей, увидеть внуков и правнуков.

Впрочем, о своей жизни Фаина Моисеевна рассказывает сама.

– Я довоенная, 1938 года рождения. Детские воспоминания избирательны. Мы запоминаем наиболее яркие

моменты тех лет. У меня детство пришлось на войну. Мне было всего три года, но мне кажется, я помню, как немцы начали бомбить Городок.

Мы жили тогда на Заречной улице. Это напротив нынешнего автовокзала. Там был большой луг, на котором пасли лошадей. У меня осталось в памяти, как убитая упала белая лошадь. Мама говорит, что ты не должна это помнить, ты же маленькая была совсем, но мне кажется, что я это помню.

– Расскажите о своих родителях.

– Мама белоруска, Анна Андреевна, девичья фамилия Кухарева, 1919 года рождения. Перед войной нигде не работала. Наверное, некогда было чем-то ещё заниматься, кроме нас, пятерых детей. Началась война, старшему брату девять лет, второму брату – семь, сестре – пять, мне – два с половиной, а младшей дочке, которая сейчас живёт

в Городке, было две недели. Она родилась 8 июня 1941 года.

Папа работал в какой-то мастерской. Моисей Хаимович Перлов. Он с Городка.

Мама родилась в Городокском районе в деревне Смоловка. Родители отца жили на хуторе. Это, наверное, был Бескатовский сельский совет. Папа

Слева стоят Аня Перлова, Моисей Перлов.
Довоенный снимок

и мама, будучи детьми, там встретились, подружились, потом

поженились и нарожали нас пятерых. Я говорила маме: если бы наш папа вернулся после войны, нас, может быть, ещё было бы пятеро.

Дедушку по отцовской линии я не знала. Он умер до войны, а бабушка Зелда увидела войну. Она с детьми жила в деревне.

Папу на войну не взяли, потому что нас было пятеро малолеток. Но когда началась эвакуация из Городка, мы не смогли эвакуироваться. Не знаю, почему так получилось, но мы остались в Городке.

Папа, конечно, не мог оставаться с нами вместе. Кругом же знали, что это еврейская семья. Он ушёл в партизанский отряд имени Кутузова. У нас есть из архива минского документы. Так получилось, что папа погиб в 1943 году. Потом уже узнала мама, что это были Щелбовские леса, там была сделана большая братская могила.

Но, наверное, в 1961 году её разрывали, перезахоронения были, и мама со своим старшим братом туда поехали. У меня как раз первая дочка родилась. Они привезли в урночке земли и сделали захоронение в Смоловке. Поставили памятник. Это наше теперь семейное кладбище, там и мама, там и брат.

После того как папа ушёл к партизанам, мама забрала нас всех и решила пойти в другую деревню, где нас не знают. Как она говорила, были мы много где – и в лесу сидели, и к партизанам прибивались. Было много событий. Но в конце концов оказались где-то в чужой деревне: большущий дом, людей много, спать негде, мама пыталась нас всегда под кроватью положить.

Название этой деревни не помню. Когда мама была жива, мы не расспрашивали, не записывали. А сейчас спросить не у кого. Мы долго на одном месте не задерживались.

Из деревни в деревню переходили, чтобы никто нас не узнал. Помню, мама нам всегда завязывала платочки, чтобы не было видно, что у нас чёрненькие волосики. Она сказала, что было такое время.

Когда немцы грабили деревни, чтобы себя прокормить, и везли обозы, это я от мамы помню, людей выгоняли на дорогу, потому что боялись, что партизаны отобьют у них обозы. Люба моя вспомнила, у неё тогда нога болела, осколок был в пятке, она шла и плакала, говорит: «Меня немец поднял и посадил на телегу и сказал: “Юде”».

Теперь, став взрослыми людьми, думаем, как она её пеленала. Как и чем её кормила. Мама рассказывала, сколько раз ходивши там, бродивши, попадали в облавы...

Мама ещё говорила нам: собирались люди перейти линию фронта через озеро, и она решила, что тоже пойдёт с ними. Нам опять не повезло. Была зима. Но лёд, видно, был не очень крепкий, провалился в полынью брат, второй брат, Женька. Это была ночь, самолёты летают, костёр разложить нельзя. Но в лесу люди собрались, сделали кольцо и всё-таки разложили костерок.

Помогли друг другу... Но дело в том, что мы опять не перешли линию фронта. Мы всё равно остались на оккупированной территории. Тот, кто мог, тот и пошёл. А ещё мама рассказала очень страшный эпизод, что были и те, кто маленьких деток бросал, чтобы не мешали переходить. Было и такое. Сажали под деревья и уходили. Зима. Детей на гибель оставляли. Но как наша мама говорила, погибать – значит, вместе.

Однажды мы попали в такую ситуацию, когда нас могли расстрелять.

После того как не перешли линию фронта, куда было деваться? Мама решила идти на хутор, где жили родители отца моего, её мужа, это далеко от Городка, бабушка Зелда и ещё дядя Цодик – папин брат, тётя Феня. Они были молодые ещё. Но мы не дошли. Была облава, собирали всех, не только евреев, но и русских. Был амбар большой где-то в деревне. Мы попали в этот амбар. Там было много людей. Там уже была и наша бабушка Зелда, и дядя Цодик там был. Все там уже были. Нас закрыли в амбаре. Охранял местный полицей. Но ночью он открыл его и сказал: «Завтра сожгут всех». И ушёл сам и не закрыл амбар. Кто мог – уходил. Мама говорила, в облаву в основном попали женщины с детьми и больные старики.

Бабушка Зелда ходить не могла. Дети не хотели её оставить. А бабушка Зелда маме сказала: «Ты забирай детей и уходи». И мама пошла. Мы опять живые. Амбар этот не сожгли, утром погнажи всех пешком в Городок, кто не мог идти, тех расстреливали по дороге. В Городке на Воробьёвых горах всех расстреляли.

– А почему мама не хотела к своим родителям с вами уйти? Она боялась туда идти?

– Там, в деревне, знали, кто мы, и могли сдать немцам или полицаям. Мама все же решилась и пошла туда, только когда узнала, что Смолловка освобождена. Помню этот эпизод. Я уже подросла. Шли пешком. Дорога была грязная. Люди идут впереди. Мама же меня нести не могла. Было кого нести, была маленькая. Когда на облавах мы были, меня держала на руках мамина сестра Лиза. Мне было приказано её называть мамой. Потому что немцы забирали молодёжь в Германию. Чтобы Лизу не забрали, она держала меня как дочку. Я стояла сзади и всё время говорила: «Мама, мама», – потому что немцы спрашивали: «Кто это?»

Комсомолка Фаня Перлова

Помню хорошо, как я ревела. Заморилась, устала. Они останавливались и ждали меня, чтобы я их догнала. Они останавливались, и я садилась на землю. Думала, пожалеют. Они ждали меня.

– Люди помогали?

– Помогали, а как бы мама прожила. Я всё время говорю: кому-то было надо, чтобы мы жили. Мы в таких были передрыгах, могли погибнуть не один раз. Но остались живы.

Пришли мы в Смолловку. Бабушкиного дома нет. Нам дали чей-то дом. Я его помню. Хороший большой дом. Семья была в эвакуации. Потом они вернулись, и нас, конечно, выселили. Вдоль озера сохранился четырёхквартирный дом, и нам дали квартиру, мы там долго жили. Мама пошла на работу в колхоз. Капусту всё время приносила.

Нас пятеро детей. Один одного смотрели. Мама уходила рано. Она всегда топила очень рано печку, чтобы идти на работу, и рано закрыла трубу. И мы однажды все угорели. Я только помнила, что у меня была мокрая голова. Нас мыли, мочили и было очень холодно. Дверь была открыта на улицу. Это зима.

– Кто-то из партизанского отряда, где отец воевал, приходил к вам, помогал?

– Ничем нам не помогали. Мама работала, потом брат старший подрос. Единственное, после войны, как семье погибшего, дали корову.

В Смолловке была школа-десятилетка. Здание обыкновенное, деревянное. Парты потом появились, чернилницы были невылива-

Семья Фаины Владимировой в сборе

ки. Мы ими брызгались, баловались. Ручки были деревянные и пёрышки. Тетрадки я хорошо помню. Знаете, такие пакеты коричневые бумажные. Мы их разрезали, эти листики сшивали, делали тетрадки, на них писали.

В классе были разновозрастные дети. Со мной учился Володя, он в четвёртом классе бросил школу, потому что у него уже была подруга, и ему уже было не до учёбы. Брат мой старший окон-

чил 7 классов, и где-то в Полоцке или Орше было ФЗУ, он там учился, потом армия.

Я там окончила 10 классов. Сестра окончила 10 классов и вышла там замуж. Сейчас живёт в Смолровке. Братья поженились. Один жил в Стадолице в Городокском районе.

Я поступила в фельдшерско-акушерскую школу в Витебске и осталась здесь. Мама жила всё время в Смолровке со старшей дочкой.

– Мама второй раз замуж так и не вышла?

– Предлагали, но мама говорила: «Нет».

– В Смолровке, там, где папина урна, там и похоронили маму рядом. И старший брат умер молодым, тоже там похоронен. И второй брат жил в Смолровке, заведовал пилорамой. Потом заболел в 60 лет. Онкология. Наверное, детские невзгоды сказались на здоровье. Детство голодное, холодное. Одеваться не во что. Люба была на первой смене в школе, я – на второй. Она прибежала домой, переодевалась, я одевала её одежду и бежала в школу. Мама сшила бурки, строчила на машинке – это была наша обувь зимой.

– Ваша дальнейшая судьба?

– Вышла в Витебске замуж. Родила двух девочек.

Сорок лет отработала в областной больнице.

Старшая дочка работает в гимназии, математик. Младшая работает в Чашниках в музыкальной школе. Внуки взрослые. Четверо правнуков. Старшей правнучке четырнадцать лет.

– Дай бог дожить Вам до праправнуков.

Аркадий ШУЛЬМАН

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

Семёна Давидовича Френкеля я знаю много лет. Для меня он коренной витеблянин, хотя родился в Украине. Но когда я появился на белый свет, он уже жил в Витебске.

Талантливый инженер-конструктор, эрудированный, всесторонне развитый человек. Ветераны специального конструкторского бюро станкостроения до сих пор вспоминают стенные газеты, одним из вдохновителей которых был Семён Френкель. Недавно он стал писать воспоминания. Есть о чём вспомнить. Некоторые из этих воспоминаний мы публиковали на сайте журнала «Мишпоха». Совсем недавно вышла его книга, она называется «Незабываемое». Вероятно, скоро появится и второе издание этой книги.

Мне казалось, я многое знаю из жизни Семёна Давидовича, но вот о его детских и юношеских годах мы говорим впервые.

– Семён Давидович, какого Вы года рождения?

– 1937.

– Как Вы считаете, когда у ребёнка появляются первые самостоятельные воспоминания?

– Я уехал из Харькова, когда мне было 4 года. Началась война. Небольшие воспоминания сохранились. Исполосованное прожекторами небо. Потом мы с мамой бежали в убежище, и в это время взрывная волна нас прямо в дверной проём втолкнула, мы влетели в убежище. Это харьковские воспоминания.

– Расскажите про маму подробнее.

– Мои родители из Беларуси. Семья отца из Жлобина. Фамилия Френкель, звали отца Давид Шлёмович. Мама – Гинда Юдовна Эпштейн. Вся семья Эпштейн из Рогачёва.

Папа, насколько я представляю, работал где-то на предприятии большим чиновником в Харькове.

Мама всю жизнь работала бухгалтером. Она училась в Ленинграде, там, может быть, они и познакомились. После Ленинграда попала в Харьков. Они все были устроены на работу двоюродным братом отца Порецким. Он был начальником местной промышленности. Когда в 37-м году убили Кирова, его тут же посадили вместе с семьёй, а все родственники потеряли работу.

– Вашей семьи больше не коснулись репрессии?

– В 1952 году старший брат мамы, кандидат наук, полковник, был в

числе 25-ти первых, награждённых орденом Ленина – Григорий Юдович Эпштейн. Жил в Москве, работал в Институте химии боевых отравляющих веществ. Был заведующим кафедрой в Академии химической защиты, у него издана книга, и, насколько я знаю, они одними из первых вышли на производство лавсана.

В 1952 году его посадили, год он работал где-то под Москвой в шарашке химической. Там в течение этого года и умер. И среди первых, когда Сталина не стало, реабилитированных был Григорий Юдович Эпштейн.

– Какая судьба отца? Что вы о нём знаете?

– Он в 1942 году под Ленинградом погиб. Есть у нас свидетельство о смерти. Там написано: деревня Дубовцы Ленинградской области. Это у города Старая Руса. Я в Ленинграде писал диплом. Деревня Дубовцы перешла из Ленинградской области в Новгородскую. Там были тяжелейшие бои с немецкой дивизией «Мёртвая голова». В этом посёлке есть братская могила, где похоронен мой отец. Я поехал. Сначала его фамилии на памятнике не было. Позвонил в военкомат, они добавили фамилию отца.

– Расскажите о семье мамы.

– Две сестры и четыре брата у неё было. Сестра её работала в Ленинграде, в институте сланцев, и она получила командировку на Волгу в Сызранский район Куйбышевской области, в посёлок Кашпир-Рудник. Там были сланцевые шахты и завод, на котором делали мазь Вишневского. Тётя перед самой войной приехала туда.

Когда началась война, она собрала в Кашпир-Руднике всю семью. Сначала мы с мамой туда приехали из Харькова. Я прекрасно помню, жили в бараках над Волгой. Туда же тётя привезла одного из братьев, потом поехала в Казань и забрала отца с матерью, моих бабушку с дедушкой. Они из Рогачёва чуть ли ни пешком добрались до Казани.

– Как относилось местное население к вам?

– Разные были случаи. Два факта могу вспомнить. Мы с двоюродным братом одного возраста, он сейчас в Москве живёт, а второй брат – его родной, младше нас года на четыре, он родился как раз в 1941 году.

Помню, мы защищали честь младшего брата и дрались. Его обозвали «жидом».

Но, с другой стороны, даже имя помню, был Коля Лобцев. Он немного старше, водил нас в лес, на Волгу. По реке плыла, когда шли сильные бои, оглушённая рыба. Коля прекрасно плавал, заплывал далеко, приволакивал рыбу, и мы с ним жарили, это была самая вкусная еда.

– Там вы пошли в школу?

– Школа была десятилетка. Хорошая школа. Тоже кое-что из воспоминаний. Я как-то играл в футбол, и мне врезали по ноге. Пыль,

кровь. Не обратил внимания. Потом был в школьном лагере. Нас положили днём спать. Чувствую, не могу лежать. Прибежала воспитательница, поставила меня в угол. Я стоять в углу не могу. Было заражение. Как-то вылечили меня.

– До какого года вы были в эвакуации?

– Из Кашпир-Рудника мы уехали в 1947 году. Раньше нам просто некуда было ехать. В Харькове мы потеряли связь с родственниками отца. Здесь в Витебске, ещё перед войной, жил средний брат мамы Яков Юдович Эпштейн. Он работал рентгенологом, а его жена, тётя Бася, была у него рентгенотехником. Перед самой войной в июне 1941 года они решили поехать на юг в Крым. У них была дочь Майя 1929 года рождения.

Они её оставили в Витебске у каких-то родственников. Не успели доехать до места, как началась война. Дядя понял, чем это чревато. Кинулся обратно, но его уже не пустили. Дочка погибла в Витебском гетто. Поэтому дядя никогда не ходил в театр, который располагался рядом с Двиной в районном Доме культуры, там, где в годы войны было гетто.

Мы получили приглашение от дяди. Он вернулся в Витебск в 45-м году. Всю войну провоевал под командованием Жукова. В конце войны как руководитель медицинской бригады принимал Жукова, делал ему осмотр. Когда маршал зашёл, он как старший по званию сказал:

– Товарищи офицеры.

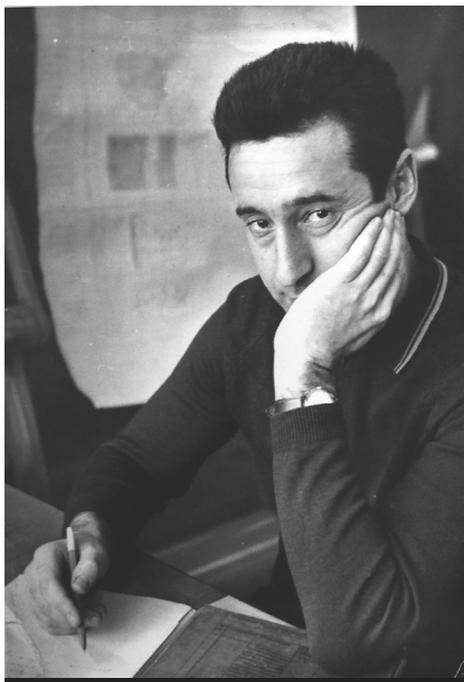
Все встали. Жуков подошёл, протянул дяде руку и сказал:

– Я у вас только пациент. Делайте со мной что нужно.

А через некоторое время тётя Бася подошла к дяде и сказала, что снимок не получился. Дядя с дрожащими губами обратился к Жукову: «Товарищ маршал...». Тот ответил: «Я же вам сказал, я здесь только пациент...»

– В какой класс вы пошли?

– В четвёртый. Два года я проучился там, запомнилась завуч –

Семён Давидович Френкель

Анна Григорьевна Блау. А потом, после пятого класса, вошла в строй 3-я школа, и наш класс целиком перевели туда.

– Какие фильмы того времени запомнились?

– Во-первых, «Тарзан». Его демонстрировали в кинотеатре «Спартак», и потом «Кубанские казаки».

– О смерти Сталина как Вы узнали?

– Мы писали какое-то сочинение. Справа от каланчи была библиотека. Мы отправились туда, нам было чего-то весело, смеялись. И вдруг подошла к нам библиотекарь и сказала:

– Как вам не стыдно. Вы себя неприлично ведёте. Сегодня Сталин умер.

Нам сделали строгий выговор. Но нам как-то хуже не стало. Восприняли очень спокойно и легко.

Основным местом молодёжной жизни и веселья был городской каток. Там, где нынешний Амфитеатр. Там играла музыка, там знакомились – место сбора всех молодых. Я туда ходил четыре раза в неделю. Минимум.

Где теперь остановка на площади Ленина, была главная футбольная поляна. В левом углу. Там никакого садика не было. Мы постоянно играли в футбол. Называлась наша команда «Базарники». Улица Ленина была ещё не готова. Там строительство шло, и угловой дом был огорожен высоким забором.

В Витебске были две мощные команды. «Спартак» – это местной промышленности и вторая – команда военных. Они назывались «Батовцы», потому что командовал Белорусским военным округом генерал Батов и он курировал команду десантников. В этой команде играл Быча – у него кличка была такая.

Стадион был там, где и сейчас, но совершенно не оборудован, раздевались на скамейках. Проход на стадион был через ветеринарный институт и через овраг. Однажды мы пошли на футбольный матч, играли «Спартак» и «Батовцы». В составе «Спартака» играл позднее известный тренер по боксу Абрам Брин.

Идёт игра, сидим смотрим. И Брин, и Быча играли в полузащите. Быча за Брином не успевал. Брин раз за разом от него уходил. Когда первый раз ушёл, Быча сзади заплёл его ноги, Брин со всего размаха грохнулся о землю. Вскочил возмущённый, судья сделал какое-то замечание.

Прошло три минуты, всё повторилось. Брин снова грохнулся на землю. Вскочил, подошёл к Быче, что-то ему очень эмоциональное сказал. Опять прошло пять минут, и снова... Тогда Брин уже, ничего не говоря, поднялся, подошёл к Быче и нокаутировал его. Абрам Яковлевич Брин был боксёр, бегал прекрасно, самый спортивный человек в Витебске.

Половина стадиона была заполнена десантниками. Брин понимал, какая перспектива его ждёт, поэтому он лёгкой трусцой подбежал к скамейке, там, где лежали его вещи, взял в одну руку пиджак и брюки, в другую – обувь и тем же лёгким бегом через овраг убежал.

– Сталинские события... 52-й год... В Вашей семье были какие-то разговоры?

– У дяди были в друзьях профессор Сосновик, Лурье, этого я очень любил, Вальшонок. А потом, когда началось «дело врачей», из Москвы и Питера выгоняли профессуру, и многие приехали в Витебск и тоже собирались у дяди на квартире.

– И обсуждали все вопросы?

– Конечно. Помню анекдот, который я услышал. В Витебск приехала американская делегация. Идут по Ленинской улице. Впереди, естественно, работники КГБ.

Вдруг увидели, что в хлебный магазин стоит дикая очередь. Прибежали к заведующему и сказали: «Делай что хочешь, но этого американцы увидеть не должны».

Заведующий выскочил из магазина, посмотрел – напротив сберкассы. Позвал рабочих, они быстро поменяли вывески. Подошла американская делегация. «У вас такие очереди в сберкассу! У народа много денег?», – удивились они. Пришли чекисты к заведующему и говорят: «Ты нас выручил. Говори, что ты хочешь? Мы всё сделаем». «Ну, если вам всё равно – отпустите меня с ними», – сказал заведующий.

– Вы закончили школу в 54-м году?

– С золотой медалью. Тогда было правило: если четвёрка по белорусскому языку, то никакой медали не дают.

– Ваша дальнейшая судьба?

– Восстановили связи с харьковскими родственниками, и они меня позвали учиться в харьковский политехнический. Это 1954 год.

Направление после института получил на Новокраматорский машиностроительный завод – после «Уралмаша» второй завод в

Свадьба Семёна и Норы

Семён Давидович Френкель с внучкой

Союзе по этому профилю был.

А в Витебске в 1959 году открылось Специальное конструкторское бюро станкостроения. Я пришёл туда, поговорил, мне написали официальную бумагу, я поехал в Новокраматорск увольняться.

Работал в СКБ сначала инженером-конструктором, завершил деятельность главным конструктором проекта.

Вся наша история в 1993 году закончилась. Началась перестройка, мы работали в отделе, который обслуживал Оршан-

ский станкозавод.

Они организовали филиал конструкторского бюро при своём заводе, и с 1993 года там мы работали.

– Сколько у Вас стажа?

– Больше пятидесяти лет.

Жена Нора Грантовна работала у нас в отделе. Приехала после института на год или два позже меня в СКБ с большой группой ребят. Она меня очень выручила. Я купил путёвку, никогда не был на юге, не успевал с работой, пошёл к начальнику отдела и говорю: «Что делать?». Он посоветовал: «Возьми к себе в группу эту девушку. Она толковая. Введи в курс дела, она доделает. Так и получилось».

С тех пор у нас стали тёплые отношения.

– Сколько у вас детей?

– Двое. Дочка и сын. Дочка в Питере, окончила физфак университета. Внучка уехала в Израиль. Внук в Эмиратах, в Германии.

Сын сейчас в Сиэтле, это США. У него трое детей. Старшая, дочка, ей 7 лет, и два мальчика.

– Я насчитал семь стран, с которыми связана история Вашей семьи. Можно учить географию.

Аркадий ШУЛЬМАН

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Послевоенное семейное фото, снятое в одном из немногих в то время витебских фотоателье.

На ней семья Рыжик: Эмма Абрамовна Кунина и Шевель Гиршевич Рыжик, их дети – сын Эрик и дочка Люба, бабушка Рахель – мать Эммы, а справа – жена родного брата Эммы – Галя и её сын Феликс.

Этой фотографии уже более семидесяти лет, и неудивительно, что из всех, кто на ней запечатлён, в наши дни остался только мальчик Эрик. Сегодня это уже человек в солидном возрасте – Эрнст Рыжик, и всё, о чём здесь будет рассказано, записано с его слов.

Родители были родом из еврейских местечек бывшей Витебской губернии: Эмма – из Колышек, Шевель – из Островно. Встретились они в тридцать третьем в Ленинграде. Эмма там училась в планово-экономическом институте, а Шевель по направлению военкомата приехал на курсы совершенствования. Ей было двадцать, ему – двадцать два.

В тридцать шестом у них появился сын Эрик, из-за чего Эмме пришлось уйти с третьего курса института, а спустя ещё три года родилась дочка Люба. До войны и после неё они жили в Витебске. Эмма работала в гастрономе, Шевель, по образованию педагог, историк, был директором Бабиничской, а позже двадцатой и десятой витебских школах.

События конца тридцатых, те, которые в народе называли страшным словом «ежовщина», не обошли стороной и их семью. В тридцать шестом был арестован и расстрелян старший брат Эммы – Абрам. Его

Семья Рыжик: Эмма Абрамовна Кунина и Шевель Гиршевич Рыжик, их дети – сын Эрик и дочка Люба, бабушка Рахель – мать Эммы, а справа – жена родного брата Эммы – Галя и её сын Феликс

жену Галю как жену врага народа сослали в Казахстан. Но в этом, похоже, был ещё и чей-то личный интерес – в их пустующую квартиру сразу же заселился один из начальников НКВД. В ссылке Галя пробыла десять лет и вернулась оттуда только в сорок шестом, а её сын Феликс остался в семье Шевеля и Эммы, а позже уехал в Харьков.

Когда началась война, Эрику было пять лет. Отец в первые же дни ушёл на фронт. Эмма с матерью и двумя детьми выбралась из города с предпоследним эшеленом, в последнем уезжали ещё остававшиеся в Витебске железнодорожники. Под Невелем эшелон попал под бомбёжку. Люди высыпали из вагонов и в панике бросились в поле, подальше от разрывов вражеских бомб. Эрик остался один. Метался по полю, пытаясь найти родных, и, к счастью, в какой-то момент увидел знакомую кофту. Это была кофта бабушки. Потом они, уже вдвоём отыскивали маму с маленькой Любой на руках.

Конечным пунктом их эвакуации стал небольшой городок Мензелинск в двухстах километрах от Казани. Они там пробыли три года. Если сравнить со многими другими, такими же беженцами, жили они не так уж и плохо. Мать сразу нашла работу – устроилась машинисткой в райисполком.

Отец первый раз был ранен в сорок первом под Ржевом. После госпиталя он на несколько дней заехал к родным в Мензелинск, и за проданные на базаре сапоги купил для них козу. Так что все последующие годы кроме хлеба, который получали по карточкам, у них ежедневно было полтора-два литра молока. Ну а пасти эту козу пришлось единственному в семье мужчине – шестилетнему Эрику.

Там же, в Мензелинске, Эрик закончил первый класс татарской школы. Все предметы в ней преподавали на татарском языке. Но для мальчишки это не составило большой проблемы: к тому времени на улице среди пацанов он выучил его настолько, что знал не хуже русского языка.

Отец начал войну батальонным комиссаром, и ему не раз приходилось лично поднимать бойцов в атаку. Второй раз он был ранен под Белгородом во время Курско-Орловской операции. На сей раз ранение практически было смертельным, четыре осколка в грудь, четыре – в живот и ещё один в бедро. Так, вероятно, посчитал и политрук, включивший его в сводки о потерях. В результате матери пришла похоронка, и она два месяца получала пенсию.

Но несмотря ни на что, Шевель выжил. А спустя пару месяцев, родные получили от него письмо из Чимкента, где он долечивался после госпиталя. Из-за этого ранения комиссия признала его негодным к службе в боевых частях. Он к тому времени дослужился до капитана и получил назначение в запасной полк заместителем командира по политчасти. Располагался полк в тылу, далеко за линией фронта.

Однако долго оставаться там ему не пришлось. Шёл сорок третий год, наши войска продвигались по Украине. Неожиданно, под Житомиром немцы прорвали фронт, и их полк вместе с другими частями бросили затыкать образовавшуюся брешь. Там же, на Украине он был ранен в третий раз, после чего на фронт уже не вернулся. Прослужил в запасных частях до сорок пятого и ушёл в отставку в звании майора.

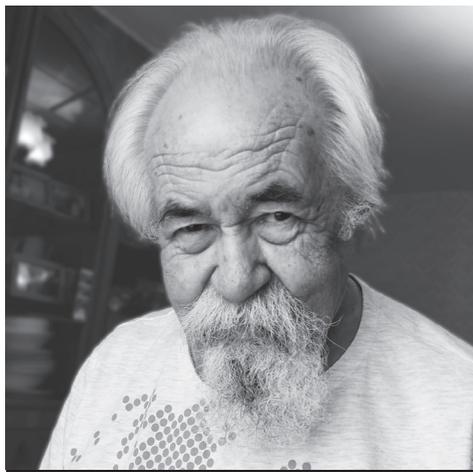
Феликс Кунин, племянник Эммы, хорошо знал немецкий и ещё в школе увлекался радиodelом. На фронт ушёл добровольцем. Служил на Черноморском флоте радистом на торпедном катере. Когда немцы потопили их катер, он и ещё один матрос двое суток продержались в спасательных жилетах в открытом море, пока их не подобрал случайно проходивший мимо тральщик.

После этого он, как и многие другие моряки из команд подбитых и потопленных кораблей, попал в морскую пехоту. В сорок третьем принимал участие в высадке десанта на Керченский полуостров. Перед погрузкой на транспорт обмотал рацию прорезиненной тканью, привязал к автомобильной камере, а высадившись в прибрежных водах, толкал её перед собой. На берегу сразу же завязался бой. Не обращая на это внимания, Феликс вовремя вышел на связь с «большой землёй». Это была первая рация на захваченном плацдарме, за это Феликс получил высокую награду – орден Ленина. За время войны он ещё дважды был награждён орденом Боевого Красного Знамени и многочисленными медалями.

В сорок четвёртом, узнав из радиосводок о начале наступления под Витебском, мать уволилась с работы, и, не дожидаясь других известий, они отправились домой. До Москвы добрались на пароходе, дальше – поездом, в Рудне две недели ждали, пока Витебск освободят. Жили в теплушках, питались тем, что удавалось найти. Когда же, в конце концов, они оказались в Витебске, на улицах ещё валялись трупы немецких солдат. Город был в сплошных развалинах, электричества не было, водопровод не работал.

Квартиру мать нашла в уцелевшем двухэтажном доме по улице Толстого. Выбитые окна почти до верха заложили кирпичом, оставили только застеклённые осколками форточки. Печки на кухне и в жилых комнатах сложил старший брат отца Лёва. Он был инвалидом по слуху и всю войну прослужил в трудовой армии – клал в землянках печи. Был человеком глубоко верующим, соблюдал кашрут и кроме прочего числился казначеем синагоги, хотя самой синагоги в городе не было: молиться евреи собирались у кого-нибудь в доме.

Настолько же соблюдающей заповеди в их семье была бабушка Рахель, и по этой причине вынуждена была питаться отдельно. Для неё специально покупали на базаре курицу, которую резал приезжавший раз в неделю из Орши резник.

Эрнст Савельевич Рыжик, 2024 г.

В конце сорок пятого вернулся из армии отец. Квартира, в которой они поселились, была большая, занимала половину второго этажа. Приезжавшие в город знакомые останавливались у них. Бывали случаи, когда в их квартире проживало до четырнадцати человек.

Чуть позже купили корову и держали до пятьдесят третьего года. Хлев соорудили в развалинах на другой стороне улицы, а гонять её в поле пришлось опять же Эрику. В его обязанности также входило собирать по городу дрова – в те годы купить их было негде.

В октябре он пошёл в школу. Единственной школой в городе после освобождения была десятая Сталинская, и освещалась она керосиновыми лампами. Классы были большими – по сорок-пятьдесят человек, парт не было, стульев тоже, учились, стоя за фанерными столами. Зимой было холодно, верхнюю одежду не снимали, а чернильницы-невыливайки держали за пазухой, чтобы не замерзли чернила.

Сегодня даже трудно объяснить, что такое чернильница-невыливайка или деревянная ручка со вставным пером. Но в то время в советской школе эти письменные принадлежности были единственными в своём роде, их вместе с учебниками и тетрадями носили в портфелях, и просуществовали они вплоть до начала семидесятых.

Сразу после освобождения город был почти безлюдным. Эрик мог пройти от дома до школы, а путь был немаленьким, и не встретить ни одного человека. Но постепенно жизнь налаживалась, возвращались люди, заработал водопровод, появилось электрическое освещение, а в сорок восьмом в школе включили центральное отопление. Кроме десятой открывались в городе и другие школы. Эрик, уже по месту жительства, перешёл в шестую и окончил в ней десять классов.

После школы он поступил в мединститут, откуда вышел хирургом, успешно закончив его в пятьдесят девятом году. Распределился в Лепельский район и там три года работал сначала в сельской, а после в районной больнице. Участок, который обслуживал, был довольно большим – от Лепеля до Ушачей, поэтому жить ему пришлось где-то посредине – в деревне Воронь Заозерского сельсовета. Последний год уже жил в Лепеле, работал хирургом в районной больнице.

После войны, начиная с сорок пятого, Шевель Рыжик отработал директором фабрично-заводского училища при фабрике «ЗИ». Выйдя на пенсию, подрабатывал диспетчером в управлении «Промналадка».

Эмма работала секретарём-машинисткой в райисполкоме, а последние десять лет и до самой пенсии в музучилище. Люба после окончания музучилища более двадцати лет преподавала фортепиано в музыкальной школе.

В пятьдесят пятом Шевель и Эмма обратились в загс чтобы официально оформить свой брак. Дело в том, что у Шевеля, непонятно по какой причине, начали высчитывать холостяцкий налог, который до этого, ещё с самого момента его принятия, ни разу не высчитывали. Брак был заключён, почётными гостями на этом бракосочетании были их дети – Эрик и Люба.

После Лепеля до семидесятого года Эрнст жил и работал в Минске. В шестьдесят четвёртом прошёл специализацию по специальности «травматолог-ортопед». Ещё два года жил в Москве, и уже после этого вернулся в Витебск. Здесь работал в протезной мастерской, поликлинике, третьей городской больнице, а последние десять лет перед пенсией – ортопедом в детской больнице.

Эрнсту Савельевичу исполнилось восемьдесят восемь лет. Живут они вдвоём с женой в уютной квартире в Витебске на проспекте Победы. У них сын, трое внуков и внучка. Старший внук уже закончил университет и женился, остальные пока учатся в школе.

Семён ШОЙХЕТ

Эрнст Рыжик с детьми и внуками

Эрнст и Люба Рыжик

ДУМАЙТЕ О БУДУЩЕМ, НО ЖИВИТЕ – СЕГОДНЯ!

Валерий Семёнович Зельвинский – один из старейших журналистов Беларуси, телекомментатор и телеведущий с более чем полувековым опытом выходов в эфир. Пришёл на Витебскую студию телевидения, когда она только начинала работу.

Творческий путь Валерия Зельвинского – сама история белорусского телевидения и, безусловно, очень интересная тема. Но беседу мы начали с первых воспоминаний человека, родившегося в довоенное время и вместе с мамой успешного уехать на восток страны в эвакуацию.

Валерий Семёнович Зельвинский

Не только потому, что в год 80-летия освобождения Беларуси этой теме повсеместно уделяют максимальное внимание. К сожалению, с каждым днём остаётся всё меньше людей, которые знают это время не по фильмам и книгам, не по чужим воспоминаниям, а для которых это часть их жизни.

– Валерий Семёнович, к какому времени относятся Ваши первые воспоминания?

– Может быть, я ошибаюсь, мне кажется, первые детские воспоминания у меня с двух лет. Может быть, это навеяно тем, что мама рассказывала.

– Вы 1939 года рождения. Вам два года – это 1941 год.

– Момент, когда мы уезжали в эвакуацию на одном из последних составов из Витебска и по дороге нас бомбили. Это сохранилось в памяти. Помню, что меня куда-то несли. Вытаскивали из вагона и под вагонами мы прятались.

– Куда вы эвакуировались?

– Город Чкалов, сейчас Оренбург, село Чебеньки, 80 километров от него. Уже в зрелом возрасте в газете «Известия» прочёл какую-то информацию из этого села. Раз в жизни встретил название.

Дальше уже точно собственные воспоминания: сами Чебеньки, детский сад, в котором я был, прогулка в детском саду, на которую нас выводили, и мы, пацанята, нашли норки сусликов, там в изобилии они были. Мы их забрали и принесли домой. До сих пор помню ту взбучку, которую получил от мамы. Она кричала: «Что ты мышей в дом принёс?».

Помню, как обгорел. Мама уехала в командировку в Чкалов.

– Мама работала в эвакуации?

– Работала в бухгалтерии. А с тётей и двоюродным братом мы поехали куда-то на бахчу. Повозка, запряжённая быками, и я там шастал в трусиках. Обгорел на солнце так, что к вечеру у меня кожа покрылась волдырями. Домой вернулись, меня поставили на стол и вымазали кислым молоком.

– Если было кислое молоко, значит, жили неплохо...

– Это же село, коровы были.

– Как местные вас принимали?

– У меня был по саду друг – татарчонок. И мы как-то зашли к нему домой. Его мама нас угощала, по тем временам мне показалось, чем-то очень-очень вкусным.

Много лет я помню этот вкус. И когда-то в Минске, уже мне двадцать с чем-то лет было, я случайно попробовал брикет какао с сахаром и вспомнил этот вкус.

Когда уезжали в Витебск, в Чкалове было время до поезда, и мы пошли в баню. Я ещё был в таком возрасте, когда мне можно было в женской бане мыться с мамой и тётушкой. Через десять минут туда с воплем ворвался мой дядя, который нас забирал, кричал, что поезд пришёл.

Помню, когда ехали оттуда, у кого-то был голубенький надувной шарик, этот шарик прикрепили к вагону с внешней стороны, и он так на ветру колебался.

Момент приезда в Витебск не помню. Рассказывали, что нас встречала дальняя родственница, которая здесь уже была.

Тачка на больших колесах. На эту тачку положили нехитрый скарб, который был, и меня посадили сверху.

Мама, Ольга Семёновна.
Довоенный снимок

– Расскажите про маму.

– Ольга Семёновна, коренная витеблянка.

– Несколько слов про отца.

– Семён Ильич Зельвинский – кадровый военный.

– Вы вернулись в Витебск в сентябре 1944 года. Город только освободили. Каким он был?

– Первое воспоминание после приезда – когда меня в тачке катили по мосту Блохина. Единственный мост уцелевший. Связывал обе стороны реки. Меня везли по мосту, я видел противоположный берег, два цвета: ярко-голубой и ярко-красный. Ярко-голубой – это чистое осеннее небо. Небо осенью бывает голубее, чем летом в хороший день.

А внизу сплошные развалины, красные. И над развалинами возвышалась водокачка. Это там, где сейчас областная библиотека.

Город в развалинах, уничтожен на 94 процента.

– Где вы поселились?

– Сначала поселились у родственницы. Где-то в Лучёсе. А потом вернулись в нашу квартиру, из которой когда-то уехали. Это Замковая улица, где теперь «синий» дом, которого тогда, конечно же, не было. Во дворе стоял одноэтажный дом, в котором жило после войны пять семей. Квартиру нашу разделили на две части фанерной перегородкой, потому что в неё уже раньше заехали люди.

– Дальше в Вашей биографии была школа. Вы успешно её закончили и решили учиться на журналиста. Почему такой был сделан выбор? Это где-то конец 50-х годов.

– 59-й год. Я был в школе несколько лет редактором стенной газеты. Понравилось. Когда-то мечтал о море, но это ушло, потому что у меня зрение и в ту пору было не очень хорошее.

– Знаю, что предлагали в Минске остаться после окончания университета, в молодёжной редакции. А почему всё-таки Витебск?

– В 1962 году на 3-м курсе на второе полугодие отправляли на практику. Я выбрал Витебскую студию телевидения.

– Она открылась в 1960 году. То есть Вы приехали практически открывать двери телестудии.

– Телевидение тогда было абсолютно новым. Это привлекало. Привлекало и то, что студия телевидения соседствовала с моим домом.

Меня вызвал министр, в ранге министра был руководитель Белорусского ТВ, и сказал покровительственно: «Вам предлагаем место в молодёжной редакции Белорусского телевидения».

Я ответил: «Нет!»

«Что – нет?» – у него глаза округлились.

«В Витебск хочу. Мне там нравится. Прекрасный коллектив. И вообще я там уже свой человек».

– Каким было телевидение? С чего начиналось?

– Прежде всего это новости. У нас не было своего канала. Шли в эфир два канала: Москва и Минск. Поначалу вообще одна Москва была, а мы имели право выходить в эфир на любом из этих двух каналов, когда нет информационных выходов.

– Тогда телевидение было очень популярным. Все смотрели телевидение, доинтернетная эпоха.

– Я, когда пацаном был, у меня родственники в Ленинграде жили, и помню, приехал, и меня повели к соседям на телевизор. Я никогда до этого не видел его.

С благоговением вспоминаю людей, которые работали в те годы на витебском телевидении. Это первопроходцы: Илья Романович Коган – главный редактор, мой учитель. Чуть позже – Лев Абрамович Шульман, Давид Симанович, Маина Боборико, Галя Гужва, Аня Лозовская.

Не было записей. Прямые эфиры. Как сел, так и выдал.

– Я даже помню первый Ваш сюжет на телевидении, Вас отправили снимать вывоз удобрений на поля.

– Это было на второй день, когда я приехал на практику. Илья Романович Коган принял меня и сказал: «Завтра поедешь на съёмку». У меня волосы дыбом поднялись, потому что я вообще не представлял, что это такое. На следующий день в пять часов утра мы выехали в колхоз на студийной единственной машине «Победа». Сейчас я понимаю: никому со студии не хотелось ехать в субботу.

Помню первое интервью, которое делал для телевидения. Хотенчик Анатолий, известный боксёр, он был главным судьёй на соревнованиях центрального совета «Спартака», и я взял первое интервью.

– Когда появился бокс в вашей жизни?

– В 1958 году. Год до университета, тренировался у Абрама Яковлевича Брига. 18-я школа в районе фабрики «КИМ», в школьном зале была секция. Там занимались тогда Вилли Ильченко, Костя Куренной, Лёня Канцельский – имена!

– В Минске продолжили заниматься?

– В Минске у нас на Свердлова было общежитие, а рядом – стадион, и там динамовцы тренировались. Тренировал их Владимир Львович Коган, заслуженный тренер СССР, чемпион Советского Союза, бывший известнейших боксеров.

– Касаясь бокса и журналистики. Вы работали на Олимпиаде-80 в Москве, комментировали соревнования по боксу. Давайте вспомним эту олимпиаду. Давали ценные указания: что сказать, что не сказать, как сказать? Всё было регламентировано?

– Как раз – нет. Был заместитель министра культуры, который говорил: «Не надо».

– Что значит – не надо?

– «Он хорошо бежит, потому что в стране Советов родился». Не надо этого говорить.

Урезанная Олимпиада была из-за Афганистана, к сожалению. Я в начале июля 80-го года уехал в Москву и к 28 августа только вернулся.

Из воспоминаний: с первого и до последнего дня «Фанта» и «Кока-Кола» в пресс-барах – бесплатно.

– Для Вас это была новость, что такие напитки есть?

– Конечно. Я, когда вернулся в Витебск, с лекциями выступал от общества «Знание» и рассказывал слушателям, что японцы привезли на Олимпиаду несколько образцов плоского телевизора. Представляете, телевизор висит на стенке... По лицам слушателей угадывал: «Завирается мужичок».

– Бокс до сих пор остаётся в Вашей жизни?

– В Минске проходило первенство Европы по боксу. Меня пригласили комментировать. Я раньше не сталкивался с комментарием на зал. Было в первые дни невероятно тяжело, но я отработал как надо.

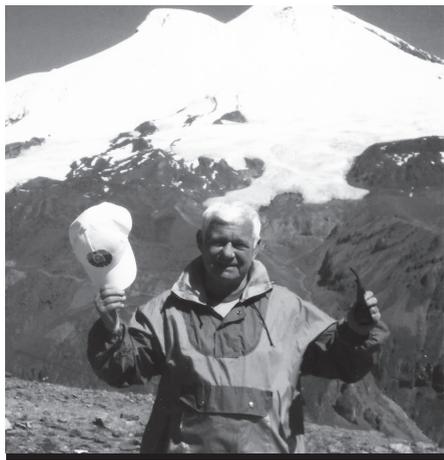
– Я знаю, что в 2019 году на «Славянском базаре» были показательные выступления – подъём тяжестей. Вы, несмотря на неюношеский возраст, 50 раз подняли гирию.

– Не надо удивляться – гири бывают разные.

У меня друг Анатолий Николаевич Ежов. Он сейчас имеет три учёные степени: юриспруденция, экономика, философия. Президент сети негосударственных учебных заведений с головным университетом в Архангельске, где более тысячи студентов. Ежова, по-моему, 70 раз занесли в Книгу рекордов Гиннеса как гиревика.

Нет, наверное, на земном шаре такой особой точки – Северный полюс, Южный полюс, какой-то вулкан, где-то в Латинской Америке – где бы он не был, не таскал гири.

Валерий Зельвинский на Эльбрусе

– Для чего надо гирию таскать на Северном полюсе?

– Потому что этого никто не делал. Он мне позвонил, наверное, уже 15 лет прошло, и сказал: «Приезжайте на Эльбрус».

– Гирию потаскать?

– Мы с Каташуком Владимиром Сергеевичем, тогда заместителем мэра Витебска, до Москвы доехали, там на самолёте – до Нальчика, а там уже прие-

хали к Эльбрусу и поднимались наверх до 3900 метров на подъёмнике, а дальше 200 метров до приюта «11» шли ногами. Вот когда я понял, что такое альпинизм.

– И гирию с собой несли?

– Обязательно. И гири поднимали. Это всё регистрировалось.

– Вы должны быть в Книге рекордов Гиннеса?

– Да, как участник массового старта. Было 300 «спартанцев». И каждый получил Диплом Книги рекордов Гиннеса. У меня есть тоже.

– Вам 84 года. Как сохранить форму, чтобы не ходить по аптекам, а гирию поднимать?

– Обычная жизнь. Правда, в последнее время снизил уровень. Совсем недавно утром вставал, бежал на берег Витьбы, перетаскивал с одного места на другое кучу металлолома, были две тренировки в неделю в зале и две бани.

– Помню Вас на мотоцикле «Ява», когда Вы ездили в Крым.

– Элементарно. Двое суток. Не торопясь при этом. Как-то рванул на Заток под Одессой. За сутки доехал. Едешь. Стоит стог сена. Остановился, вырыл норку. Никаких мотелей, ничего. Джинсы, свитер, куртка, немного денег в кармане, на мотоцикл прыгнул и понёсся.

– Хочу перейти к началу разговора. Часто ли приходится вспоминать детство?

– Чем человек становится старше, тем чаще он вспоминает прожитую жизнь. И хорошее было, и не очень хорошее, ошибки, переживания. Я, к сожалению, отношусь к тем людям, которые переваривают своё прошлое, вот надо было так или нет... Чего копать в этом? Всё равно ведь не исправишь. Надо думать о будущем. В любом возрасте. Но жить сегодняшним днём. Помню, читал о каком-то великом человеке, у которого на столе было такое устройство, на котором большими буквами было написано: «Сегодня!» с восклицательным знаком.

Это установка – жить сегодня и не откладывать ничего на завтра...

Аркадий ШУЛЬМАН

Валерий Зельвинский на встрече в Витебской еврейской общине

ПОЛВЕКА В МЕДИЦИНЕ

Как и у многих евреев, родившихся до войны, особенно в местечках, у Леонида Шейнкина два отчества. Одно – по имени отца – Файфелевич, но люди в разговоре с ним, как правило, меняли его труднопроизносимое отчество на более привычное – Павлович.

Леонид Шейнкин, 2024 г.

Большую часть жизни Леонид Павлович провёл в Витебске, за исключением двух лет, когда работал по распределению после медицинского института, и ещё нескольких лет, проведённых в эвакуации.

Родители его тоже жили в Витебске, но сам он родился в Бешенковичах. Потому что там проживали его бабушки, дедушки, и, как сам Леонид Павлович по этому поводу выразился, на

время родов он «просто вынужден был перебраться в Бешенковичи». Отец до войны работал диспетчером в конторе «Заготзерно», мать Зоя Абрамовна, в девичестве Бляхман, служила секретарём-машинисткой в ГПУ. В своём деле она была специалистом высшего класса – печатала одновременно всеми пальцами, и скорость печатания у неё была такой, что те, кто надиктовывал текст, удивлялись. В отличие от отца, она закончила семилетку. У отца было всего четыре класса образования, но, несмотря на это, он помогал сыну решать задачи по математике, когда тот учился в пятом.

Лёне было всего четыре года, когда началась война. Отца в первые же дни забрали на фронт. Лёня не помнит ни её начала, ни того, как эвакуировались с матерью из города. В его воспоминаниях сохранились более поздние события, происходившие уже в башкир-

ском посёлке Чишма. Они с братом Борисом, который был старше его на два года, сидели в чьём-то доме на большой русской печке и просили у мамы хлеб. Только хлеба у мамы не было.

После Чишмы они оказались в Куйбышеве, там его дядя – брат отца – работал начальником планово-экономического отдела в Особой строительно-монтажной части. Мать устроилась туда секретарём-машинисткой. Жили они в самом центре, в коммунальной квартире на третьем этаже. Из окон дома была видна главная площадь города.

Среди самых ярких Лёниных воспоминаний того времени – День Победы, 9 мая 1945 года. Вся огромная площадь была заполнена народом, в небе над ней гремели залпы салюта. Но интересно, что мальчишку в тот момент интересовало другое – почему люди, на головы которых, по его мнению, падали сгоревшие ракеты, никак на это не реагировали.

Весной 47-го вернулся с фронта отец в звании сержанта. Из Куйбышева он написал письмо на место прежней работы. Из Витебска пришёл вызов, и они всей семьёй отправились домой. В Витебске через разрушенный вокзал вышли на площадь. Большой радости, к сожалению, не испытали. Узнать город было невозможно, это был призрак, весь в руинах, пустой и страшный. Люди на улицах встречались редко, те, что вернулись после его освобождения. Иногда среди них можно было увидеть еврея, возможно, из тех, кто в 41-м успел забраться в уходящие на восток поезда. А те, что не смогли или не захотели покинуть Витебск, остались в нём навсегда – на его восточной окраине расстрелянными в Иловском рву.

В Бешенковичах из их родственников не выжил никто. Их вместе с остальными евреями местечка в феврале 42-го расстреляли в посёлке Стрелка на берегу Двины. Спустя годы на деньги, собранные родственниками погибших, там установили памятник с надписью на идише и русском о том, что в этом месте в 42-м году от рук фашистских палачей погибло тысяча шестьдесят семь человек.

Про этот памятник ходила то ли легенда, то ли действительно, это была правда. В Бешенковичи его привезли из Ленинграда, где он был изготовлен, а здесь гранитный монолит весом в несколько тонн нужно было переправить на противоположный берег Западной Двины. За работу никто не брался. Тогда на берегу сделали настил из досок, под него положили деньги, а поверх досок – памятник. И уже на следующий день он каким-то образом был переправлен через реку.

На открытие памятника собралось много народа из Смоленска, Москвы, Ленинграда, Минска, Витебска. Был там, конечно же, и Файфель с обоими сыновьями.

Шёл май сорок седьмого года, и главной проблемой после приезда, конечно же, оказалось жильё. Вначале они остановились у Гольманов – своих дальних родственников, живших на Марковщине. В школу Лёня начал ходить ещё в Куйбышеве, там же закончил два класса, третий из-за отъезда не успел и последние несколько недель, оставшихся до конца учебного года, отучился в СШ №18 г. Витебска.

Вскоре им дали квартиру в двухэтажном доме на нынешнем проспекте Фрунзе, рядом с улицей Доватора. Этот дом и сегодня стоит, а в сорок седьмом от него оставалась только коробка, но в те годы ещё существовало пристроенное к нему со двора двухэтажное крыло, которое каким-то образом уцелело. На первом его этаже была слесарная мастерская, туда и заселили семью Шейнкиных, и там им пришлось жить, пока не восстановили дом и они не получили в нём квартиру.

Проспект Фрунзе в те годы был совершенно иным. Во-первых, по нему тогда, начиная от площади Свободы ходил трамвай. В начале проспекта с правой стороны стояли старые двух- и трёхэтажные дома, вдоль которых шёл дощатый тротуар, а через дорогу на площади ещё оставался собор, у стен которого тротуара не было вообще. И ширина проспекта в этом месте была настолько узкой, что машина с трамваем едва разъезжались.

Но самое главное – проспект Фрунзе, как и весь остальной центр города, был вымощен брусчаткой. И это для Лёни оказалось испытанием – в Куйбышеве он привык к асфальту, а здесь при ходьбе подгибались ноги.

Ближайшей к дому была школа №6. Она находилась в здании по улице Ленина у моста через Витьбу. Сразу после войны эта школа была белорусской, а белорусского языка Лёня не знал. Да и откуда он мог его знать? Весь четвёртый класс он проучился в школе №10, и лишь на следующий год, когда школу №6 сделали русской, он перешёл в неё и закончил в ней десять классов. Он помнит всех учителей, которые, по стечению обстоятельств, начиная с директора, за редким исключением, были евреями.

После школы хотелось продолжать учёбу. Уезжать из Витебска не было материальной возможности. Лёня выбрал мединститут и в шестидесятом году успешно его закончил.

Он хотел работать хирургом, но на тот момент места для хирурга не оказалось не только в Витебске, но и в области. Оставалась терапия. На комиссии по распределению попросился в Полоцкий район – в Полоцке после окончания военного училища служил его брат, и его направили в сельскую участковую больницу в деревне Сестрэнки.

Через год по линии военкомата Леонида послали учиться в Витебск на четырёхмесячные курсы по хирургии и после окончания перевели хирургом в Ветринскую центральную больницу Полоцкого района. Серьёзного опыта в работе у него не было, но ему в случае необходимости никогда не отказывали в помощи врачи из Полоцка. Они выезжали по первому же звонку, благо от Полоцка до Ветрино не так уж далеко – всего двадцать километров.

В это же время Леонид женился на своей однокласснице Нине Денисенко. Она была дочерью генерал-майора, командира сто третьей воздушно-десантной дивизии, Героя Советского Союза Михаила Денисенко. Её отец погиб в апреле 49-го во время учебных прыжков на старом витебском аэродроме. Лёня с Ниной тогда учились в пятом классе.

После женитьбы решили перебираться в Витебск. Это оказалось не так просто, но в конце концов всё благополучно разрешилось. Леонид около месяца проработал терапевтом в поликлинике фабрики «КИМ», ещё восемь месяцев – хирургом в тубдиспансере, а после того как в нём закрыли хирургическое отделение, перевёлся в поликлинику Ленина, которая располагалась тогда на улице Толстого в полуподвальном помещении.

Спустя какое-то время Леонид Павлович закончил в Ленинграде специальные курсы по детской хирургии и двадцать четыре года проработал заведующим хирургическим отделением в детской больнице, затем ещё двадцать лет – в двух детских поликлиниках и в 1999-м году ушёл на заслуженный отдых.

Его сын окончил с золотой медалью СШ №31 г. Витебска. Учился в Петербургском государственном университете, после окончания работал в Центральном картографическом производстве ВМФ России. Сейчас он заместитель генерального директора фирмы «Легион», в которой является также и соучредителем.

Семён ШОЙХЕТ

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...

Фелициант – фамилия редкая, лштинского происхождения и означает – счастье. Французское «фелесити», испанское «фелисида» или итальянское «феличита» – всё это переводится как счастье. Такую фамилию носит и наша героиня – Софья Натановна Фелициант. Ей уже много лет, и вполне возможно, что эта фамилия могла бы принести и ей в жизни и радость, и счастье, если бы в её судьбу не вмешалась война.

Софья Натановна Фелициант

Родилась Соня в Витебске в далёком двадцать девятом году. Её отца, при рождении назвали еврейским именем Носн, а в жизни звали Натан. Он был скрипачом и работал в театральном оркестре. Маму звали Элька, она, как и многие женщины того времени, была домохозяйкой. Вернее, какое-то время работала швейей, но на её плечах лежал дом – протопить печь, приготовить, постирать, прибрать, присмотреть за детьми. Всё это было её каждодневной и хлопотной заботой.

Детей в семье было трое. Кроме Сони – её старшая сестра Люба, двадцать первого

года рождения, и брат Сёма, двадцать четвёртого года. Сёма был одарённым ребёнком, и родители незадолго до войны отправили его учиться в Ленинград – там жили какие-то родственники.

В доме Фелициантов говорили на русском, также звучал идиш, но на нём разговаривали только Натан с Элькой. Дети языка не знали, они не понимали, о чём говорят родители, даже когда эти разговоры касались непосредственно их самих. Сами же они, как и их сверстники на улице, говорили на некой смеси русского с белорусским.

Когда началась война, Соне уже исполнилось двенадцать лет. Она и сегодня хорошо помнит их детские игры в те дни. Когда над двором, где они играли, с рёвом пролетали бомбардировщики, девчонки и, в особенности мальчишки – каждый раз пытались определить, чьи это самолёты – наши или немецкие.

Эвакуировалась их семья вместе с театром. Это был Второй государственный Белорусский театр, и его вывезли из города вместе с прочими госучреждениями и промышленными предприятиями. Никто тогда даже не мог предположить, что эта война продлится ещё долгих четыре года, все считали, что она закончится через три, максимум – четыре месяца, и при посадке в поезд людям советовали не брать с собой много лишних вещей, только самое необходимое. Вагоны с театральным оборудованием и служащими театра долго стояли на запасных путях, в первую очередь пропускали воинские эшелоны и составы, вывозившие станки и оборудование предприятий. Когда же их наконец отправили из Витебска, началось долгое, растянувшееся на несколько месяцев блуждание из города в город в поисках пристанища для театра. С эвакуацией предприятий всё было проще. Для них спешно строили новые цеха, а пока станки временно размещали в ангарах, сараях, даже под открытым небом, и на них сразу начинали выпускать необходимое фронту оружие и боеприпасы.

В сорок первом в театре острой необходимости не было, это позже появились агитбригады и выступления артистов перед бойцами на различных фронтах. Да и кроме этого была ещё одна немаловажная причина, чтобы обеспечить нормальную работу театра: в городе должно было быть соответствующее здание или приличный зал, но в тыловых городах всё было занято под предприятия, госпитали или учебные войсковые центры. Так они добрались до западного Казахстана, и там, на самой границе Европы с Азией, их в конце концов приютил город Уральск. Климат этих мест не баловал, сказывались близость с одной стороны холодной Сибири, с другой – жарких пустынь Средней Азии. Летом температура поднималась до тридцати пяти, а зимой падала до минус сорока. В школу Соня ходила в основном весной и осенью, зимой нечего было надеть, ведь из зимней одежды из дома они вообще ничего не взяли.

Брат умер от голода в Ленинграде во время блокады. Сестра вместе с подругой ушла на фронт. Отец умер в эвакуации, и его похоронили в Уральске.

После освобождения Витебска в сорок четвёртом, театр сразу же возвратился в родной город, вместе с ним вернулись и Соня с мамой. Узнать Витебск было невозможно, вместо улиц – сплошные развалины. Полностью разрушенным оказалось здание театра. Его разместили в уцелевшем Клубе металлистов, где он проработал вплоть до тысяча

девятьсот пятьдесят шестого года. После этого переехал в только что построенный на месте бывшего театра Дворец культуры промкооперации. Сегодня здание на площади Ленина принадлежит филармонии.

Дом специалистов мало пострадал, в нём поселили артистов театра. Отдельных квартир не давали – жили по несколько семей в одной квартире. Воды в доме не было, за ней приходилось спускаться к Витьбе. Сониная мать ещё в Уральске пошла работать в театр уборщицей. Им дали в Доме специалистов комнату в подвале. Там кроме них жило ещё пять семей, но тогда даже такое жильё считалось счастьем.

Всё их существование в те годы практически было на грани. Жили за счёт хлебных карточек и мизерной зарплаты матери. Из личных вещей не было даже предметов первой необходимости, что-то купить было негде, да и не за что. Спали на деревянной раме, выданной матери из реквизита театра.

В сорок пятом пришло письмо от Любы. Она демобилизовалась и возвращалась домой. Мать отправила дочку встретить сестру. Соня, конечно же, с радостью пошла встречать. Они встретились и обнялись на полупустом перроне развороченного войной вокзала.

Постепенно жизнь налаживалась, Соня пошла в школу. Школа была белорусской. Она училась хорошо. После седьмого класса Соня по совету сестры поступила в станкоинструментальный техникум, и успешно закончив, его распределилась: устроилась на Завод заточных станков технологом, где проработала до пенсии.

Всю жизнь она любила театр, знала всех витебских артистов и не пропускала ни одного спектакля. Билетёры пропускали её, не спрашивая билета, они хорошо помнили её отца и знали мать. Каждый раз, пройдя в зал, она устраивалась на любом свободном месте и молча погружалась в происходящее на сцене. В этом нет ничего удивительного. Всё, что когда-либо происходило в их семье, тем или иным образом было связано с театром.

Личная жизнь у неё была сложной. Замуж Софья Натановна вышла уже в приличном возрасте, но муж вскоре заболел и умер. Сестра замуж так и не вышла. Это была судьба многих женщин послевоенного поколения – их несостоявшиеся мужья остались лежать где-то на полях сражений.

От большой семьи практически никого не осталось. Родственники, жившие когда-то в Ленинграде, умерли во время блокады, а те, что жили в Витебске и не успели эвакуироваться, погибли в гетто. И, конечно, годы берут своё. Иных уж нет... Софья Натановна Фелициант живёт одна в Витебске. Ей уже исполнилось девяносто пять лет.

Семён ШОЙХЕТ

СЕМЬЯ НА ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ

Семья Волхонских была известной в Витебске сто лет назад. Впрочем, тогда в сравнительно небольшом городе многие знали друг друга.

Родители Веры Яковлевны Волхонской жили по улице 1-я Колхозная, тогда она называлась Тригубская. Отец Яков (среди своих его называли Макс) работал кассиром-инкассатором.

«Отец был остроумный, интересный, с ним было приятно разговаривать, его все любили, – вспоминает дочь. – Знакомые искали с ним встреч. Обычно встречались в клубе “Профинтерн”, это недалеко от нынешнего Дома кино по улице Ленина, угловое здание. На втором этаже была библиотека, а на третьем в шахматы играли. Я сидела в библиотеке, меня там знали, давали интересные книги, и мы вдвоём с папой ходили в этот клуб».

Яков Беркович (отчество фигурирует в справке Витебского райвоенкомата, направленной начальнику Центрального архива Вооружённых сил СНГ в 1992 году) Волхонский в первые дни войны, 4 июля 1941 года, ушёл на фронт. Рядовой Волхонский пропал без вести в одном из боёв, или, проще говоря, погиб в «кровавой мясорубке» лета 1941 года.

Его жена, мама Веры Яковлевны, Анна Ефимовна (девичья фамилия Розина) работала в оргмассовом отделе Витебского горисполкома. Жили Волхонские с родителями Анны Ефимовны – Иерухимом и Зельдой Розинами. Частично этот дом сохранился, хотя несколько раз перестраивался, менял хозяев, которые ни к Волхонским, ни к Розинам отношения не имели. В доме с того времени сохранилась печка. В ней евреи улицы Тригубской выпекали мацу. Делали это, как и было заведено в то время, подрядами – своеобразный бригадный метод.

Вера Волхонская с внуком и правнучкой

Об этом рассказала Вера Яковлевна. Ей 97 лет. Мы беседовали с ней вместе с патронажным работником Екатериной Осипенко. Она работает с Верой Яковлевной уже четвёртый год и во многом помогала нашей беседе.

«Все соседи собирались у нас дома, особенно на Пасху. Приносили муку. У нас была русская печка. Был человек, который выпекал мацу. Все рассказывали разные анекдоты, майсы. Это были очень интересные дни. Пеклась маца с утра до вечера. И люди потом в простынях уносили уже готовую выпечку. У кого три килограмма, у кого – пять».

«Она часто рассказывала мне про этот дом. Хотела туда попасть, – говорит Екатерина Осипенко. – Он напротив витебского Хэсэда стоит. Долго я не могла достучаться, потом женщина мне открыла. Она приехала из Казахстана. Я попросила, чтобы нас пустили. Женщина вначале испугалась. “Что вы хотите?” Я рассказала. Нас пустили. Осталась печка, в которой пекли мацу. И комнату свою Вера Яковлевна узнала».

«Всё моё детство прошло на этой улице, – рассказывает Вера Яковлевна. – Обычно мальчики и девочки играли в волейбол, натягивали сетку, а я сидела и читала, не играла ни в какие подвижные игры».

В семье Волхонских выросли известный художник Афроим Волхонский и московский театральный артист Александр (Семён) Волхонский. Одну букву в фамилии он изменил. Они были родные братья отца Веры Яковлевны – Якова (Макса) Волхонского.

«Дедушку по отцу звали Борис (Берка) Волхонский. В семье про него говорили “раввин”», – рассказала Вера Яковлевна.

Судя по семейной фотографии, благообразный пожилой мужчина с окладистой седой бородой напоминает «классический» образ раввина. Но в архивных документах раввина с фамилией Волхонский в конце XIX – начале XX века в Витебске найти не смогли. Скорее всего, он имел отношение к синагоге не только как прихожанин, был заметной личностью, например, меламедом (учителем) в хедере или ешиве. Возможно, преподавал в Талмуд-Торе, и дома его уважительно называли «раввин».

«Раввин» Волхонский жил недалеко от Розиных, – продолжает рассказ Вера Яковлевна. – В районе нынешнего Смоленского рынка (улица Пологая, 12/19, ныне 2-я Краснобригадная). Иногда они приходили в гости, но чаще мы ходили в гости к Волхонским».

Мамин отец Иерухим был извозчиком, у него была лошадь, бричка, и он занимался извозом. Его нанимали, и он ехал по заказу».

Вере Яковлевне к началу войны было 14 лет.

– Скажите, как Вы узнали о войне, как попали в эвакуацию? – спросил я.

– Был выходной день, и вдруг из всех репродукторов, такие были радиоточки-тарелки в домах, объявили, что ночью напали немцы, хотя был мирный договор заключён, и началась война.

Спустя несколько дней, уже перед рассветом, я лежала на кровати и увидела, как летит самолёт на бреющем полёте, низко над домами. Песковатики, где мы жили, не был военным объектом, его не бомбили.

Всех мужчин взяли в армию, в том числе и моего отца. Мы остались с мамой. Люди понимали, что надо уходить. Остаться в Витебске нельзя. Евреев будут убивать. Друг моих родителей Ароник Самуил Маркович был начальником печатного цеха Витебской типографии. Им для эвакуации дали два вагона. Уже последний эшелон уходил. В одном вагоне было оборудование типографское, а в другом – работники, их родители. Самуил Маркович привёл нас к этим вагонам, а там уже было битком, и нас с мамой не хотели пускать. Кое-как мы пробились. Поехали. В углу вагона стояло ведро помойное. И в это ведро все отправлялись. Поезд не останавливался на каждой станции. Спать ложились на полу, и помещалось там всего восемь человек в полный рост. Засекали время, по очереди спали, четыре или пять часов должны были спать, потом должны были освободить место.

Привезли в город Бугуруслан. Отсюда началась наша жизнь в тылу страны. Нас распределили по колхозам. Население в основном мордва, чуваша и татары. Дали нам машину грузовую. Повезли с нашего вагона в колхоз всех, у кого не было родных в Бугуруслане. На сельском Совете висело объявление: собраться, чтобы взяли на квартиру».

«Настороженно к вам относились?» – спросила Екатерина Осипенко.

«Очень настороженно, – ответила Вера Яковлевна. – Нас к себе взял председатель сельского Совета. Он выбрал самую малочисленную семью, меня с мамой. Стали работать на полях колхоза имени Ворошилова. Жили в селе Ворошилово. Большое село. Наверное, 200 домов. В 35 километрах от Бугуруслана. Я работала, и мама работала. Была жатва. Приходили пустые грузовые машины, насыпали полный кузов зерна и увозили.

Моя мама заболела, стала кашлять, ей плохо было. На одной из машин её отправили в Бугуруслан в больницу. Там поставили нехороший диагноз – туберкулёз. Оказывается, болел туберкулёзом председатель сельского Совета. И мама заразилась от него. Я осталась одна в этом колхозе. Мы не умели вязать снопы, у нас получалась некачественная работа. Никому не было до этого дела. Нам давали по 30 соток земли, надо было вязать снопы. Давали по шесть килограммов муки на семью эвакуированных. Из этой муки в русской печи нас хозяйка научила печь хлеб. И я стала этим заниматься. Человек быстро становится самостоятельным, когда заставляют обстоятельства.

Прошло время. Мама в Бугуруслане. Я стала думать, что мне делать дальше. В Витебске я закончила шесть классов школы, в эвакуации – седьмой, выпускной класс. Пошла к маме в Бугуруслан. Пешком 35 километров. Пришла в туберкулёзную больницу. Санитарка

стала кричать: “Розина, к Вам дочка приехала из Ворошилово”. Я пошла к маме обниматься. Она говорит: “Я заразная, у меня открытый туберкулёз”.

Потом у неё кроме лёгочного туберкулёза обнаружили костный туберкулёз. Специалистов по этому заболеванию там не было. Решили маму отправить в Куйбышев.

Мама пошла в райком, до войны всё же работала ответственным работником, мне дали бесплатный билет, чтобы я прибыла в Куйбышев.

Приехала. Жить негде. Меня взяла одна женщина, эвакуированная из Витебска, поселила на веранде. Я получала 400 грамм хлеба. Всё время думала, что делать дальше. Как жить?

Решила, пойду учиться на агронома или другого специалиста сельского хозяйства и голодать не буду.

Поступила на аграрное отделение индустриального техникума. Над нашей группой шефствовала воинская часть. Они начали с того, что стали объяснять устройство парашюта: как кольца вытаскивать, как садиться, как прыгать, чтобы не относил ветром в сторону, в лес. Словом, целая наука, как нас готовили к прыжкам. Двадцать четыре человека помещалось в самолёт. Ждали, чтобы погода была хорошая, ветер определённый. Первый раз я не боялась, прыгнула, и всё прошло правильно, а второй раз я не могла выпрыгнуть и меня вытолкнули из самолёта. Но я приземлилась по всем правилам и самостоятельно сложила парашют.

Мама Веры Яковлевны лежала в Куйбышевской больнице довольно долго. Когда освободили Витебск она отправила документы и просьбу разрешить возвращение домой. Вскоре пришёл вызов.

«Когда мы приехали в Витебск, это был ужас, – сказала Вера Яковлевна и впервые за весь разговор заплакала. Вероятно, эти воспоминания были для неё очень тяжёлыми. А спустя паузу продолжила: – Надо было жить где-то. Маму с поезда забрали в туберкулёзную больницу. Она мне сказала: “Иди в гороно, тебя возьмут работать в детский дом”.

Было сорок детских домов в Витебской области. Самый близкий к Витебску – Великолетчанский. Я приехала, пришла к этому зданию, бывшая усадьба помещика. На скамейке сидел парень.

“Здрасьте”, – говорю. “Здрасьте”, – он мне отвечает. “Меня сюда прислали на работу”. Он засмеялся: “Кем?”

Мне было неполных восемнадцать лет. Он говорит: “Сейчас приедут ребята, увидите”. Мы с ним сидели, говорили. Он позвал завхоза, занесли алюминиевую кровать, поставили между двумя комнатами. Дали мешок, который я должна была набить соломой, подушку – сеном, я сделала себе матрац и села возле кровати.

Назавтра говорю: “Я их боюсь, боюсь с ними оставаться”. Он говорит: “Ты не волнуйся. Я сделаю так, что они тебя полюбят”.

У него были ботинки разного цвета. Его старшая сестра собрала деньги, чтобы купить обувь. Он вместо обуви, купил гармошку и стал первым гармонистом в селе. Раз в неделю были танцы. Они под гармошку танцевали. Потом мы стали с ним встречаться. Долго гуляли. Я осталась там работать».

«Они с воспитанниками ходили в лес кушать малину, – рассказывает Екатерина Осипенко. – Она не ела малину, в лопух собирала. Кто-то из детей спросил: “Почему вы не едите малину?” Вера Яковлевна стала рассказывать, что у неё мама лежит в боль-

нице, и она хочет ей собрать. Тогда дети насобирали ей ведро малины и отправили в Витебск с этой малиной в больницу. Попутные машины не хотели останавливаться, они перегородили дорогу, кого-то остановили, посадили её в кабину».

После того случая Вера Яковлевна полюбила детдомовских ребят. Она осталась работать воспитателем в этом интернате. Молодой человек, который её встречал на скамейке, когда она приехала, ухаживал за ней. Они встречались, и потом она за него вышла замуж и осталась жить в этой деревне. Родился ребёнок.

«После Великолетчанского детского дома работала в облоно, – вспоминает Вера Яковлевна. – Но не могла сидеть и переписывать бумаги: кто прибыл, кто убыл. Решила перейти на другую работу, с детьми. После облоно попала в Лужеснянский интернат». Вера Яковлевна работала воспитателем, заместителем директора по воспитательной работе. Она сумела найти контакт с воспитанниками интерната. Ребята там с непростыми судьбами, со сложными характерами. Коллеги прислушивались к её словам, уважали Веру Яковлевну.

Около 40 лет она отработала в Лужеснянском интернате.

Вере Яковлевне 97 лет. У неё двое детей, двое внуков, трое правнуков. Большая семья живёт в Беларуси, Израиле, Германии, России.

Давайте все вместе пожелаем им крепкого здоровья и – до 120!

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Мы в гостях у Раисы Михайловны Бейзман. Её мама ничего не рассказывала ей о переписке с отцом. Хотя жила вместе с дочкой 30 лет. После смерти мамы дочь нашла эти письма. Это живая память войны.

Бейзман Раиса Михайловна

Стопки бумаг, разложенных по годам, – повод для нашей встречи, повод для того, чтобы рассказать трогательную историю.

Мама Раисы Михайловны, Фрида Исааковна Баркан, до войны работала в Ушачском райкоме партии в общем отделе. Жила в Ушачах.

На девятом месяце беременности она эвакуировалась из Ушачей в товарняке. На условия, в которых ехали на восток, никто внимания не обращал, лишь бы уехать, спастись. Рассказывали страшные вещи о том,

что делают фашисты на оккупированных территориях, говорили, что все евреи обречены на смерть. В Ушачах были беженцы из Польши, так что информация была из первых уст, несмотря на то, что говорили «по секрету», боясь обвинений в паникёрстве.

С горем пополам Фрида Исааковна добралась до Омской области. Определили её в село Ольгино. Там, в Сибири, 27 августа 1941 года родилась Раиса Михайловна.

Раиса Михайловна рассказывает нам то, что слышала от своей мамы: «Было очень трудно. Тогда не давали никакого пособия. Поселили нас куда-то в землянку. “В земляной домик”, как писал папа».

Фрида Исааковна Баркан в эвакуации работала в райсоюзе. Потом опять в райкоме партии.

Она 50 лет являлась членом Коммунистической партии Советского Союза.

Отец Раисы Михайловны, Михаил Абрамович Эпштейн, работал в Ушачах старшим агрономом, получив сельскохозяйственное образование. Ему пришлось повоевать. Сначала на финской войне. Потом была короткая передышка, и началась Великая Отечественная.

На третий день войны 24 июня 1941 года, его призвали в действующую армию.

Фрида Исааковна бережно хранила письма мужа. Их много. С пожелавших от времени листов с выцветшими чернилами проступает «живая» история. Меня тронули многие письма. Столько в них заботы, любви и доброты. Михаил Абрамович, находясь на фронте, заботился о своей жене, семье. Его интересовало всё, вплоть до мелочей. Это одно из первых писем, написано 1 января 1942 года:

«Здравствуйте, дорогие! Ваше письмо получил. За что весьма благодарен. Фридка, не можешь представить, насколько я доволен твоим письмом, ибо до сих пор я вообще был не уверен, что мои письма доходят до вас. А так-то меня весьма интересовала судьба денег, которые я выслал. Сейчас я убеждён, что доходят. И буду высылать чаще. Фридка, буду просить, чтобы очередное письмо было более подробное. После этого письма осталось много неясного из вашей жизни, а именно – оказывает ли вам теперь помощь военкомат, и какое получаешь ты пособие? Как живёт семья? Сколько денег ты получила от меня?»

Я посылал два раза. Первый раз 800 рублей. Второй раз 700 рублей. До сих пор не знаю, получила ли ты посылку, которую я выслал осенью из Ангарска».

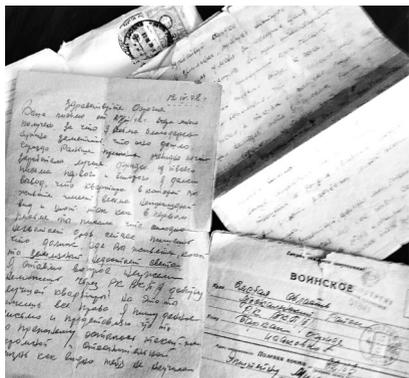
Это письмо написано из Ангарска, где, вероятно, дивизия находилась на переформировании.

«Когда ты просила сапоги, Фридка, мною был выслан денежный аттестат. Ты обратилась в военкомат, где можно получать 600 рублей ежемесячно?»

Несмотря на тысячи километров, разделявших мужа и жену, несмотря на войну, где никто не знал, что с ним будет завтра, читаешь письма, и такое ощущение, что Фрида Исааковна и Михаил Абрамович всё время находились рядом.

Он был несколько раз ранен, лежал в госпиталях и в Саратовской, и в Омской областях. Очень хотел увидеть дочку, писал об этом в каждом письме. И однажды Фрида Исааковна решила с дочкой навестить мужа в госпитале.

Рассказывает Раиса Михайловна: «Мне было 3 года. Мама вспоминала, как повезла меня к отцу. Я в поезде заболела. Температура 40 градусов, пришлось вернуться. Так папа меня и не увидел. Мою детскую фотокарточку мама послала мужу, но она вернулась обратно. Потому что 14 июня 1944 года мой отец погиб».

Письма Михаила Эпштейна

Поддержка, любовь жены помогла мужу в годы войны. Но спасти от вражеской пули не смогла. Михаил Абрамович Эпштейн погиб во время боёв в Выборском районе Ленинградской области.

«Мы с мамой ездили четыре раза на могилу отца на станции Рощино Выборгского района в Ленинградской области, – рассказывает Раиса Михайловна Бейзман. – Сначала там был обелиск. Потом сделали мемориал. Прошло время, моя дочка в интернете нашла сведения про своего дедушку Эпштейна Михаила

Абрамовича. Он награждён орденом Красной Звезды».

На мемориале в списке погибших вкралась неточность. Написана фамилия Энштейн (с буквой Н), а у папы – Эпштейн (с буквой П). Я написала в военкомат. Мне прислал ответ военный комиссариат города Выборг и Выборгского района Министерства обороны Российской Федерации:

“На Ваше обращение, в котором Вы просите оказать содействие в исправлении фамилии на мемориале боевого захоронении № 8, сообщая, что ошибка в фамилии капитана, зам. командира дивизии 1325 лётного артиллерийского полка 5ГВ АД Эпштейна Михаила Абрамовича, 1912 года рождения, погибшего 14 июня 1944 года, в списках увековеченных исправлена, а на плитах будет исправлена к концу мая 2020 года”.

Последнее письмо Михаила Эпштейна с фронта мне так запомнилось, прямо легло в душу. Оно было написано 31 мая 1944 года.

*Здравствуй, дальняя моя родная,
Дорогая мне, как жизнь сама.
Кланяюсь тебе и обнимаю
В первых строчках этого письма.*

*Знаю, ты давно не получала
Долгожданного письма, жена.
Знаю, ты томилась и страдала,
Горькою разлукою полна.*

*Но не надо, нет, не надо плакать.
Знай, что если долго не пишу,
Это значит, я иду на Запад,
Это значит, я к тебе спешу.*

*С каждой новой пройденной верстой,
С каждым взятым нами городком
Ближе миг свидания с тобой,
Ближе мир и наш любимый дом.
И одной мечтой горят солдаты:
Поскорей захватчиков изгнать.
Дорогая, я иду на Запад,
Ты прости, мне некогда писать.
Если вновь письма не будет долго,
Не отчаивайся, не скучай.
А родным, друзьям и всем знакомым
«Он идёт на Запад», отвечай.
Если даже долго, долго очень
Почтальон не явится с письмом,
Всё равно одна бессонной ночью
Думай обо мне, как о живом.
Если дочка спросит: «Где он, папа?»,
То ты ей, прижав к груди, скажи:
«Дочка, дочка, он ушёл на Запад
Защищать родные рубежи».
Дорогая, мы с тобой в разлуке
Больше тысячи ночей и дней,
Но друг другу в дни тоски и муки
Только стали ближе и верней.*

Это стихотворение часто переписывали бойцы в письмах своим жёнам и подругам. Автора я не сумел определить. В интернете указываются разные поэты. Мне так хотелось, чтобы нашёлся композитор, который сочинит мелодию. Совершенно искренняя и нежная песня – то, чего сейчас так не хватает.

До 1947 года Фрида Исааковна с дочкой жили в Сибири. Возвращаться было некуда. В Ушачах дом сгорел. Родители Фриды Исааковны и Михаила Абрамовича, не сумевшие эвакуироваться, погибли. Фашисты их замучили и закопали. Раисе Михайловне уже было шесть лет, и многое из того времени она помнит:

«Мы поехали в Гвардейск Калининградской области к маминной сестре. Её муж знал моего отца, он тоже учился на агронома. Уже от туда все решили перебираться в Витебскую область. Направились в Сенно. Городок был сильно разрушен во время войны.

Тётя устроилась работать врачом, её муж – агрономом.

Все вместе мы жили на частной квартире. Потом мама нашла другое жильё. Печное отопление. Без мужских рук нам было тяжело.

Затем тётя с мужем переехали на новое место, мы с мамой – тоже. Тогда жили по хлебным карточкам. Сытно никто не ел.

Мама устроилась в райпотребсоюз. Сначала секретарём-машинисткой. У хозяйки, у которой мы жили, была корова. Всё осталось у неё в годы войны: и корова, и жильё. Правда, немцы во время войны занимали этот дом. Мы покупали у хозяйки кое-что.

С одеждой были проблемы. Но тогда они у всех были. Мама сносит своё, эти тряпки мне перешивались. Так я одевалась.

Училась в школе. Школа была деревянная. Видела, как тяжело было маме, и рано поняла, что рассчитывать надо на себя. Я старалась, училась хорошо.

Через десять лет в Сенно построили новую школу. Сразу после окончания школы в 1958 году я поступила в Полоцкий техникум учиться на товароведа.

Мама одна так и осталась. Она очень любила моего отца. Был такой хороший, порядочный человек. Войны только не дали им вместе жить. То финская, то Отечественная война.

Мама работала всю жизнь и товароведом, и инспектором по кадрам. Я, можно сказать, унаследовала её профессию товароведа.

Меня, когда я закончила Минский институт народного хозяйства, прислали на работу в Витебский облпотребсоюз.

Работала экономистом по планированию товарных ресурсов, потом товароведом. Были частые командировки. В каждом районе области была по несколько раз.

В Москве мы закупали товары, там были все поставщики. В Минск часто приходилось ездить. Товаров не хватало, дефицитное было всё. Но мне всё же было легче, работала в торговле.

Дочка окончила школу в Витебске. Хорошо училась. Поступила в Витебский пединститут. Работает учителем физики и математики. Когда закончила, тут же вышла замуж за парня, с которым познакомилась в институте. Внук и внучка подрастают.

Как написал папа в одном из писем: “Такая нам досталась доля”.

День Победы – это радость со слезами на глазах. Радость от того, что закончилась война и наши муки. Голод, холод, скитания по квартирам. Надо приложить все силы, чтобы мы сохранили эту жизнь. Надо беречь Родину, беречь страну. И беречь самих себя».

Против нас воевали из ненависти. Но, мне кажется, мы победили потому, что были такие люди, которым надо было, несмотря ни на что, сберечь своих близких. Это и есть продолжение жизни.

Леонид ШУР

ХРАНИТЕЛЬ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

Майя Марковна Алескер была младшей из многочисленного, богатого на детей, семейства Алескеров и Козлянских. Она родилась в 1941 году в Витебске.

«Год страшный для всех, но зато день моего рождения – 9 мая. Правда, тогда ещё никто не знал, что этот день станет особенным для мира», – говорит Майя Марковна.

Мама Майи Марковны – Рахиль Хаимовна Козлянская – родилась в Витебске в 1909 году, здесь же окончила Еврейский педагогический техникум. Судя по датам, это был последний выпуск техникума, перед самым его закрытием. Потом работала в отделе земельного хозяйства, и перед самой войной, непродолжительное время, – в Октябрьском райкоме партии Витебска.

Рахиль Хаимовна была из многодетной семьи, где все с раннего детства привыкли к труду. У Песи Рахмилевны Козлянской – бабушки Майи Марковны – было девять детей. Двое умерли ещё маленькими, а вот семерых с мужем поставила на ноги.

«Бабушка была с 1879 года рождения, а дедушка – с 1870, – рассказывает Майя Марковна. – Дед Хаим Иоселевич не блистал грамотностью, но его называли “безграмотный инженер”. Работал на стройках. Хорошо разбирался в чертежах. Участвовал в строительстве таких зданий, как Витебская ветеринарная академия, штукатурил Ратушу. Когда строительной работы не было, а большую семью надо было кормить, дед был извозчиком. У бабушки хватало работы по дому. Мы жили до войны на Песковатиках. Был свой дом, и там я росла первые месяцы своей жизни».

Те, кому удалось эвакуироваться из Витебска на восток в первые недели войны, – были счастливыми, несмотря на все тягости и невзгоды, которые выпали на их долю и по дороге на восток, и на новом месте. Те, кто остались в Витебске, – лежат в расстрельных ямах в Туловском рву, и на Улановичской горе, в пойме реки Витьба...

В Витебске остались бабушка и дедушка Майи Марковны по отцовской линии – Алескеры. Бабушка Хая-Сора погибла в гетто, дедушка Мендель не захотел отдавать немцам или полицаям корову, и они, недолго думая, застрелили его.

Отец Мордух Менделевич до войны работал на фабрике «КИМ» в бухгалтерии. Там же работал его старший брат. В 1941 году отцу было тридцать лет. Его и брата мобилизовали в первые же дни войны.

Семья Алескеров-Козлянских. Фото 1930-х годов

Рахиль Хаимовна не получила от мужа ни одного письма. Она посылала многочисленные запросы. Но ответ был один – «пропал без вести». Вероятно, погиб в мясорубке первых месяцев войны, когда повсюду были хаос и паника. Брат Мордуха прошёл всю войну и вернулся домой.

Алескеры, как и Козлянские, – многодетные семьи. Всё сестры и братья Мордуха пережили войну.

«Как мы сумели эвакуироваться с такой большой семьёй? – повторила мой вопрос Майя Марковна. – Мамин старший брат Козлянский Рахмиэль Хаимович до войны работал на швейной фабрике “Знамя индустриализации” начальником цеха. И когда эвакуировали фабричное оборудование, он способствовал, чтобы всех нас забрали. До города Мензелинска в Татарии добрались бабушка и дедушка, мама с двумя детьми, жена Рахмиэля с двумя детьми, сестра мамы с двумя детьми. А сам Рахмиэль Козлянский не успел уехать из Витебска. Пока эвакуировал оборудование, немцы занял город, и он погиб в Витебске.

Дедушка умер в 1943 году, и в Татарии похоронен. Мама с первых дней пошла работать. Грамотные люди были нужны, и её поставили инспектором отдела социального обеспечения, а потом – начальником отдела. Местное население помогало чем могло. В 1944 году, как только освободили Витебск, маму вызвали на работу в райком партии. И в сентябре 1944 года мы всей большой семьёй вернулись в Витебск. От нашего дома следа не осталось. Мамин брат Козлянский Гиль Хаимович в годы войны воевал в Смоленском партизанском соединении. После освобождения Витебска вернулся домой и стал работать начальником гаража в обкоме партии. С его помощью нас поселили сначала в какую-то временку, потом мы всей семьёй стали жить в бывшей немецкой конюшне.

Мама пошла работать, брат – в школу. Мы с братом получали пенсию за погибшего отца – 240 рублей. Когда брат окончил школу, на меня одну пенсия была 200 рублей. Выходит, что на брата платили всего 40 рублей».

Сегодня такие подсчёты воспринимаются с грустной, но всё же улыбкой, а в те годы от каждого рубля зависело, будут дети голодными или нет, будут одетыми, обутыми.

«Мы не голодали, – вспоминает Майя Марковна. – Покупали на зиму картошку, капусту квасили. Во дворе дома был небольшой участок, там что-то сажали. В 1948 году мама на один месяц осталась без работы. Её после райкома партии отправляли на работу в торговлю, она не хотела этим заниматься. Мы, конечно, безработицу сразу почувствовали, перебивались как могли. У бабушки была пенсия за потерю мужа 160 рублей. Помогли мамыны братья. Потом мама стала работать в горпромторге инспектором отдела кадров, а после – завмагом в комиссионном магазине. Там отработала до пенсии.

Козлянские были заметными людьми. Получившие по тем временам неплохое образование, инициативные (наверное, передались по наследству), честные (так воспитывали дома), они достигли немало в жизни.

Старший – Иосиф Хаимович – до войны жил и работал в Белостоке, всю войну прошёл в интендантской роте. После службы вернулся в Витебск и работал начальником швейной артели «Вперёд».

Следом в семье шёл Гиль Хаимович. До войны работал в Витебском обкоме партии. В июне 1941 года, когда немцы наступали на город, посадил жену и детей на баржу и отправил по Западной Двине в район Суража. Баржу немцы разбомбили, и вся семья погибла.

По заданию партийного руководства Гиль Хаимович остался на оккупированной территории для организации партизанского движения. В партизанском отряде он, судя по документам, уже с 6 июля 1941 года. Тогда ещё немцы не оккупировали Витебск, а тем более Смоленскую область, где действовал потом отряд. Гиль Козлянский организовывал базу для отряда. Во время боевых действий был политруком. Награждён медалью «Партизан Великой Отечественной войны» 2-й степени и орденом Отечественной войны 2-й степени. После освобождения работал снова в Витебском обкоме партии, потом – начальником нефтебазы, заместителем директора завода железобетонных изделий. Умер в 1981 году.

Давид Хаимович Козлянский окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Когда началась война, его призвали в армию. Служил в железнодорожных войсках, оборонял Ленинград. Во второй половине августа 1941 года попал в окружение. В книге «Магистралы бесстрашных» (Чивилёв, Ефимов,

Матросов, Синельников, Лениздат, 1971 г., с. 39) написано: «Более двух недель бойцы и командиры-восовцы выходили из окружения, пробиваясь сквозь вражеские тылы. Удалось выйти лишь капитану Трещиллову, старшему лейтенанту Громову, младшим лейтенантам Козлянскому и Эйдельману, четырём красноармейцам...»

Давид Хаимович принимал участие в прокладке «Дороги жизни», по которой через Ладожское озеро в блокадный Ленинград поступали продукты. Был награждён орденом Красной Звезды, другими правительственными наградами. Дослужился до подполковника. В мирное время преподавал в военном училище, занимался переподготовкой офицерского состава. Прямо на работе сдало сердце.

Младший – Файвиш – родился в 1915 году. Года рождения, вероятно, соответствуют истине, а даты писались произвольно. Дней рождения раньше не отмечали, да и не очень помнили в семье, как это ни странно, когда кто родился. Как-то пошёл Хаим Иоселевич регистрировать детей. Собрал дома все документы, которые были. Но дата в них не была записана. У него спросили: «Когда родилась Рахиль?» Он ответил: «Пишите в декабре 1909 года». «Когда родился Гиля?». – Недолго думая, сказал: «Пишите в мае 1910 года». Так и записали. Получается, что Гиля родился недоношенный – пятимесячный, а такие не живут.

Все братья Козлянские учились в хедере. Дома рассказывали такую историю. Однажды младшие, Давид и Файвиш, пошли кататься на коньках. Их увидел раввин и сделал отцу мальчиков замечание, сказал, что детям нельзя кататься на коньках. Поскольку таких запретов в иудаизме не существует, думаю, что дети катались на коньках в субботу или какой-то другой праздник. Во всяком случае дома Хаим Иоселевич строго-настрого наказал детям не кататься на коньках. Файвиш его послушал, а Давид тайком продолжал кататься.

Файвиш, как и Давид, учился в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. Учился на год младше брата. До войны получил высшее образование и уехал работать по распределению в Ярославль. Файвиш Хаимович Козлянский в конце 40-х годов был депутатом Сталинского районного Совета депутатов трудящихся г. Ярославля. Сохранилась предвыборная листовка, призывающая голосовать за кандидата Сталинского блока коммунистов и беспартийных Файвиша Хаимовича Козлянского. Там приводится биография кандидата:

«В 1931 году по окончании семилетней школы в Витебске поступил работать в строительный отдел чулочно-трикотажной фабрики в должности десятника. В 1934 году после окончания вечернего рабфака в г. Витебске поступает учиться в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. По окончании института

работает на строительстве в должности прораба, инженера и начальника производственно-технического отдела г. Ярославля. С 1941 года работает начальником производственно-технического отдела, а с 1945 года – директором предприятия. Член ВКП (б) с 1943 года».

С именем Файвиша Хаймовича, в Ярославле его звали на русский манер Фёдор Ефимович, связано строительство моста-дублёра через Волгу. И сегодня эта тема вызывает интерес у историков: «Зачем строился мост, считавшийся важнейшим и секретным стратегическим объектом, мост, который сыграл огромную роль, но не был использован в деле?»

Начальником производственно-технического отдела строительства и главным конструктором моста был назначен молодой инженер Фёдор Козлянский. В случае если бы действующий железнодорожный мост через Волгу был разрушен, а гитлеровцы не раз пытались это сделать, мост-дублёр принял бы на себя весь поток грузов. Ближайший мост через Волгу был за сотни километров. Сооружение было почти полностью деревянным, из цельных балок и брёвен, только верх клёпаный. Внешне и по габаритам деревянный мост был очень похож на своего железнодорожного собрата, он не просто соединял два берега и мог выдержать тяжёлый состав с вагонами, но и был достаточно высоким, чтобы под ним могли проходить речные суда. По другой версии, мост-дублёр отвлекал противника от основного моста. Оставался резервным сооружением всю войну и был разобран в 1947 – 1948 годах.

За участие в проектировании и строительстве моста-дублёра и выполнение других ответственных заданий Ф.Х. Козлянский был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

После войны завод № 50, директором которого на протяжении двадцати лет был Козлянский, поставлял металлоконструкции и оборудование для метромоста в Москве, аэропорта Домодедово, новых мостов через Волгу, Обь, Енисей, Иртыш, Амур. Подробности о работе этого «почтового ящика» в городе знал узкий круг людей, завод около станции Филино жил своей замкнутой жизнью.

Чтобы понять, каким человеком был Козлянский, приведу цитату из статьи «Когда мост через Волгу был деревянным», опубликованной в ярославской газете «Северный край» 10 февраля 2001 года: «Жил-был директор завода. Пришло время, и дали директору квартиру в новом доме – три комнаты. Перевезли вещи, жена радуется, а директор пришёл вечером после работы, сел на кухне и голову повесил. Жена и так и сяк, а он о своём думает – сразу видно, плохо человеку.

Уступая её расспросам, в конце концов, признался: не будет им счастья на новом месте. Как они станут жить втроём – он, она и сын – в трёх комнатах, когда столько семей ещё по баракам ютятся?!

Наутро, когда электрики пришли проверять проводку, директорская квартира оказалась пуста. Мастера отправились в поиски по наполовину заселённому дому и, к своему изумлению, обнаружили директорскую супругу, разбиравшую вещи в ближайшей “двушке”. Так и прожили Козлянские в этой двухкомнатной “хрущёвке” всю жизнь.

Фёдор Ефимович проработал директором завода двадцать лет. На машину так и не накопил. Когда вышел на пенсию, насчитали ему 110 рублей – жить можно, хотя, когда прихватило со здоровьем, на лекарство уже не хватало. Нынешним да и многим прошлым руководителям всё это покажется сказкой...»

Несколько слов о жене и сыне. Надо иметь особый склад характера, чтобы жить вместе с таким директором. Жена Эсфирь Лазаревна и сын Михаил Фёдорович Козлянский. Сын пошёл по стопам отца, работал главным инженером по реконструкции железнодорожного вокзала Ярославль – Главный.

На доме, где в скромной «двушке» жил директор завода, установлена мемориальная доска в его честь.

Разъехались по стране братья Козлянские, но старались каждый год во время отпуска приехать в Витебск к маме. Крепкая и дружная была семья. Присылали маме письма, фотографии. Майя Марковна жила с бабушкой, и сейчас семейный архив оказался у неё.

– Как сложилась судьба Вашего брата и Ваша судьба? – поинтересовался я.

– Мой брат с 1937 года. После школы поступил учиться в военное училище в Ленинграде. Служил. В начале 60-х годов, во время сокращения армии, был демобилизован. Вернулся в Витебск. Надо было начинать всё сначала. Пошёл учиться в техникум, потом окончил политехнический институт. Человек способный и работающий, нашёл своё место в жизни. Работал конструктором на заводах, в проектно бюро.

Я после пяти лет работы нянечкой медрегистратором, всё же поступила в медицинский институт, несмотря на все препоны. После его окончания работала участковым врачом в Минской области, в Витебском районе.

Члены большой-большой семьи Алескеров-Козлянских сейчас живут по всему миру, в Витебске осталась Майя Марковна – хранитель семейной памяти.

Аркадий ШУЛЬМАН

ПОДАЛЬШЕ ОТ ЛЮДСКИХ ГЛАЗ

Более двух страшных лет немецкой оккупации, с августа сорок первого по декабрь сорок третьего, женщина с маленькими детьми пряталась по лесам, ходила от деревни к деревне, нигде подолгу не задерживались, подальше от дома, где соседи или знакомые могли бы опознать её детей как детей еврея.

Тамара Семёновна Максимова

Люба Юдова, так звали женщину, была родом из Сибири. В тридцать восьмом её семья – родители, две сестры и двое младших братьев – переехали в Белоруссию. В Шумилино она встретила мужа Семёна Долгопольского, и здесь же у них родилась дочь Тамара, о которой в дальнейшем и пойдёт речь. Через два года они переехали в Городок, где жили родственники Семёна, а вскоре Люба родила сына Витю.

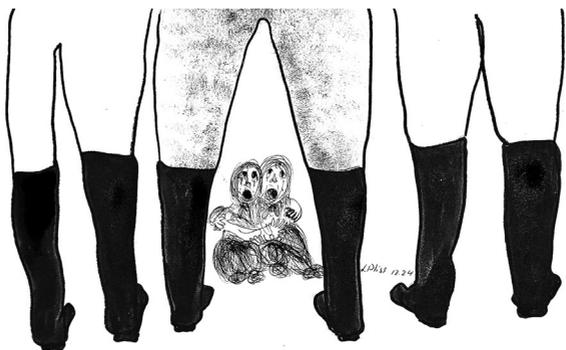
Тамаре Семёновне Максимовой, в детстве Долгопольской, которая рассказала эту историю, в сорок первом было два года, её воспоминания в большей степени со слов матери – отец не любил вспоминать прошлое. С первых дней войны он ушёл добровольцем на фронт. В конце июля под Смоленском их часть попала в окружение. Семён в том бою остался цел, а после вынужден был пробираться в Городок. Другого пути у него не было. Какое-то время скрывался в семье жены, но долго это продолжаться не могло, его выдали, и в их дом заявились полиция с собакой. Маленькой Тамаре запомнился этот момент – она ужасно испугалась собаки, которая казалась ей огромной.

К счастью, поиски ни к чему не привели, а чуть позже младший брат матери, которому ещё не было пятнадцати, переправил Семёна на остров на Луговом озере и периодически доставлял туда продукты. Вскоре Семёна связали с партизанами, он ушёл в отряд, а после освобождения Городка, в сорок третьем, снова оказался на фронте.

Обеих Любиных сестёр угнали в Германию, саму её, после прихода в их дом немцев, в покое тоже не оставили. Поспособствовал этому со-

сед-полицай, который выдал немцам Семёна. Её вместе с детьми вызвали в комендатуру и предъявили обвинение, что её дети от еврея. Люба категорически отрицала, даже заявила, что нагуляла их втайне от мужа от какого-то русского. Тогда немецкий офицер приказал им через переводчика снять платки. Вите было несколько месяцев, по нему что-то определить было невозможно, а Люба с дочерью оказались светловолосыми. После некоторого замешательства офицер отпустил их, как он выразился, до следующего раза, пообещав в скором будущем во всём разобраться. Но Люба дожидаться не стала, той же ночью забрала детей и ушла в Веречье, где их никто не знал.

После были скитания по дорогам, на которых можно было затеряться среди таких же беженцев. Проходили колонны немцев и их обозы.

Как-то немецкий солдат поднял на руки Тому и посадил на телегу, затем посмотрел на неё и произнёс: «Юда». От неожиданности Люба обомлела, но, к счастью, немец замолчал и дальше предположение развивать не стал. Они обходили стороной занятые немцами деревни, подолгу скрывались в лесах, ночевали где придётся, питались тем, что могли раздобыть, но выдержали всё и только благодаря этому остались живы. В Городок они вернулись осенью сорок третьего, сразу после его освобождения. Родители Семёна и все его родственники, оставшиеся в Городке, были расстреляны вместе со всеми городокскими евреями в урочище Воробьёвы горы. Оба его брата – Григорий и Яков – погибли на фронте в первые же дни войны. Отец Любы погиб в сорок четвёртом, во время бомбардировки, от случайно залетевшего осколка.

В сорок пятом Семён после тяжёлого ранения вернулся с фронта, впоследствии он получил инвалидность. Может, это и совпадение, но Люба тоже встретила его на костылях. Набирая из колодца воду, она поскользнулась и повредила ногу, а после долго лежала в больнице.

За годы войны Городок был разрушен, улицы превратились в сплошные руины, не было воды, электричества, не осталось ни од-

ного целого предприятия. Сразу после освобождения его начали восстанавливать, и Семён Долгопольский включился в этот процесс активным образом. Для начала он переоборудовал пустой сарай под производственный цех – установил в нём примитивный станок, на котором начали плести верёвки. Чуть позже открыл лесопилку, столярный цех, кузницу, наладил изготовление телег и саней. В деревне Сельцо, неподалеку от Городка, восстановил кирпичный завод. Открыл валяльный цех, в котором изготавливали валенки и просто войлок, из которого стали делать конскую упряжь. Организовал небольшой литейный цех, в котором из отходов алюминия отливали котелки и сковородки. На реке Горожанка построил плотину, на ней установили генератор и мельничное оборудование, появились своё электричество и своя мукомольня. Была своя конюшня, которую по сегодняшним меркам могли бы назвать «транспортным отделом».

Послевоенные годы люди вспоминают как голодные, есть, действительно, было нечего, хлеб и какие-то продукты выдавали по карточкам. Число рабочих в хозяйстве росло, их самих, а кроме этого их семьи нужно было чем-то кормить. Неизвестно, каким образом, Семён раздобыл коров. Поначалу на них нельзя было смотреть без боли – все они были настолько тощие, что буквально не стояли на ногах, и в стойлах их пришлось подвязывать. Но прошло пару месяцев, их откормили, и в хозяйстве появилось своё молоко. Несмотря на голод и явную возможность его избежать, Семён не позволял жене даже набрать стакан муки, а хлеб они пекли из выбитой из мешков мучной пыли.

Постоянно развивающаяся инфраструктура получила название «Городокский райпромкомбинат», и её авторитетным, и уважаемым руководителем стал Семён Долгопольский. К его боевым наградам за эту деятельность добавилась ещё медаль «За трудовую доблесть».

Шли годы, из-за растущей бюрократии работать становилось сложнее. Как это обычно в таких случаях бывает, появились завистники и недоброжелатели, в соответствующие органы на директора стали приходиться кляузы и доносы. В конце концов его арестовали, он тогда уже был в предпенсионном возрасте. Под следствием Семён Абрамович просидел полтора года, но за это время никаких хищений или злостных нарушений следственные органы так и не обнаружили. Кроме одного – это был отрез офицерского сукна, из которого он сшил себе пальто. Но просто так отпустить его не могли. Во-первых, в этом случае ему надо было выплатить компенсацию за время, которое он провёл в заключении, что для советского суда было просто недопустимо. Кроме этого в хрущёвские времена, хотя это уже был и не тридцать седьмой год, тем не менее ещё и тогда суд далеко не всегда исходил из буквы закона, и не редко случалось, что на его решение влиял звонок из высших партийных органов. В результате директору Городокского рай-

промкомбината Семёну Абрамовичу Долгопольскому дали девять лет, из которых он отсидел восемь, а Люба с двумя детьми осталась одна.

Вскоре после возвращения в Городок Тамара пошла в школу. Под неё арендовали большой частный дом, в его комнатах поставили для детей столы и парты. Жили они в районе вокзала, а школа находилась на выезде в противоположном конце города. Томе со шитой холщовой сумкой с книжками и чернильницей приходилось каждый день преодолевать пять километров в один конец. Через пару лет к ней присоединился брат Витя. Позже, когда в Городке открыли новую школу, ходить в неё стало ближе, и условия для учёбы стали лучше.

После десятилетки Тамара попыталась поступить в пединститут, но не прошла по баллам и закончила швейное училище №19 в Витебске.

У неё сложная жизнь. Замужем была трижды. Первый раз это случилось в Витебске сразу после окончания училища. Муж из хорошей семьи, отец бы лётчиком. Она родила Юру, но вскоре мужа посадили за драку, и Тамара осталась одна. Свекровь сидеть с ребёнком отказалась. Первое время её поддерживали родственники Сёма и Мира Гутерманы, они жили в Витебске. Но в этой семье были свои проблемы: сестра Миры Хая четырнадцать лет спала в летаргическом сне, и в результате Тома вынуждена была вернуться с ребёнком к матери в Городок.

Виктор в это время служил в армии, отец сидел, маме нужно было помогать присматривать за внучкой. Тамара устроилась мастером в швейный цех, а после того как заочно закончила кооперативный техникум, ушла работать товароведом. Вскоре познакомилась со вторым мужем, он работал механиком. С ним она родила сына Женю. После окончания института Тамара, воспользовавшись связями, устроила его преподавателем в техникум. Здесь он познакомился с другой женщиной и ушёл к ней. Тамара осталась одна с двумя детьми.

Отец отбывал срок в Орше. На зоне он сошёлся с врачом больницы и под его началом проработал все восемь лет. После освобождения устроился в Городке кочегаром, сторожем. Умер на руках у Тамары в августе восемьдесят восьмого. Позже она похоронила рядом мать. Детей вырастила одна. Женя умер в пятьдесят семь лет – неудачная операция на сердце. Юре в этом году исполнилось шестьдесят три, он продолжает работать в военкомате.

Тамара Семёновна живёт одна в Городке. Друзей раз-два и обчёлся – кто-то умер, кто-то уехал в другие города и страны. Остались воспоминания, забота о предстоящем урожае, на подоконнике – рассада, приходящие помогать работники благотворительной организации «Хэсдэй Давид», конечно, сын. В доме фотографии и документы семьи. Редко она достаёт их, и тогда перед глазами проходит вся жизнь.

Семён ШОЙХЕТ

КОРЕННАЯ ВИТЕБЛЯНКА

Лене Мордуховне Логвиновой скоро будет 95. Она коренная витеблянка, как и её родители, а возможно, и бабушки с бабушками. Таких в городе осталось немного. Мама, Златкина Раиса Вениаминовна, до войны работала директором молокозавода, папа, Милькин Мордух Соломонович, в тридцатые годы учился в комвузе.

Логвинова Лена Мордуховна

Хорошая семья, любящие родители.

А потом наступил 36-37-й год. Папу обвинили в троцкизме, маму арестовали, скорее всего, как жену врага народа.

– Арест помню только мамы, – вспоминает Лена Мордуховна. – Папу, видно, забрали с работы, а маму – пришли домой. Я ещё была в детской кроватке, потом я у милиционера спрашиваю: «Когда придёт моя мама?» Он ответил: «Ваша мама придёт завтра». Она пришла через 19 месяцев. Я

жила со старенькой бабушкой. Она была безграмотная. Говорила на идиш. Я сама не могла говорить, а её понимала.

Мы жили на втором, а бабушка – на первом.

Когда за мамой пришли, кто-то пошёл и сказал, что я одна, и бабушка меня забрала, а в нашу квартиру вселили каких-то людей.

Папины родители: дед управлял лайбой, баржей. Его звали Залман. У них было три сестры: Лиза, Эмма, Женя. Дедушку я помню, но он рано умер.

Мы жили на нынешней улице Ленинской, где сейчас кафе «Молодёжное».

Двор был огромный, как микрорайон, прямоугольный, он чуть ли не на нынешнюю Коммунистическую улицу выходил. У нас за забором построили перед войной для военных, где поликлиника детская.

Детей во дворе много было. Во что мы только не играли: и в шантар, и в прятки, и в войну. В войну в основном мальчишки.

Я пошла в школу, она находилась, где нынешний кинотеатр «Мир», был большой овраг рядом, в том же районе работал техникум. Школа русская. Я не помню, чтобы, когда я училась, была еврейская школа.

Я была на суде над мамой. Сидела в первом ряду. Когда объявили приговор, что она освобождена, люди в этом зале аплодировали.

Папу освободили в 40-м году, и вскоре родился брат Марк.

После освобождения мама работала в детской больнице, которая была со стороны Коммунистической улицы, директором по административной части.

В тот день я была на улице. Братик в коляске, я возле братика, и вдруг прибегает мама и забирает нас домой, потому что объявили войну. Папу сразу же в тот день после обеда забрали в военкомат, он всю ночь разносил повестки, а утром пришёл попрощаться с нами и сказал маме: «Раюшенька, мы больше с тобой не увидимся, потому что это война моторов». Так и получилось.

Война детей сразу сделала взрослыми. И военные воспоминания у Лены Мордуховны подробные. Они врезались в память с тех пор и останутся с ней до последнего дня.

– Я помню, в тот день, когда объявили войну, где сейчас почта на Ленинской, она от нас близко была, прилетели немецкие самолёты, и был воздушный бой, но наши лётчики их прогнали.

Мы уходили: мама со мной и братом, бабушка со своей младшей дочкой Фаней. Помню себя в вагоне, за Рудней была остановка, мы ждали встречный. Налетели семь немецких самолётов и начали бомбить.

В первом вагоне ехал директор по административной части детской кожно-венерической больницы. Там у них в детской больнице оставались дети из эвакуированного детского дома. Он собрал этих детей, вагон ему дали, и у него, видно, была еда, чтобы кормить детей.

Мама пошла к нему попросить немного еды. Надо было чем-то накормить меня и младшего брата. Когда началась бомбёжка, директор, который вёз детей, выскочил на подножку, и ему оторвало ноги. Он умер от потери крови. И тогда проводницы закрыли двери. Мы не могли выйти, вагон закрыт. Мама была раненая. Она подошла к окну и только успела сказать: «Семь немецких самолётов».

У неё был перелом костей голени. Я подошла к окну, пробежал мимо мужчина. Говорю: «Дядя, вытащи меня». Он сначала пробежал, потом всё же вернулся и вытащил меня.

Братик с мамой остался. Я его взять не могла. Бабушка осталась в вагоне. Когда меня уже вытащили, я побежала к своему вагону. Немецкие самолёты летали низко-низко. Я не обращала на это внимания.

Говорю: «Тётя Фаня, мама раненая в вагоне».

Мужчина вытащил маму тоже и оставил около вагона горящего. И мама еле-еле доползла до нашего вагона.

Начали собирать раненых.

Там был большой клуб, недалеко от железной дороги, и там стояли койки, а раненых – ужас, сколько. Нас туда отвезли. Мы прятались в оркестровой яме.

Немцы уже были в Рудне, и работники этого госпиталя начали вывозить раненых на подводах и нас взяли. Мы ехали-ехали, наконец на пути был огромный сарай. Завезли нас туда, распрягли лошадей, а на подводах оставили раненых. Сказали, поменяют лошадей, а сами уехали – и с концами. Может быть, там уже немцы были, может, они не могли к нам вернуться.

Ночью летели немецкие самолёты. Не знаю, сколько их было, конца им не было. И гул страшный. Мы поползли в лес и напоролись на наши войска. Стали кричать, что мы – свои. После этого военные дали две машины и вывезли раненых в Ярцево. Мы переночевали, пришла главный врач и говорит: «Спущен большой десант с самолётов, спасайте кто как может». Мама привязала братика к себе платком, как цыганки привязывают детей, мы вышли из госпиталя, и как раз грузили военных. Мама говорит: «Возьмите меня, пожалуйста. Вы же видите – маленький ребёнок. Я коммунистка, муж на фронте».

Ей сначала ответили: «Не можем. Нужно погрузить раненых военных». Подошёл мужчина-капитан. Он взял за руку маму, меня и посадил на машину, стукнул по кабине, там уже было несколько раненых, и сказал: «Трогай». Благодаря ему приехали на вокзал в Вязьму. А там опять: «Заберите эту женщину». Только благодаря капитану нас привезли в Мичуринск в госпиталь.

Где тётя? Где бабушка? Мы ничего не знали. Потом нас выписали, и мы приехали в Пензу. Даже одеть нечего было. Мама была в платке, в папиных сапогах. Если бы не сапоги, может быть, и ей ногу оторвало, но сапоги защитили её.

Мама не могла устроиться на работу. Холодно было очень. Мы сели в поезд и поехали в Чкаловскую область. Когда мы были в Пензе и должны были уехать, нам пришло известие, что наш папа лежит в Чкаловской области в Сорочинске в госпитале.

Мы должны были ехать мимо Чкалова, а нас завезли на Урал. Потом открыли вагон, увидели, что там гражданские и раненые, нас обратно отправили, и мы поехали в Среднюю Азию. Когда проезжали Чкаловскую область, мама всё-таки вышла и пошла в госпиталь на костылях. В госпитале узнала, что папа отправлен в часть. После этого мы дальше поехали и приехали в Самарканд.

На вокзале мама стояла и плакала, не зная, куда ей идти. Подошёл мужчина, спросил: «Что вы плачете?». Она рассказала откуда она и не

знает, куда идти, где будет жить. Он помог нам устроиться на квартиру к одной русской женщине. Потом маму определили на работу на хлопковый завод, сначала посудомойкой, потом перевели в кассиры.

Тётя нашла нас. Они были в Пензенской области. Там и пробыли до конца войны. Бабушка там умерла.

Помню хорошо, когда приехали в Самарканд, недалеко от вокзала была столовая, очередь километровая, но нас всё же с мамой пропускали всюду, где бы мы ни были.

Никаких денег с нас не брали. Хороший обед был, и ещё пирожные дали мне как ребёнку. Пошла в школу. Одно время учились с мальчиками, потом – одни девочки. Закончила в Самарканде пятый класс, а уже в шестом я была в Витебске.

Мама написала письмо в обком партии, когда освободили Витебск. И ей пришёл ответ, по этому извещению она поехала с нами в Витебск.

Улица Ленинская была в руинах. Почему-то мне запомнилась эта улица. Может, потому что я жила здесь до войны. Людей в городе почти не было. Редко кто проходил по улице.

Победу мы встретили в Витебске. Чужие люди, когда объявили, что кончилась война, обнимались прямо на улице.

Я пошла в 10-ю школу. Мы сами школу восстанавливали, носили кирпичи. До войны в Витебске жил в районе Смоленского рынка мой дядя Вульф Вениаминович Златкин. Дом был у них. Его взяли на фронт. Он прошёл всю войну, а семья осталась в городе. Немцы жену и троих детей чуть ли не живыми закопали. Там, где ветинститут, там земля ходуном ходила. Дядя демобилизовался и приехал в Витебск в 46-м году, он сапожник, устроился работать.

Мама стала работать на заводе заточных станков в отделе кадров и так до самой пенсии.

Довоенное поколение детей испытало на себе все тяготы трудных лет. И разруху, и голод, и похоронки на близких и родных. Папа Лены Мордуховны погиб на фронте. Но люди сумели выстоять, учились, работали и прожили достойную жизнь.

– Я закончила ветеринарный институт, – рассказывает Лена Мордуховна. – Поехала работать Юратишки, бывшая Молодечненская область, врачом была, заведующей мясо-контрольной станции. Через два года вернулась в Витебск. Работала в лаборатории роддома и консультации. Потом уехала в Вилейку и там работала врачом на птицекомбинате. Вышла замуж. Родился сын Володя. Сократилась единица врача. Куда я могу ехать? В Витебск. Тут уже устроилась в мединститут на кафедру анатомии и отработала до пенсии.

Аркадий ШУЛЬМАН

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

Цыпкин Григорий Вениаминович родился в 1929 году, или, как сам подчёркивает, в начале прошлого века, хотя это не такое уж начало. Григорию Вениаминовичу 95 лет. Он коренной оршанец, помнящий свой довоенный город, а сегодня таких можно буквально по пальцам пересчитать. Его воспоминания записывают на видео, они имеют большую ценность и для историков, и для краеведов, он знающий, приятный и интересный собеседник.

– Кто были Ваши родители? Расскажите подробнее про отца и мать, – мы начали разговор с семейной темы.

– Моя мама Цыпкина-Рытман Эмилия Исаевна.

Она работала в аптеке, фармацевт, в своё время закончила Смоленский фармацевтический техникум. Мама родом из Горок, это Могилёвская область, из мещан, как в то время называлось это сословие.

Отец, Цыпкин Вениамин Израильевич, работал в артели инвалидов «Коммунар» начальником отдела снабжения. Его родословная из Копыси. Это недалеко от Орши.

До войны мы жили вместе с дедушкой и бабушкой по линии мамы в Орше. Дедушка и бабушка говорили на идише и когда общались с моими родителями, тоже в основном преобладала еврейская речь.

Родители между собой говорили в основном на русском языке. Поскольку мы жили вместе с дедушкой и бабушкой, а дедушка был, я считаю, человеком религиозным, все праздники, субботные дни по традиции соблюдались. К нему приходили его возраста знакомые, как мне помнится, бабушка пекла к шаббату лекаш.

В Орше была маца, я помню, как покупали её, приносили домой завернутую в белую простыню.

Следующая тема нашего разговора – детство, школа.

– Я учился в белорусской школе и до войны закончил пять классов.

Цыпкин Григорий Вениаминович

Мой старший брат, он 1925 года рождения, до 38-го года в Орше учился в еврейской школе.

Потом еврейскую школу закрыли. И в Орше, и по всей стране. Якобы по просьбе самих родителей. Но это было частью государственной политики. Так же поступили и с синагогами. Государство «сворачивало» еврейскую национальную жизнь.

До 1937–38 года в Орше была действующая синагога. Она находилась в районе теперешней улицы Советской, где-то посередине между костёлом и проспектом Текстильщиков в глубине дворов. Деревянное высокое здание.

Потом дом перестроили под жилые квартиры. Здесь до войны жили родители жены Григория Цыпкина.

2-я средняя школа, в которой учился Григорий, и сегодня действует. Здание перестраивали, модернизировали, и сейчас это вполне современная школа, отвечающая всем требованиям.

Война разделила жизнь всей страны, жизнь всех семей, всех от малышей до стариков, на «до» и «после». И это следующая тема нашего разговора.

– О войне я узнал по радио. Был выходной день. Собирался ехать в пионерский лагерь. Мне уже родители подготовили маленький чемоданчик, всё необходимое, что надо было взять, и отец должен был меня отвезти на пункт сбора. Утром по радио, в каждом доме было проводное радио, сообщили, что началась война. О пионерлагере уже не было и речи.

Дома все разговоры о войне, тем более в кинотеатре «Оршанский» демонстрировали фильм «Профессор Мамлок» и там показывали, как фашисты относятся к евреям. И в газетах об этом печатали. Но какой-то тревожной обстановки не было. В 39-м году, когда германские войска вошли в Польшу, а с этой стороны армия Советского Союза освободила Западную Украину и Западную Белоруссию, Оршу наводнили беженцы из Польши. В основном это были евреи, польские подданные. Они рассказывали о том, что обстановка очень тревожная.

Дедушка читал газеты, слушал радио и мысли не допускал, что германский народ, который дал столько деятелей культуры, способен на такие зверства. Может быть, он считал, что это какая-то пропаганда, и поэтому, когда мы в конце июня или в первых числах июля уезжали в эвакуацию, дедушка и бабушка не поехали с нами, а остались в Орше.

Все предприятия начали демонтировать оборудование. На станциях стояли эшелоны, в товарные вагоны грузилось имущество предприятий, в пассажирские – телятники, люди садились и уезжали, и мы поехали. Я, брат мой, отец и мать.

Насколько мне известно, германские власти установили правило на оккупированных территориях: каждый должен был вернуться на место своего рождения. Поэтому дедушка и бабушка уехали в Горки, это отсюда 40 километров. По приезду в Горки они поселились у бабушкиного брата Эли Гуревича. Дедушка погиб до того, как были уничтожены узники гетто, в том числе и моя бабушка, и её брат Эля. У него было семеро взрослых детей, у которых были уже свои семьи. Почти все погибли в Горках. В какие-то годы, ещё жива была моя мама, приехала одна из дочерей Эли Гуревича. Она уцелела, была замужем за преподавателем Горецкой академии, кажется, фамилия Певзнер, а ему поручили эвакуировать племенное стадо этой академии в Россию. Поэтому они спаслись. Она приехала в Оршу, и они поехали с моей мамой в Горки и там узнали, когда дедушка погиб, его похоронили в саду частного дома.

В Орше из наших родственников оставалась семья Дорфмана. Он был начальником пожарной охраны города. Когда началась война, пожарная служба была переведена на военное положение. Он уцелел, видно, на машинах куда-то уезжали, а его жена и двое детей остались здесь, погибли. Он вернулся после войны, был секретарём нашего горисполкома.

Мы поехали в эвакуацию в вагоне-телятнике. Ехали очень долго. Сначала добрались до Пензы. Местные евреи стояли на вокзале и звали к себе. И нас тоже позвала одна еврейка. Мы пришли к ней, начали обустроиваться, а потом появился её муж, он был полнейший антипод своей жены. «Зачем нам они нужны?», и тому подобное. И отец, и мать, видя такое, опять пошли на вокзал, ещё наш эшелон стоял, опять сели в вагон и решили: покуда будем ехать, никуда не будем выходить. Приехали в Узбекистан, станция Коган возле Бухары, узловая станция. Бухарские евреи тоже на вокзале людей ждали, видно, было объявлено, что приедет эшелон, и звали к себе.

Местное, коренное население очень радушное, но Бухара – это место ссылки, там были корейцы, которых в своё время с Дальнего Востока убрали, там были раскулаченные. У кулаков было антисемитское отношение. А местное население очень радушное.

Мама сразу пошла на работу в аптеку. Отец был инвалид, он не попал под мобилизацию, устроился на обувную фабрику, потом стал технорук-ом, это как главный инженер. Брат тоже пошёл работать на обувную фабрику, я пошёл учиться в школу. Русская школа, но там преподавали и узбекский язык. Я там закончил 7 классов. Это был 44-й год, и пошёл работать тоже на обувную фабрику фрезеровщиком. Мне ещё не было 15 лет. Брат, он с 25-го года, был призван. В 43-м году пошёл в армию. Воевал на Украинском фронте, был ранен, и после госпиталя его признали не годным к военной службе и демобилизовали.

45-й год. День Победы. Какое настроение, что делалось? Это трудно передать словами. Нас уговаривали, чтобы мы не ехали назад, оставались: «Куда вы поедете? Там всё разбито. Куда, на пепелище? Вы здесь работаете». «Нет, – отец говорит. – Поедем на белорусскую бульбу».

Как раз шёл поезд-госпиталь в Россию пустым. Приехали в Оршу в 45-м году.

Наш дом – всё сгорело. Негде жить. Где-то пристроились, немножко пожили. Потом я пошёл на льнокомбинат работать. Там нам дали комнатку.

Отец опять пошёл в артель инвалидов «Коммунар», она начала работать. Мама устроилась в аптеку.

Следующая тема нашего продолжительного разговора была связана с антисемитскими процессами начала 50-х годов.

– В это время я служил на флоте. Сейчас, окидывая взглядом прошлое, хочу сказать, что на нашем корабле офицеры флотские в своём большинстве были более интеллигентны и более критически относились к этому явлению. Конечно, на политзанятиях читали обо всём. Нам преподносили, кого врачи хотели отравить, кем были эти врачи. О других процессах в стране рассказывали. Я понимаю непростое отношение к людям с пятой группой крови. Оно порой чувствуется и теперь, но должен сказать, что на моей памяти каких-то таких ущемлений к моим родителям, ко мне явных не было. Хотя когда меня назначал генеральный директор льнокомбината своим заместителем, он сказал, что горком тебя утверждать не станет, но ты не обращай внимания, работай дальше.

После флотской службы я закончил Минский политехнический техникум заочно, а потом – Институт патентоведения. И сорок пять лет отработал на Оршанском льнокомбинате. Дослужился до заместителя генерального директора. Вёл общие вопросы: транспорт, материально-техническое обеспечение, реализация продукции.

– А Хэсэд помогает Вам? – спросил я в конце нашего разговора.

– Два патронажных работника у нас. Женщина приходит, уборку делает. Ризой Леонид Абрамович подвозит, куда надо поехать. Мы живём вдвоём с женой. Ей 93 года.

– Дай Бог вам на двоих 240 лет.

Каждый шаббат, когда собирается Оршанская еврейская община, Григорий Вениаминович Цыпкин – центральная фигура. Он, правда, на русском языке, читает главу Торы.

И сегодня в Орше, наверное, именно он главный хранитель еврейской памяти и еврейских традиций.

Аркадий ШУЛЬМАН

ВСТРЕТИМСЯ НА 100-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ

Наш собеседник Мира Израильевна Зусман. Живёт в Полоцке. Скоро ей исполнится 100 лет, дай Бог дожить до 120! В её жизни отразилась сама история второй половины неспокойного XX века. Я с интересом слушал её рассказ. У неё прекрасная память, мне казалось, что она может подробно рассказывать не то что о каждом годе, о каждом дне своей жизни.

Зусман Мира Израильевна, 2024 г.

– Кто были Ваши родители?

– Папа – рабочий, Израиль Михайлович Хойгин. Работал в артели. В Полоцке мои родители живут с 1926 года. В 25-м году я родилась в Дриссе, есть такой город, ныне Верхнедвинск, а потом мы переехали в Полоцк.

Мама – Сара Григорьевна Хойгина. Её девичья фамилия Гершевич.

Бабушку помню. Папину маму. Она была худеньякая, маленькая и жила с папиной сестрой в Полоцке. Бабушку звали Райхе, а тётю – Тайбеле.

Она была глухонемая. Бабушка обычно говорила на идиш. Со мной можно было и на идиш, и по-русски. Я на идиш всё знаю. Я могу сегодня что хотите сказать.

Мы обменялись с Мирой Израильевной несколькими фразами на идиш. Я сказал, что говорю на идиш, но не с кем уже говорить.

Мира Израильевна ответила:

– Я тоже говорю на идиш. Правда, помню язык уже не так, как раньше.

Мы продолжили разговор о семье, в которой выросла Мира Израильевна.

– Мама была портнихой, но она шила не всем. Нельзя было шить в открытую, надо было налог очень большой платить.

В 39-м году, когда присоединили Западную Белоруссию и Западную Украину, оттуда офицеры привозили жёнам отрезы шёлковые, такие, какие мы никогда в жизни не видели. Жена офицера принесёт отрез, мама сошьёт, она забирала платье и говорила подруге, что можно нести, Сара Григорьевна вам сошьёт.

В семье было двое детей. Я и Лёва, он старше на три года, родился 28 августа 21-го года.

– Дома отмечали еврейские праздники? – спросил я.

– Это же была Советская власть, – сказала Мира Израильевна таким тоном, как это я не понимаю элементарных вещей. Нельзя было, и нас отучили от всего. Фактически я выросла ничего не зная. Вот теперь у меня есть две племянницы, они живут в Израиле, и они мне могут что-то рассказать.

Хотя я знаю и другие семьи, где, несмотря на запреты, отмечали еврейские праздники. Рассказывали детям о еврейских традициях. Но, вероятно, в семье Миры Израильевны многое было по-другому.

– Часто с ними разговариваете, с племянницами?

– Почти каждый день. По планшету. Я, правда, не очень знающий человек, могу только, когда звонят, кнопку нажать.

– Дай Бог, чтобы каждый так мог.

– А дайнк, – «спасибо» сказала на идиш Мира Израильевна.

Я пошла в белорусскую школу, мне трудно было учиться. Потому что никто по-белорусски в семье не говорил, говорили на идиш. Пошла в школу, ничего не знала.

– Еврейские школы в Полоцке были? – спросил я.

– Была. Но я не пошла, не хотела. Хотела в русскую, а нас не принимали, евреев записывали в белорусские школы.

Взрослые чувствовали, что дело идёт к большой войне. Говорили, что будет, но не теперь. Мол, Сталин договорился с Гитлером, и сейчас не будет войны. Но всё равно все боялись. В Полоцке были польские беженцы. Появились после 1939 года. От них мы узнали, что Гитлер убивает евреев, что надо уходить подальше от границы.

22 июня я сидела у нас дома вместе со своей одноклассницей. Мы обе решили пойти учиться в агрономический техникум. Там было отделение бухгалтеров. Мы хотели быть бухгалтерами, приготовили все документы. Это было в воскресенье, и завтра начинала работать приёмная комиссия, и мы должны были идти подавать заявление. И вдруг слышим по радио: «Включены все радиостанции Советского Союза». Мы остались сидеть перед радиоточкой. И объявили: «Сегодня в четыре часа немецкие самолёты бомбили Киев». А это значит – война.

Мы решили подождать, но знали уже, что оставаться в Полоцке нельзя.

Не помню, где был папа, я с мамой жили в маленьком домике. Мы замкнули дом на всякий замок, и мама ключ повесила на шею. У неё было одно пальто, забрали его, подушку. И самое главное – документы. Бежали до Невеля. Через лес, в лесу столько валялось одежды, пакетов, бери любой. Но никому это не надо, тяжело всем было. Творилось что-то страшное. Прибе-

Мира Израильевна с мамой, 1950-е гг.

жали в Невель. Стоит поезд с военными и битком набит людьми. Они всё-таки нас забрали. Военные, кого только могли, тащили к себе в вагон. Только отъехали, налетели самолёты и стали бомбить. В наш вагон не попали, перед нами вагон был разбит вдребезги. Все погибли, а в наш вагон только осколки полетели, были убиты люди.

Если только удастся уйти, – решили мы, – поедем в Саратов.

В Саратове жила мамина старшая сестра Лина. А больше у нас нигде и никого не было.

Старший брат в армии. Мы ничего не знали, где он и что с ним. Но он остался живой. Прошёл всю войну, вернулся. Женился поздно, в конце 49-го года. Он военный был, когда демобилизовался, работал начальником отдела кадров на каком-то заводе.

Судьба отца? Когда началась война, мужчины побежали в военкомат, там образовалась очередь. И их домой уже не отпускали. Сразу отправляли в вагоны, а папа... дело в том, что он был ранен ещё в 18-м году.

– Принимал участие в Гражданской войне? – спросил я.

– У него была огромная язва, пуля сидела в ноге. В армию его не взяли. Приехали мы в Саратов, а как он там оказался, не знаю. Саратов стоит на Волге, на той стороне было немецкое Поволжье – город Энгельс. И в Энгельсе делали танки, и папу забрали туда, он всю войну отработал на танковом заводе. Нас направили в Дурасовский район Саратовской области. Местные жители говорили, что евреи – это черти с рогами. Они боялись нас. А когда мы должны были приехать, лежали за рельсами и оттуда выглядывали, кто выходит из вагонов, а когда увидели, что вышли нормальные люди, такие же, как и они, подошли к нам

и стали говорить: «Ой, вы же нормальные люди, такие же, как и мы, а мы всегда своих детей пугали, что евреи – это черти с рогами».

Мама пошла на работу. Правда, на недолго. Но фактически она не знала русский. Папа был отсюда, он знал и белорусский, и русский, а мама была из Латвии, знала латышский, немецкий, идиш, а русский не знала.

Она была очень добрая и очень быстро ко всему привыкла.

Уже на следующий год посеяли кусочек огорода. Картошка там не росла, росла пшеница. Но мы её не сеяли.

В 42-м году, когда немцы приближались к Волге, я по линии райкома комсомола была отправлена рыть окопы. Ночью оттуда возвращаться было не так страшно, потому что шли все вместе через лес. Приходила домой, ложилась спать. Мама старалась печку вытопить, чтобы дома было тепло.

А утром, часов же не было, а не дай Бог опоздаешь на эти окопы, тогда тебе могли что хочешь приписать. Мама щупала печь, если печка уже остыла, говорила: «Быстрее, Мира, поднимайся, и надо бежать». Кушать нечего было. Что-то готовили из очисток, и очисток не было, потому что картошку съедали всю.

На окопах я работала пока от Сталинграда не отогнали немцев.

От брата долго не было писем. Папа как-то шёл по Энгельсу. Его догнала какая-то женщина и говорит: «Вы не переживайте, Ваш сын живой. Он придёт».

– А женщина откуда это знала?

– Он хотел у неё спросить: кто вы, расскажите? Она сразу куда-то исчезла.

В Дурасове я жила до 1946 года. Работала при психбольнице шесть месяцев кассиром-счетоводом. Потом я поехала в Саратов сдавать отчёт, а там одна женщина говорит: «Ну что ты сидишь в этой своей Дурасовке, сейчас у нас в Саратове можно пойти учиться в медицинское училище – двухгодичное, на отделение лаборанток». Подала документы и поехала домой. И забыла про это. А 26 августа 1946 года меня вызвали.

– Как вы праздновали День Победы?

– Я была послана уполномоченной по линии райкома комсомола на проведение посевной. Жила у хозяйки. Ездила вместе с трактористкой. Вспахивали землю, сеяли. И вдруг к нам мальчишка приехал на лошади. Там ещё был мужчина, уполномоченный по линии райкома партии. Этот мальчишка нам сказал, чтобы немедленно оделись и поехали в район. Я пришла домой. Одеть нечего, обуть нечего. Хозяйка открыла сундук, вынула новые валенки, на них одела галоши, дала мне обуть и вынула из сундука овчинный кожух. Я одела и поехала, и мужчина тоже. Приезжаем, нам гово-

рят: «Возвращайтесь скорее домой и скажите, что День Победы наступил». Все плакали, обнимались, целовались.

Я закончила медицинское училище, мне два года надо было отработать в Екатериновском районе Саратовской области. Там был зерносовхоз «Индустриальный». Больница на 25 коек. Я приехала туда, мне дали место в комнате на первом этаже. Комната была на четверых. Чтобы пройти в неё, надо было идти мимо морга. Молодёжи собираться негде было, и они собирались у меня. Приходили, мы разговаривали, а когда уходили, говорили: «Мира, иди закрывай за нами дверь». Я закрывала дверь палкой. А потом они подходили к моему окну и кричали: «Мира, ты живая?» «Живая я. Куда денусь?». Я не боялась ничего.

– Когда вы вернулись в Белоруссию? – спросил я.

– Папа всё время говорил, что хочет умереть на родине. Приехал брат, он был военный, и пошёл к нашему главврачу поговорить с ним: «Отпустите мою сестру пораньше». И тот согласился. А перед этим брат поехал в Полоцк. Тут у меня жили две тётки, мамина сестра с дочкой и папиного брата жена с двумя детьми. Жили в кадетском корпусе. У них была комнатка, и все там стали жить вместе.

Папа с мамой ещё оставались в России. Я им сообщила, что в Белоруссии лучше, чем в России. Я приехала в 50-м году, уже карточек не было. Можно было купить сгущённое молоко в банках, консервы, крабы. Не главное в еде, но всё же показатель.

Моя тётка работала главным бухгалтером в Полоцке в здравоохранении. Я пришла, она мне сразу говорит: «Завтра ты можешь выходить на работу в малярную станцию». Малярная косила всех. В деревню зайдёшь брать анализы, если один болен, значит, всех в деревне била лихорадка. Это было что-то страшное. А потом узнали, что малярный комар является разносчиком малярии, и тогда стали осушать болота. Уже в 53-м году исчезла малярная. Ни в одной деревне малярии не было.

Приехали родители, тут были бараки, и в бараках им дали комнату. В основном все жили тогда в таких условиях.

Папа работал жестянщиком, но в 54-м году он умер. В Полоцке похоронен на Красном кладбище. Мама ещё жила со мной. Я отработала в санстанции в общей сложности 37 лет.

В 42 года вышла замуж за вдовца. У меня нет детей. Так сложилось. Вырастила падчерицу.

– Вас поддерживает Хэсэд?

– Да, спасибо ему. Они меня поддерживают сильно. Очень хорошие женщины ухаживают за мной.

Мира Израильевна пригласила нас на своё столетие, которое собирается отметить в начале 2025 года. Дай Бог ей здоровья!

МОНЛОГ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Фамилия Берхифанд, мне казалось, довольно редкая. Но сейчас, когда появилась возможность поискать в интернете, оказывается Берхифандов не так уже и мало, особенно в Беларуси. Берхифанды живут и в России, в разных её регионах. Причём среди них есть с именами-отчествами совершенно не еврейскими, а христианскими. Пятерых я таких нашёл в интернете.

Натан Нохимович Берхифанд

Я родился за три года до начала войны, в 1938 году в Витебске. Мог родиться в Архангельске, потому что отец мой Берхифанд Нохим Шепшелевич перед войной работал в Витебске главным бухгалтером хлебозавода. У него был хороший друг со времён Гражданской войны, который служил в НКВД, и тот посоветовал в 36-м году «слинять» куда-нибудь подальше от Витебска. Отец в своём главке в организации «Экспортлес», наверно, хлопотал о переводе. Его направили работать в Архангельск, и мы там всей семьёй несколько лет прожили и по-

том вернулись в Витебск. Тут я и родился.

Был младший в семье. Кроме меня мать родила ещё троих детей. Старший – Илья, родился в 1924 году, затем Фрида – в 1927 году, и Мэра, которая родилась в 1931 году.

Я как младший не был обделён любовью. Её мне досталось, наверно, больше, чем всем прочим детям.

Отец 1897 года рождения. Был призван в 1915 или 1916 году в русскую армию, служил во время 1-й Империалистической войны, попал в плен немецкий, пробыл там некоторое время, вернулся, когда ещё шла Гражданская война. Призывали в Красную армию. Прослужил там несколько лет, был пулемётчиком. Он об этом мало рассказывал, так же, как и об Отечественной войне, в которой тоже принимал участие.

Помню из рассказов такой момент: он был пулемётчиком, и вторым номером у него был китаец. Отец любил изображать китайское произношение. Очень похоже это делал. Был человек музыкально одарённый, в молодости играл на трубе.

После окончания Гражданской войны его демобилизовали. Не знаю, то ли он получил специальность бухгалтера ещё раньше, до службы в армии, всё же учился в реальном училище в Бобруйске, у них была семья небедная, и отец имел возможность учиться.

У него была сестра-близнец, которая в то время вышла замуж и переселилась в Палестину. Звали отца с собой. Но он был человек идеологически обработанный. Ему говорили: «Поехали на историческую родину». Он ответил: «У пролетариата родина одна – Россия», – и остался здесь.

Мама была, как говорится, из хорошей семьи. Родилась на Могилёвщине. Отец был казённый раввин. Перебрались в Витебск. Бабушка родила 14 детей. Четверо из них умерли в младенчестве и детстве. Мама со своим братом-близнецом Ароном были самыми младшими. Такое совпадение, что и отец из двойни, и мама из двойни. А у моих сестёр, у меня двойняшек не было. По наследству это не передалось.

Мама не работала, естественно, с четырьмя детьми, перед войной. Но, когда я уже подросток, мне было три года без малого, она устроилась в редакцию газеты «Витебский рабочий» кассиром. Её звали Евгения Захаровна, по-русски, а на самом деле по-еврейски – Гея Звулоновна Хайтина. Деда звали Звулон. Хайтина – популярная фамилия. В интернете нашёл я десятки. С некоторыми вступил в контакт.

В Витебске перед войной мы жили на улице Оборонной. Своего дома у нас не было. Сейчас это отрезок улицы Правды, который идёт от улицы Ленина вниз к Двине. Там, где Профсоюзный центр, стоял домик. Жила семья Лазаревичей, с которыми дружим до нынешнего времени. У них был и дом, и флигель, этот флигель мы занимали. До самого отъезда в эвакуацию. Центр города, отцу было близко на работу ходить.

Когда наша семья – мама и четверо детей – покидали город, мама работала кассиром, у неё был полный сейф денег, а работники все рассосались. Кто-то убежал, кого-то срочно забрали в армию. Некому было сдать деньги, и она металась по городу, чтобы найти кого-нибудь, ответственного человека, кто взял бы у неё деньги и дал расписку. Из-за этого мы чуть не остались в Витебске. В конце концов, нашла оставшегося финансового работника из облисполкома, и тот принял у неё деньги.

Отца в первые дни войны призвали. Хотя у него был порок сердца. Он во время Гражданской войны заболел тифом, и это дало осложнение. Отца определили в истребительный отряд. Эти отряды формиро-

вались из людей случайных. Они скорее всего не столько истребляли немцев, сколько сами были ими истребляемы. Отец уцелел.

Спустя некоторое время отца перевели в артиллерию, и он служил артиллеристом до 1944 года, пока не был ранен тяжело, потом прошёл госпитали и вернулся к семье.

...В 41-м мать осталась с четырьмя детьми. Как выбраться из Витебска? Немцы уже рядом. У нас был друг семьи. Сын его работал на витебской ТЭЦ. Организацию вместе с оборудованием эвакуировали. Он нас пристроил в вагон, который был загружен оборудованием. Это первый проблеск моих воспоминаний. Какая-то большая машина, вроде кастрюли. Вероятно, динамо-машина – электрический промышленный прибор. На крышке этой машины наше семейство расположилось.

Только проблески памяти... Бомбёжка в дороге, когда старший брат Илья, схватив меня в охапку, потащил подальше от вагонов в какой-то овражек, чтобы спрятаться там. Илья был высокий крепкий парень, лыжник.

Моя старшая сестра на остановках брала меня за ручку и вела вдоль воинских эшелонов. Мы очень долго стояли. Естественно, воинские вагоны и военные грузы, солдаты, которые в этих вагонах находились, были первоочередными. Видя меня с сестрой, а я был хорошенький, белокуренький, с голубыми глазами, они нас одаривали частью своего пайка: сухарями, куски сахара давали. Сестра собирала эту дань.

После довольно долгого путешествия, недели две оно продолжалось, нашли мы себе пристанище – в Саратовской области, в Вольском районе, известном своими цементными заводами. В 25 километрах от Вольска стали на якорь. Совхоз «Большевик» №5 назывался посёлок. Поселили нас и ещё одну семью эвакуированных – польскую семью из Гродно, Сусанну Францевну Вишневскую, её сына Тадика – в одной крохотной комнатке, может быть, она была квадратных метров 12 или 14. В одном углу стояли кровати. Как на беду, мама заболела дизентерией. Можете себе представить, в каких условиях она болела, когда нельзя даже уединиться по нужде.

Мама и брат устроились на общие работы в совхоз. Илья работал на быках. Летом перевозил какие-то сельскохозяйственные грузы. А мама с лопатой в поле или с вилами работала. Илья был интеллигентный парень, воспитанный, но начал усваивать поведение местных юношей и их лексикон.

Сусанна Францевна однажды приходит и говорит маме: «Евгения Захаровна, я сейчас видела, как ваш Илья ехал на быках, перевозил что-то и матерился, как сапожник». Мама у него спрашивает, когда он вернулся: «Илья, что такое? Почему?» Он говорит: «Знаешь, мама, они другого языка не понимают. Они привыкли, что их по матушке. И если с ними нормально говорить они с места не сдвинутся».

Не скажу, что я голодал, потому что меня кормили в первую очередь, но кусочку хлеба и столовской порции каши перловой все были рады. Нас подкармливали в совхозной столовой.

Спустя некоторое время мама подружилась с местной продавщицей Фроловой Шурой. И, как разбирающийся в бухгалтерии человек, помогла ей дебет с кредитом сбивать в магазине, где она торговала в основном хлебом. Тут обнаружили местные власти, что мама понимает в бухгалтерии, а директором этого совхоза был человек по фамилии Шикин. Ещё молодой, с сильно повреждённой ногой. И назначил он маму заведующей молочным пунктом. Небольшое здание, в котором стоял сепаратор, приспособление для сбивания масла из сливок. Мама заведующей молочным пунктом работала до конца войны. Почему её назначили? Когда местные люди заведовали пунктом, половина продукции расходилась по родственникам и друзьям. У мамы родственников там не было, и она больше подходила на эту должность. Хотя нас, конечно, иногда подкармливала.

Совхоз был овощеводческий: выращивали дыни, арбузы, жгучий перец, огурцы, помидоры. Мама вдобавок устроилась агентом по заготовке овощей для районного центра Вольска. Приходили оттуда машины, мама получала от совхоза овощи и передавала их вольскому овощеторгу. Энергичная, умная женщина, которая должна была кормить четырёх детей и успешно это делала.

Брату, когда мы приехали в этот совхоз, было 17 лет. Он рвался на фронт, но мама умоляла его: «Видишь, как семье тяжело. Пока ты работаешь, хоть прокормить могу детей вместе с тобой. Одна я их по-настоящему не прокормлю». И он держался. Но когда мама получила работу в овощеторге, Илья поехал в Вольск и подал заявление в военкомат, чтобы пойти в армию добровольцем. У него близорукость была, а там миномётное училище. В училище старались брать людей с нормальным зрением. Илья попросил какого-то парня пройти обследование у окулиста вместо себя. По всем остальным статьям он был эталонный хлопец. Сильный, высокий, красивый. Его взяли в училище. Он начал учиться в начале 43-го года. Начиная с этого времени общались только письменно. Рассказывал, что получил благодарности за отличную лыжную подготовку, ещё какие-то благодарности. Где-то уже под конец учёбы написал с намёком – я этого не понимал, мать поняла, что у него был конфликт с кем-то, и ему выговор вынесли.

Я думаю, конфликт был связан с какими-то антисемитскими вещами. Кто-то обидел его, «жид» или что-то в этом роде сказал, а Ильюша был человек, который мог за себя постоять. Это отразилось на нём плохо, хотя он был отличником и всё такое прочее... Его отправили рядовым на ротный миномёт. А что такое ротный миномёт? Это маленький миномёт, где нужен один крепкий парень,

таскать плиту. Обстрел ведёт в непосредственной близости от окопов противника, то есть в поле его зрения. Миномётчики менялись буквально каждую неделю. Илья продержался несколько месяцев. В это время началось наступление наших войск на Украине.

В ноябре 1944 года пришла похоронка. Илья погиб. Мама плакала по ночам. Меня, казалось, из пушки нельзя было разбудить, но я просыпался от маминых сдавленных рыданий в подушку.

Отец вернулся к семье, когда мы ещё жили в эвакуации. Он приехал в совхоз на костылях. Был очень тяжело ранен в бедро, в спину. И хотя полгода провалялся в госпиталях, но излечен не был как следует.

Я его, конечно, не знал. Мне было три года, когда он ушёл на фронт, а тут уже семь... Мама его решила подкормить. Устроился он временно бухгалтером в совхоз. Был бухгалтер экстра-класса. Несколько месяцев работал. Заработал какие-то деньги и большой мешок пшена. Моя средняя сестра Мера отвезла этот мешок в Саратов, на базаре стаканами продавала пшено. Раскупалось не очень быстро, она снизила цену, и как только сделала пшено самым дешевым на базаре, к ней выстроилась длинная очередь, и за пару часов огромный мешок распродала.

Отец списался с Витебском. Город уже был освобождён, и его, естественно, знали по довоенной работе. Отец вернулся, и сразу ему дали в Керосинном переулке две комнатухи. Одна была кухня, а другая – крохотная спальня. Большую часть этой кухни занимала печь – грубка, как говорили у нас, и плита большая. Мы в эту квартиру, если можно так её назвать, спустя некоторое время вселились, вернувшись в Витебск в 47-м году.

Отец никогда и ничего не добивался: есть жильё – и хорошо, он был не нахрапистый, хотя и главный бухгалтер и ценный кадр. В этой квартире мы прожили, пока район не пошёл под снос много лет спустя.

Когда мы вернулись в Витебск, город лежал в развалинах. Улица Замковая – сплошные руины, дома, которые стояли, – коробки с проломами и обвалившимися потолками. Собор на площади тоже был разрушен, хотя стены в повреждённом виде оставались. Это уже позже местные власти его доломали.

В школу я пошёл в эвакуации и окончил там первый класс. В Витебске должен был продолжить учёбу. По улице Герцена была начальная школа №2. На высоком фундаменте, большой деревянный дом. Похоже, это был старый еврейский дом, приспособленный потом под школу. Пошёл во второй класс, учительницу помню хорошо – Варвара Васильевна Кичина. Она казалось мне весьма пожилой, хотя ей было на самом деле лет сорок. Эту школу я окончил. Не был круглым отличником, и не скажу, чтобы был очень примерным, но хорошо учился. В пятый класс пошёл уже в 18-ю школу, которая находится в начале Марковщины, возле 5-го Коммунального. Эту школу я окончил в 55-м

году. Тоже много воспоминаний, хороших и не очень, с этим периодом связано. В мои годы много было ребят переростков, которые во время войны не учились. Одноклассниками были дяденьки на голову или две головы выше нас. Я помню одного такого парня – Вася Пыльников. Высокий, крепкий. Учился в 4-м классе, а было ему лет 16 или около этого. Бывало, во время перемен мы выбегали во двор школьный, носились, натаптывали снега столько, что образовывался целый щит, который от оттепелей и дождей, когда подмораживало, превращался в монолит толщиной чуть ли не в метр. Весной Вася подряжался очистить двор. Брал лом здоровый, выходил на этот щит ледниковый, откалывал большущие глыбы. Мы любовались – Вася такой богатырь.

В те времена большая проблема была устроиться на работу. Я после школы работал на самой простой работе: на бетонном заводе на ДСК загружал транспортёр песком, щебёнкой, или на башне с бетоном, к которой подходят машины, в судоремонтных мастерских подсобником и т.д.

В стройбате отслужил три года. Там приобрёл строительные специальности. Хлебнул простого рабочего труда, поэтому понимаю простого работягу.

На телевидении и радиовещании я отработал 26 лет. Плюс работа в районных газетах – Лиозно, Чашники.

Старшая из моих сестёр Фрида умерла в 86 лет. Это было в 2013 году. Другая сестра, Мера, умерла пару лет назад, прожила 90 лет. Обе последние годы жизни провели в Америке, в эмиграции. Дело в том, что в Америку перебрались мои племянники.

Мама умерла на 91-м году жизни, в 1993 году.

Из большой витебской семьи я остался один. Но оставил потомство. Дочка Ася живёт в Санкт-Петербурге. Вышла замуж за очень хорошего и доброго человека. Родила дочку, мою внучку Ксюшу. Источник моей надежды и радости.

Я уже почти 50 лет женат на Галине Ивановне Шпаковской. Мы познакомились на профессиональной, так сказать, почве. Она приехала к нам на радио, на ТВ в Витебск практиканткой факультета журналистики. Осталась здесь, и мне удалось уговорить её выйти за меня замуж. Галя нашла себя в профессии, лауреат премии Союза журналистов «Золотое перо», ценили её, когда она работала на ТВ, в газете. Считаю этот брак счастливым.

Если моя короткая биография послужит кому-нибудь уроком, буду рад. Хотя человек должен найти и выполнить своё предназначение сам, сделать свои ошибки. Каждый должен прожить свою жизнь и не сожалеть о прожитых годах.

ВЫЖИВАЛИ, КАК МОГЛИ

В Витебской благотворительной организации «Хасдей Давид», которая помогает нам в работе над проектом «Дети войны вспоминают», мне коротко рассказали биографию Муси Ильиничны Лебедевой: довоенная Украина, Еврейская автономная область, жена лётчика, воинские части по всей большой стране от Приморья и до Беларуси... Я решил встретиться с человеком, у которой большого биография и совсем нелёгкая судьба (у кого она из того поколения лёгкая?).

Лебедева Муса Ильинична

Папа у меня с пятого года, мама – с тринадцатого. Илья Моисеевич Спивак, я даже не знаю, кем он работал. Мне было четыре года, когда началась война. Мама нигде не работала до войны. Двойра Яковлена Добрович.

Дедушка был раввин. Но я знаю, был в армии, говорили, воевал. У меня была старшая сестра 34-го года рождения, я – с 37-го. Началась война, мама была беременная.

Помню, что я лежала в больнице до войны, у меня почки больные были, я в два годика сбежала из больницы, такой был присмотр. Шла

Мы встретились в её скромной квартире. Я беседовал с женщиной, которая, несмотря на все невзгоды, на все жизненные обстоятельства, не только не обозлилась на мир, но сохранила, как мне показалось, доброту. И, не глядя на очень почтенный возраст, готова прийти по крайней мере, советами, на помощь.

– Как Вас зовут?

– Муса Ильинична. Сейчас я Лебедева, моя девичья фамилия Спивак. Я из Украины, город Черкассы, там родилась в 1937 году.

У меня мамин отец – дедушка – воевал ещё в Первую мировую. Яков Добрович.

маминого брата жена по Черкассам и смотрит знакомое платячко. Посмотрела – это я. Она взяла меня на руки и принесла домой.

У папы была большая семья. Он старший. Они с дедушкой построили дом на берегу Днепра. У папы было две сестры с семьями, все жили в этом доме, брат с семьёй и бабушка с дедушкой.

Папа у нас безграмотный был. Он всё время работал где-то. Приходил с одной работы и шёл по деревням, брал свой ящик на плечо со стеклами и шёл стеклить окна. Папа был очень хороший человек.

Папу забрали в первые дни войны, и этим же эшелонном, которым он уезжал уже из Черкас, уехали и мы в эвакуацию. Это было в 1941 году, в конце июня, наверное, 30-го, у меня как раз был день рождения. Киев бомбили, сразу же бомбили и Черкассы, там 200 километров разница.

Воинский эшелон уходил под Сталинград, прицепили один вагон с семьями мобилизованных, и мы доехала до Сталинградской области.

Это были, – вспоминает Муся Ильинична, – как их называли, скотские вагоны. Набили нас туда битком. Мы не успели даже ничего взять. Приехали на место. Началась бомбёжка.

Нас выбросили почти на ходу, потому что уже бомбили. Эшелон успел уйти, а мы остались, ранило мою сестричку, ей было семь лет. Темень такая, ничего не видно, бомбёжка, крики страшные – это был какой-то ужас. Рассеялось, самолёты полетели бомбить эшелон, тут раненых стали собирать, убитых. Кому как повезло.

Дали нам там домик. Брат мамин с женой, с нами не жили, но их тоже привезли, куда и нас.

Мама родила маленькую девочку. Девочка вскоре умерла от голода. Мама ходила копать траншеи, окопы. Это должны были делать все: и кто постоянно жил, и кто приехал, и здоровые, и больные, беременные и небеременные. Мама ходила – работала.

Бабушка, у неё был рак, вскоре умерла...

Её похоронили, и там рядом девочку Мерочку похоронили.

Папа погиб на фронте в 1943 году, уже немцев гнали из-под Сталинграда. Маме прислали похоронку с указанием места, где он похоронен – Запорожская область, остров Хортица.

Мы голодали, нам очистки от картошки носили местные. Малярией я заболела. Меня трясло. В 42-м году меня начало трясти, и трясло даже по возвращению в Черкассы.

Мы в 44-м вернулись. Нас украинцы не хотели принимать, но жители, которые уехали, все собрались, кого не убили, женщины с детьми, погрузились в эшелон, и эшелон этот шёл через Черкассы. Мы всё-таки поехали.

Жили в подвале, у нас ни квартиры, ничего не было, всё разрушили. Но дом наш остался, в дом вернулись папины родственники и они сказали: «Дора, будут нас сносить, потому что будут здесь

строить море Черкасское. Нам дали – мы деньги разделили на все семьи». И дали нам столько, сколько положено было.

Мама сняла комнату сразу. Мы там пожили немножко, больше денег не было.

– Мама пошла работать?

– Куда она только ни ходила. У неё семь классов было. Нам дали землю под огород. Мы с мамой шли на этот огород, и перед нами однажды взорвался мальчик на mine.

У мамы была знакомая в деревне, она туда сходила, ей дали семена, и мы посадили огород. Тут мы начали оживать. Мы были больные. У нас был ревматизм у всех троих.

С этого времени у десятилетней Муси началась взрослая жизнь. Дети, пережившие войну, очень быстро выросли. Они видели, что родителям, а в основном семье были неполные, мужчины не вернулись с войны, надо заботиться о том, как накормить детей, как не дать им замёрзнуть зимой. Дети были большую часть времени предоставлены сами себе. По разным дорогам они пошли в жизни. Но одно понимали все – рассчитывать можно только на самого себя.

– Мама завербовалась в Еврейскую автономную область. В 47-м. И с тремя детьми поехала туда в колхоз. И мы стали все работать в колхозе «22-я годовщина Октября», – продолжает рассказ Муся Ильинична.

– Далеко от Биробиджана?

– 120 километров. Был сельсовет в Бабстово, за 5 километров. Я в Биробиджане никогда не была. С братом ездила к главному врачу. Брат Шая, или Саша ушёл в 13 лет из дома на дебаркадер, что-то на реке Амур. Его взяли к себе моряки, и до армии он работал с этими людьми. Они его полюбили, как своего сына. Мама его искала, нашла, но в дом он не вернулся. Начал самостоятельную жизнь.

Мама второй раз вышла замуж в 1951 году. Он чуваш. Уже 17 лет жил в Еврейской автономной области. У него первая семья умерла от какой-то болезни. Андрей Иванович. Родила ему сына.

Он был неплохой человек. Мы с ним заготавливали дрова, ездили в сопки, пилили, кололи. Я в колхозе с 12 лет. Работала прицепщицей на тракторе.

С нами приехало на Дальний Восток ещё несколько еврейских семей. Но они все уехали. Нам даже дом не дали. Нам обещали, что там построили дома специально для поселенцев. То, что нам показали, это был не дом, а строение из кольев собранное, и огромные щели, надо было их чем-то загородить, засыпать землёй, чтобы тепло было. А зима же началась.

Председатель колхоза был хороший. Фронтвик. Без руки. У нас тоже папа погиб на фронте. Он посмотрел: мама, трое детей. Куда-то надо определить. Он попросил Андрея Ивановича – возьми. Ты жи-

вёшь один, возьми эту семью. И так мама осталась с ним. Они пожилы только 13 лет. Вите было 13 лет – сын от него, и он, Андрей Иванович, умер. У него была чахотка. И я приехала, у меня был туберкулёз.

Мама не такая работающая была. Она нянчила мальчика, по дому что-то делала.

Отчим сказал, когда у него родился сын: «До 16 лет твои дети живут с нами, а потом они пусть уходят». Андрей Иванович был пастухом в колхозе, а у себя на родине пчёл выводил. Здесь, в сопках, колхоз ему ульи купил, и он такое пчеловодство развил, что колхоз стал подниматься. Но мы должны были выплатить ссуду колхозу, мы переселенцы. Дали нам корову, свинью, завели мы кур, стали оживать, работали как ишаки. Мы не учились, мы работали. Школа была за 5 километров, но ходили туда, но было не до учёбы. Мне дали справку, что я закончила семь классов.

Это сейчас многим родителям кажется, что 16 лет – ещё ребёнок. В те годы многое было по-другому. Отчим, как бы хорошо он ни относился к детям, прокормить всю семью, вероятно, был не в состоянии. Пришло время – идите на свои хлеба. Такие были суровые законы у того времени.

В 16 лет я ушла... Воинская часть стояла в Бобстове, сестру взяли туда телефонисткой. В 16 лет она ушла из дома. И я ушла из дома. Уехала в Комсомольск-на-Амуре. К нам приезжала молодёжь – комсомольцы и спрашивала: «Что вы тут сидите?». Я подумала и говорю: «Мама, я поеду в Комсомольск-на-Амуре». Стала газосварщицей. Платили там что лучше. Мне нужно была самой о себе думать. Я не могла ни маму, ни Андрея Ивановича ни о чём просить. Мы выживали сами как могли. Меня, между прочим, устроили эти ребята, которые приезжали к нам в колхоз. Приехала туда, а там был комсорг, он приезжал в наш колхоз.

Пошла в 8-й класс в вечернюю школу. Если я была на первой смене, значит, я ходила в школу – на вторую смену, а если на вторую смену – значит, в школу ходила на первую.

Работала, работала, чтобы заработать... Я была 47 килограммов.

Я не одна такая была. Нас было 8 человек в комнате в общежитии. Мне общежитие дали сразу, что было большое дело. Ребята видели, какие мы зачуханные. Мы в колхозе и горшочки делали из навоза, и сажали всё, и работали, как ишаки. Куда бы нам ни сказали, мы шли безоговорочно. Я и дрова рубила, и пилила, я всё могла, я белила, всё делала.

Газосварщицей год отработала.

Когда уезжала от мамы, я познакомилась с лётчиком. Моя приятельница носила им молоко. Замораживали лепёшки с молоком, замороженные носила, там военные жили. И она: «Муся, давай сходим со мной, тебе же тоже надо деньги. Возьмут люди, пойдём». Я пошла с ней. Ребята идут – офицеры. Она говорит: «У меня тут знакомая есть»,

и на меня показывает. Они как увидели меня, я была очень красивая, стали знакомиться. Я даже маме не сказала, что познакомилась.

Он писал мне, я не отвечала.

Когда приехала в отпуск, он увидел и сказал: «Всё». Лётчики никто на местных не женился. А этот парень как пристал ко мне. Хороший и симпатичный...

На краю земли встретились парень с девушкой. Казалось бы, совсем разные, и объединяла их, пожалуй, только молодость. Но чувства взяли верх, и образовался союз. Зная дальнейшую судьбу этих людей, можно о многом рассуждать. Но молодость смотрит только вперёд и видит перед собой только одну, как им кажется, дорогу, ведущую к счастью.

– Василий Михайлович Лебедев. Удмурт. Из Ижевска. Папа у него был заместителем министра в то время в Ижевске. Мы поженились в 1955 году. Я уже приделалась немного, даже себе пальто купила, старалась, чтобы не выглядела хуже других.

Сделал предложение. Я согласилась. Он сказал, что съездил в отпуск: «У меня была девушка, я не женился, ждал тебя...» Я пошла к маме. Говорю, вот такое дело. Мама: «Ты что, не нужно тебе за него замуж». Она хотела, чтобы я за еврея вышла. А там евреев не было.

Мы расписались 22 апреля 1955 года. В сельсовете в Бобстове. У меня был порок сердца, ему говорила акушерка: «Зачем Вам такая больная девочка? Столько здоровых». Он настаивал на своём. И мама сказала: «Нет». И всё равно я пошла, мы расписались.

Мама с дядей Андреем забили поросёнка. И я сразу же уехала, в этот же день он меня посадил на поезд, чтобы я поехала и уволилась, потому что у него отпуск. Я поехала – уволилась, а уже стол был накрыт. Он собрал своих друзей, у меня были там из колхоза две девочки, из Комсомольска приехала тоже одна. Мы сорок пять лет прожили.

В 1956 году у меня родился Юра. Он в 2021 году заболел ковидом и умер.

Через год воинская часть переехала в Приморский край. По стране должны были уволить 1 миллион 200 тысяч военных. Помните это время? Мы думали, Васю тоже могли уволить. Но он был очень хороший лётчик. Его не уволили, а предложили, он уже был командиром корабля на Дальнем Востоке, в Витебск правым лётчиком.

Конечно, он согласился. Через год он снова стал командиром.

Потом год был в Йемене, учил там местных летать.

Вернулся в Витебск, я уже родила второго – Игоря.

Конечным пунктом маршрута этой семьи стал Витебск. До этого они ни разу здесь не бывали и даже редко слышали об этом городе. Но судьба военных семей, особенно в те годы, была, что называется «на колесах». И хотя поначалу и в Витебске не всё складывалось легко и гладко, но город им понравился. И стал для них своим.

– Мы приехали сюда в 1970 году на Новый год, 1 января. Жили на частной квартире, потом перешли в общежитие. Юре было 4 года. Вася уехал в Йемен. Меня даже из роддома некому было забрать. Прислали из части офицера. Сказала ему, где что лежит, он поехал, забрал меня и привёз домой. Когда старшему исполнилось три года, я пошла работать в универмаг, меня взяли младшим продавцом.

Жена одного офицера говорит: «Муся, переходи к нам в гор-промторг». Построили новый магазин «Детский мир». И я туда пошла работать. Проработала 13 лет.

Детские болячки никуда не ушли: и порок сердца, и всё... Сказалось с годами. Вынуждена была на какое-то время оставить работу. Потом пошла на завод часовых деталей – ученицей штамповщицы. Отработала восемь лет. И случилась беда. Всегда хорошо выглядела. Пошла к врачу накануне. Мне было очень плохо. «Что Вы придумываете? Посмотрите на себя, как вы выглядите. Я у Вас ничего не нахожу», – сказал врач.

Я вышла на смену. Через два часа у меня приступ. Забрали в больницу. Ничего у меня не находили. Месяц там держали. Выписывают меня. Васе говорят: «Пусть она всё кушает, не отказывайте ни в чём. Она не жилец уже».

Приходил профессор из мединститута. Он подошёл ко мне, когда меня начали выписывать: «Если Вы дадите согласие, что не против операции, мы будем её делать». Они делали мне операцию семь с половиной часов, с пороком сердца, между прочим.

Приехала мама из Черкасс. Больше я к врачам не ходила. И работала на заводе. У меня 32 года стажа, и после пенсии я ещё 6 лет работала. Сейчас мне 87 с половиной лет.

Сложная жизнь Муси Лебедевой. Рано умер муж, потом умер старший сын – её главная опора в жизни. Но она достойно переносила и переносит все тяготы, которые посылает ей судьба. О Мусе Ильиничне заботятся внуки, особенно, когда её подводит здоровье. Витебская благотворительная организация «Хасдей Давид» оказывает помощь. Муся Ильинична старается держаться и вспоминает чаще о хорошем.

– У меня две внучки от старшего сына, – сказала Муся Ильинична, показывая фотографии из семейного альбома. – Одна имеет три высших образования – она заместитель директора фабрики «Марко». Вторая внучка закончила технологический институт и педагогический. Работает на мясокомбинате. Правнук закончил Белорусский государственный университет, ему 24 года, физик-компьютерщик.

У младшей внучки, ей 38 лет, сыну 15 лет будет в этом году, а девочке будет 9.

– Дай Бог Вам здоровья, Вашим внукам и правнукам, – сказал я на прощание Мусе Ильиничне.

Аркадий ШУЛЬМАН

СИРОТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Их было очень много. Детей, потерявших своих родителей, либо самих потерявшихся в суматохе и неразберихе войны. Сегодня уже никто не скажет, сколько сирот и беспризорников в те годы бродило по стране. Есть разные цифры, и эта статистика пугает. Чаще всего говорится, что их было более шестисот тысяч, есть даже более точная цифра – шестисот тысяч семьсот восемьдесят. Однако в Центральном адресно-справочном детском столе в Бугуруслане Чкаловской области, в сорок пятом, на учёте уже стояло около двух с половиной миллионов детей, которые разыскивали своих родителей или родственников.

Ириада Сергеевна Коханец

Но даже и эта цифра далеко не полностью отражала страшные масштабы детей-сирот, появившихся в стране в военные и послевоенные годы. Как ни странно, но после войны их количество не только не снижалось, но наоборот постоянно росло. Причиной этого, конечно же, были голод, болезни и повсеместная разруха. Прекратился этот рост только к середине пятидесятых.

В крайне сложных и ограниченных войной возможностях государство этой проблемой занималось серьёзно. По всей стране, и в первую очередь на освобождённых от немцев территориях, создавались детские дома. Их открывали повсюду – в больших и малых городах, в посёлках и даже в деревнях, а в обустройстве, как правило, принимали самое активное участие местные органы власти, предприятия и колхозы. Ещё в сорок третьем только органы власти, предприятия и колхозы открыли сто двадцать детских домов, а в пятидесятом их в стране уже было более шести с половиной тысяч.

В первые дни войны сиротой осталась и наша героиня Ириада Сергеевна Коханец, ей тогда было три года. Появилась на свет она в Витебске, в семье военного врача Сергея Ивановича Булаха. Сам он был родом из деревни Волосовичи, что в двадцати километрах

от Лепеля. Когда-то это было глухое захолустье. Сегодня рядом с деревней проходит трасса Лепель–Орша, а ещё в семидесятых годах весной и осенью добраться туда можно было только на тракторе.

Мать Ириады была из Витебска, еврейка по национальности, звали её Вера, работала где-то в торговле. Её девичья фамилия, по неточным сведениям, была Незова, о каких-либо других её родственниках ничего не известно. В архиве удалось выяснить о Незове Моисее Гиршевиче, который жил до войны в Витебске, работал токарем на заводе им. Коминтерна и был расстрелян в тридцать седьмом по сфабрикованному делу, якобы за связь с польской разведкой. Имел ли он какое-то отношение к Вере, неизвестно.

Жили они на Комсомольской улице в доме номер тридцать шесть. В семье были две дочки – кроме Ириады ещё сестра Зина, старше её на два года. В первые же дни войны отец ушёл на фронт.

Уже в июле 41-го немцы, сразу после того как заняли город, стали хватать евреев и сгонять их в гетто. Вера оставила детей соседке Ольге, а сама ушла в Волосовичи, к родителям мужа, выяснить у них, сможет ли она с детьми переждать войну в деревне. Никто в те дни даже не предполагал, что эта война продлится ещё долгих четыре года, все считали, что она закончится скоро, максимум через несколько месяцев.

Ольга детей спрятала в сарае. Девочкам было страшно, и они плакали, на это могли обратить внимание посторонние. Когда тётя Оля в очередной раз принесла им хлеб, она припугнула их: «Сидите тихо, а то вас найдут и в печке спалят». Просто поразительно, насколько эта её страшилка оказалась пророческой – тогда, в 41-м, никто ещё не знал и не слышал о страшных печах нацистских концлагерей.

В Волосовичах родители Сергея – Иван Егорович и Ефросинья Устиновна – в один голос заявили, что примут у себя и постараются спрятать от немцев и невестку, и внучек. Вера вернулась в Витебск и забрала дочек. Сегодня это трудно себе представить, но весь путь до Волосовичей, более ста километров, ей с двумя маленькими детьми пришлось преодолеть пешком. Однако даже здесь, в захолустной деревне, вдали от Витебска скрыть национальность оказалось не просто – там многие знали, что Сергей женился на еврейке, и вскоре нашёлся «доброжелатель», который доложил об этом в местную управу. К Булахам прибежала соседка предупредить, что к их дому направляется патруль, но было уже поздно, через минуту в коридоре послышался топот немецких сапог. Они увели Веру на глазах у дочерей, и больше дети свою мать никогда не видели.

Трудно было бы предположить, что на этом всё закончится, и действительно, в следующий раз к ним пришли уже за детьми. Зина от испуга упала с кровати, а Ириаде тот момент тоже запомнился на всю жизнь. Эта жуткая картина ещё и сегодня стоит у неё перед глазами.

Девочки плакали и дрожали, вжавшись в стенку, а перед ними бесстрастно стояли немецкие солдаты с автоматами наперевес. Деду с огромным трудом, с просьбами и увещеваниями, всё же удалось убедить их, что девочки белоруски, и никакие не еврейки. Поверив ему на сей раз, немцы ушли. Спустя какое-то время немцы снова явились к ним в дом, как и в прошлый раз, они пришли за детьми. Ивану Егоровичу опять же удалось их как-то уговорить, только теперь он уже реально понимал, что в очередной раз так просто не отделается. Той же ночью, прихватив с собой паспорт Сергея, в котором была записана национальность – белорус, а в графе «дети» – двое его дочерей, он отправился в лепельскую комендатуру.

Встретили его там, мягко говоря, без особой радости – поначалу избили, выбили глаз, но в конце всё же выдали документ, подтверждающий, что его внуки Ириада и Зинаида белорусской национальности. Так девочки остались живы и дожили до конца войны, а Иван Егорович умер в сорок пятом из-за полученных в Лепеле побоев.

У Булахов была хорошая семья. Вместе с женой они вырастили и воспитали пятерых детей – четыре сына и дочку. Двоих сыновей унесла война. Сергей, отец Ириады, погиб в сорок третьем на Украине, в бою у деревни Серебрянка Лисичанского района. Внук Ириады Сергеевны впоследствии нашёл его имя в «Книге памяти». Один из братьев Сергея умер от ран после войны, другой, танкист, прошёл всю войну, был неоднократно ранен, горел в танке, но остался жив, сейчас живёт в Ростове-на-Дону, ещё один, уже после войны, работал директором Борисовской спичечной фабрики. В деревне с матерью осталась только их сестра Ирина. Она всю жизнь проработала в колхозе, замуж так и не вышла. Такова, к несчастью, была участь многих послевоенных женщин, особенно в деревнях, где мужей для них практически уже не было, все они остались лежать на полях войны, где-то далеко от их родного дома.

В сорок седьмом Ириаду и Зину определили в детский дом, по крайней мере, там они были ухожены и накормлены. Тем более что находился он в соседней с Волосовичами деревне Веселово.

Школа-семилетка в Веселово была общей, как для детдомовских, так и для деревенских детей, и именно в ней Ириада подружилась со своим будущим мужем – деревенским мальчишкой Толей Коханцом. Через семь лет Ириаду перевели в Бочейковский детский дом, поскольку там была школа-десятилетка, но его вскоре расформировали, и десять классов она заканчивала уже в Чашникском детдоме.

Ещё во время войны Ириада серьёзно покалечила ногу, рана на ней постоянно кровоточила и не заживала. Именно поэтому она не смогла поступить в институт – не прошла комиссию по состоянию здоровья. В Витебск её привезли сотрудники детдома. Они устроили её на работу в артель инвалидов, сняли квартиру на Песковатике, на 3-й Линии,

выдали тридцать рублей и оставили дальше жить уже самостоятельно.

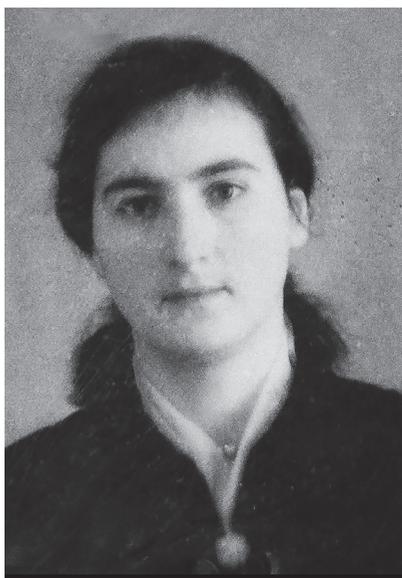
Инвалидных артелей в пятидесятые в Витебске было несколько, та, в которую устроили Ириаду, находилась на 1-й Краснобригадной. Этот дом из красного кирпича и сегодня стоит рядом со Смоленским рынком.

Чтобы понять, что в те годы представляли тридцать рублей, приведу цены того времени. Мясо – двенадцать рублей килограмм, сливочное масло – двадцать пять рублей килограмм, сахар – девять рублей килограмм, молоко – два рубля за литр, буханка хлеба – полтора рубля и бутылка водки – тридцать рублей. И это всё при средней зарплате того времени в пятьсот рублей.

Инвалидная артель специализировалась на пошиве женской верхней одежды. Ириада быстро освоила профессию швеи и вскоре уже получала собственную зарплату. Кроме этого ей помогали по сути чужие ей люди. Куратором Чашникского детдома в пятидесятые был Витебский мединститут. Его преподаватели, Комарова Татьяна Кирилловна и завкафедрой биологии Зубина Эсфирь Михайловна всячески поддерживали её, делали подарки, она бывала у них в гостях. Эсфирь Михайловна показала её тогда ещё молодому, но талантливому хирургу, ставшему впоследствии в медицинском институте завкафедрой травматологии и военно-полевой хирургии, Василию Алексеевичу Железняку. Спустя некоторое время после операции, когда нога зажила, Ириада начала нормально ходить.

Через два года Анатолий пришёл из армии, и они поженились. У них родились две дочки. Артель инвалидов вскоре стало обычным ателье, в котором Ириада проработала до самой пенсии. Активная женщина много занималась общественной работой, всегда была на виду.

Старшая дочка впоследствии закончила пединститут, сейчас живёт и работает в Подмосковье. Младшая закончила ветеринарный институт, она осталась в Витебске. Ириада Сергеевна сегодня живёт одна в квартире на улице Горбачевского, ей восемьдесят шесть лет. У неё много внуков и правнуков, они часто навещают её.

Ириада Коханец после школы

ПРОЕКТЫ, КОТОРЫЕ НАМ ВЫСТРАИВАЕТ ЖИЗНЬ

Когда началась война, Майе было всего два года, и всё, что в эти тревожные дни и в последовавшие за ними военные годы происходило в её пока ещё маленькой жизни, запомнилось, в основном, со слов отца и матери. За исключением, вероятно, каких-то отдельных моментов, которые оставили в памяти ребёнка наиболее яркие и неизгладимые впечатления.

Майя Наумовна Щербаковская, 2010 г.

Родилась Майя в Витебске в обычной еврейской семье. Её мама, Рахель Залмановна Райкина, родом из Шумилино, была дальней родственницей Аркадия Райкина. Но это выяснилось гораздо позже, когда её младший сын, которого она родила в сорок втором в эвакуации, жил в Москве. Его дача в Раменском располагалась рядом с дачей дочери Аркадия Исааковича Екатерины, и у него с Катей сложились дружеские отно-

шения. Майя, когда бывала в гостях у брата, тоже встречалась с ней, и однажды в разговоре они случайно обнаружили, что в их родословной были общие родственники, которые когда-то жили в Полоцке.

Рахель закончила в Витебске медицинский техникум и работала медсестрой в больнице фабрики «ЗИ». До войны в этой больнице проводил операции известный в городе хирург Александр Яковлевич Митрошенко, и Рахель выполняла обязанности операционной сестры.

Отец Майи – Наум Григорьевич Щербаковский – был родом из Сиротино. Он, в отличие от супруги, не мог похвастаться столь знаменитыми родственниками, зато сам в городе был человеком далеко

не последним. Работал Наум в системе потребкооперации и занимал должность заместителя председателя Облпотребсоюза.

Перед войной у них уже было двое детей. Кроме Майи – ещё сын Гриша, он был старше её на четыре года.

В начале войны отца вместе с его сослуживцем, которого по воспоминаниям Маины Наумовны, звали Александр Иванович, командировали в Уфу – отвезти в тыл документы Облпотребсоюза. Вместе с ними отправились в эвакуацию их семья и ближайшие родственники. Путь был неблизкий – вначале поездом, затем – на барже по Каме и Белой.

Дорога эта стала для людей тяжёлым испытанием – не было продуктов питания, отсутствовали какие-либо условия для нормальной жизни. Рахель была беременной, и по дороге у неё случился выкидыш.

Майе хорошо запомнился дом, в котором они поселились в Уфе. Даже его адрес – улица Пархоменко, 198. Сейчас на этом месте находится деловой центр. В их временном жилище было две комнаты, одна большая, другая поменьше. В большой стояла русская печка, за которой без каких-либо перегородок было что-то вроде кухни. И в этих двух комнатах в необустроенных и стеснённых условиях ютились все приехавшие из Витебска женщины вместе со своими детьми. Кроме семьи Рахели там жила её сестра Лиза, которая родила вскоре после их приезда, сестра её мужа, жена Александра Ивановича – Мария Осиповна с сыном, усыновлённым испанским ребёнком, и её сестра из Ленинграда Вера Осиповна с уже большими дочкой и сыном, который вскоре ушёл на фронт. Вера Осиповна уехала из Уфы первой, зимой сорок четвёртого, сразу после снятия в Ленинграде блокады. Нетрудно догадаться, почему: тогда в Уфе в сорок первом сложилась эта своеобразная коммуна, и она была сугубо женской. Покинув родные дома, оставшись без самых необходимых вещей, они вынуждены были в чужом и незнакомом месте объединиться и стать одной семьёй. Все их мужчины в это время воевали и проливали кровь на фронтах Второй мировой. В сорок четвёртом стали возвращаться раненые, демобилизованные мужчины.

Дом располагался в большом, огороженном забором, дворе. В этом же дворе стояли ещё два дома, в одном из них жили русские, в другом – татары. А в самом углу двора держали собак, они были огромные и злые. Их отгораживала толстая металлическая решётка, и всякий раз, когда кто-то проходил мимо, они с рычанием и лаем бросались на неё. В том же углу, рядом с собаками, находился туалет, и когда маленькой Майе приходилось ходить в него, нужно было каждый раз идти мимо собак, и ей было очень страшно.

С одной стороны двора, сразу за забором, был глубокий овраг, в нём находился колодец, из которого брали воду. Майе этот колодец

казался огромным. С другой его стороны проходила дорога, она поднималась в гору, где располагался обнесённый высоким забором и колючей проволокой лагерь военнопленных. И когда по этой дороге проходили колонны пленных немцев, они, никого не стесняясь, громко пукали. Майю, конечно же, это шокировало и, возможно, поэтому хорошо запомнилось.

Ещё у ребёнка на всю жизнь врезался в память постоянный, никогда не прекращавшийся голод. Рахель работала дома, раскрашивала шторы, но зарплаты за эту работу едва хватало, чтобы свести концы с концами. Она регулярно сдавала кровь и за каждую сданную порцию получала две тонко отрезанные краюшки белого хлеба и два кусочка сахара-рафинада. Она их отдавала детям, и Майя с Гришей каждый раз стояли у окна и ждали, когда придёт мама и принесёт этот подарок.

В то время, когда жители Уфы, в особенности эвакуированные, голодали, военнопленных в лагере кормили неплохо. Благодаря этому у детей в городе тоже появился свой заработок – мальчишки собирали траву, сушили её, затем мелко рубили. А после этот самодельный табак выменивали у немцев через дырки в заборе на селедку.

Отец на фронте в самом конце войны заболел тифом. В полевой госпиталь его доставили в одной машине с тифозными трупами, и там врач, маленькая щуплая женщина, осматривая тела для констатации смерти, неожиданно обнаружила, что он ещё дышит. Она выходила его, поставила на ноги, а после отправила в тыл долечиваться и восстанавливаться после болезни. Выписали его из госпиталя в начале мая, откуда он сразу отправился к родным в Уфу и встретился с ними в самый знаменательный день – 9 мая 1945 года.

В то утро Майя проснулась и увидела через открытую дверь сидящего за столом отца, он о чём-то разговаривал с мамой. Мать, заметив, что дочка проснулась, подошла к ней, обняла и сказала: «Доченька, война закончилась». «Ну и что?» – ответила Майя, не поняв и не оценив этого события, – ей было тогда всего пять лет.

В Уфе Наум Григорьевич устроился на работу по специальности, пошёл работать в потребкооперацию. Жизнь в семье наладилась, но спустя какое-то время он всё же начал собираться домой в Витебск. Его не хотели отпускать, предлагали должность замминистра Роспотребнадзора, но его тянуло на родину, и несмотря на все уговоры, он уволился и уехал. А спустя пару месяцев отправил за родными своего сотрудника Гудковича, и тот перевёз семью в Витебск.

Они поселились на улице 5-й Винчевского, это в районе нынешнего проспекта Черняховского, который в то время назывался улицей Винчевского. Рядом был военный аэродром, там базировался воздушно-транспортный полк № 339 Витебской дивизии, стояли самолеты ЛИ-2 и американские «Дугласы». Домик, половину которого они заня-

ли, был на двух хозяев и принадлежал Облпотребсоюзу, а в 1950-м им уже выделили отдельную двухкомнатную квартиру в центре на Урицкого. Дом ещё не восстановили после войны, вместо лестниц на второй этаж они поднимались по деревянным трапам, а из двух смежных комнат заняли заднюю, в передней ещё не было даже пола.

Мать пошла трудиться в детскую поликлинику, где проработала всю жизнь до пенсии, отца вскоре перевели директором птицекомбината, сейчас это филиал Витебской бройлерной фабрики на улице Ленинградской.

В 1953-м началось печально знаменитое «дело врачей», которое переросло в прокатившуюся по всей стране антисемитскую кампанию. В газетах и по радио евреев обвиняли в смертных грехах, снимали с руководящих должностей. Наума Григорьевича эта волна почти не затронула, что называется, пронесло. Его предупредил замминистра мясной и молочной промышленности Иосиф Митрофанович Кардович. Сам он был белорус, но родился в Друцке – маленьком еврейском местечке – и свободно разговаривал на идиш. С глазу на глаз он сказал отцу: «Слушай, Наум, не разводи вокруг себя “хедер” и не высовывайся, ты же видишь, какая сейчас обстановка». Но «хедер» вокруг Наума к тому времени уже сложился – его главного технолога звали Бэла Мироновна, а фамилия зама была Левин. Не высовываться тоже не получилось – ко времени его прихода птицекомбинат был далеко не в лучшем состоянии, но благодаря личным усилиям Наума Григорьевича и усилиям команды быстро вышел в передовые предприятия области.

И всё же в какой-то степени ситуация его коснулась. На случай возможного обыска он провёл дома ревизию. На книжной полке стояла книга Шолома Алейхема на идиш. Наум Григорьевич любил этот язык, а ещё очень любил эту книгу. В квартире топилась круглая, облицованная жестью печка, называемая в народе «бурак». Наум сел напротив, открыл дверку и молча начал вырывать из книги листы и бросать их в огонь. По его щекам текли слёзы, на него страшно было

Родители Майи Наумовны, 1990 г.

смотреть. С обыском к ним так и не пришли, но и книги не стало.

У Наума Григорьевича не было высшего образования, была за плечами партшкола, всевозможные курсы повышения. Тем не менее его всю жизнь выдвигали на руководящие должности, «бросали» на отстающие участки, назначали на объекты, которые требовали восстановления, предприятия, в которых надо было наладить производство. И каждый раз он своё назначение оправдывал – успешно поднимал, налаживал и восстанавливал.

Можно было подумать, что ему во всём просто везло. Но причина, конечно, была в другом – у него от природы были хорошие организаторские способности, а ещё способность видеть ситуацию с разных сторон. Ему многие завидовали, считали, что на таких должностях он, безусловно, имел какую-то личную выгоду. В действительности Наум никогда в жизни не использовал служебного положения и ничего не присваивал. И объяснял это довольно просто – из двух категорий – «хорошо жить» или «спокойно спать» – он всегда предпочитал последнее.

В конце пятидесятых три отстающих хозяйства в Городокском районе объединили в один совхоз с центром в Стайках, директором назначили Наума Григорьевича. Жена к нему ехать отказалась – у неё была работа, дети ходили в школу. За короткий срок он вывел совхоз в передовые, а сразу после этого кому-то в районном центре очень захотелось занять это пригретое место. И, как обычно в таких случаях, наверх посыпались кляузы и доносы, которые, к счастью, никаких последствий не возымели.

Вскоре в Хайсах началось строительство птицефабрики, директором назначили опять же Наума Григорьевича. А после того как её сдали в эксплуатацию и наладили производство продукции, его перевели заместителем председателя Облпотребсоюза, откуда он благополучно вышел на пенсию.

После возвращения в Витебск Майя пошла в школу. Вначале это была СШ № 13, находилась на улице Богдана Хмельницкого. Тогда эту часть улицы люди по привычке ещё называли Сенной площадью. Когда восстановили СШ № 1, весь их класс перевели в неё. Школа располагалась в здании из красного кирпича, которое и сейчас стоит на улице Ленина рядом с «Промстройбанком». В то время эта часть улицы называлась Гоголевской. Когда они получили квартиру, Майя перешла СШ № 10 и в ней проучилась до десятого класса.

Из этой школы Маина Наумовна помнит многих учителей: классную руководительницу Клавдию Юлиановну, математиков Сергея Ивановича и Тамару Леонтьевну, Веру Григорьевну – учительницу географии, директора школы Озерова, Лидию Андреевну. Помнит и одноклассников, после окончания школы они дважды организовывали встречи – через тридцать пять и через пятьдесят лет. Ещё в школе у них

сложилась компания – Зяма Гиндин, Миша Милькин, Лиля Константинова, Колоницкий, Шульга – всего семь человек, они продолжали дружить всю свою жизнь до самой старости.

Закончив школу, Майя устроилась на только открывшийся завод радиодеталей

и поступила в строительный техникум на заочное отделение. В пятидесятые ещё был такой в Витебске, он располагался в здании сегодняшней епархии. После его окончания пошла работать в проектный институт, тогда он назывался «Витебскоблпроект», сегодня это «Витебскгражданпроект». Вышла замуж за Петра Липинского. Мужа после окончания военного училища направили служить в Гродно. Родители собрали им, по возможности, необходимые для жизни вещи, в том числе мебель – в шестидесятые пока ещё всё это было в дефиците, отец нанял машину и помог молодым с переездом.

В Гродно Майя тоже работала в проектном институте. Через несколько лет Пётр заболел, его комиссовали, и семья вынуждена была вернуться в Витебск. Они получили квартиру на Гагарина, Майя снова устроилась в «Витебскоблпроект».

Свой карьерный путь в институте она прошла от простого проектировщика до руководителя группы и проработала там до самой пенсии.

С Петром у них жизнь не сложилась, они развелись. Сегодня он живёт в Израиле. Их сын, тоже строитель, работал начальником управления «Витебскреставрация», в конце девяностых уволился и стал частным предпринимателем. Сейчас делает уникальные проекты, удостоен в Витебске звание «Человек года».

Внучка закончила университет информатики и радиоэлектроники, вышла замуж, у них была квартира в Минске. Сейчас они с мужем работают в Соединенных Штатах.

Маина Наумовна в настоящее время живёт в той самой двухкомнатной квартире на улице Урицкого.

Одноклассники, пятьдесят лет после школы

НАШЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ В ДЕТЯХ, ВНУКАХ И ПРАВНУКАХ

Марию Алексеевну, или Миру Ароновну Ковалёву, я знаю уже лет двадцать. К 60-летию освобождения Беларуси брал у неё интервью как у малолетней узницы фашистского концлагеря, чудом избежавшей расстрела.

Многое изменилось с той поры, но она по-прежнему энергичная, гостеприимная, и новая встреча с ней, как и прежде, оставила хорошие воспоминания.

Мы беседуем в шумилинской квартире Миры Ароновны Ковалёвой.

– 65 лет Вы были Марией Алексеевной, потом решили вернуть себе имя и отчество, которые у Вас были от рождения – стали Мира Ароновна Ковалёва. Что Вас подвигло к этому?

– Чтобы ответить на Ваш вопрос, надо рассказать обо всей своей жизни. Мне 85 лет, так что готовьтесь слушать.

Я родилась в городе Ленинграде. У меня мать была не от рождения, но глухонемая. Бабушка отправила её из деревни в Дубровенском районе Витебской области к брату в Ленинград. Она стала учиться в школе для глухонемых детей. Маму звали Капелько Татьяна Алексеевна, – рассказывает Ковалёва. – Папа родился под Смоленском. Его звали Арон Рувимович Злотников. Он родился в двойне. Девочка была и мальчик. Он был глухонемой от рождения. И его родители тоже отправили в Ленинград учиться и получать профессию в школу для глухонемых детей. Он получил профессию сапожника, мама – профессию швеи.

Накануне Великой Отечественной войны моя мама Татьяна Капелько с братом, он был старше меня, и со мной, приезжает к роди-

телям в Дубровенский район. Кто же тогда знал, что, с одной стороны, этот приезд спасёт нам жизнь, мы не остались в блокадном Ленинграде, а с другой – заставит молодую женщину и нас, её детей, мало понимавших, что происходит вокруг, пройти по таким кругам ада, что никому не пожелаешь.

Мама приезжает 12 июня 1941 года. Встречает её в Витебске брат – Пётр Алексеевич. Так мы попали в Дубровенский район в деревню Лобаны к родителям мамы.

Они белорусы. Я по отцу – еврейка, а по маме – белоруска. От рождения меня назвали Мира, а по отцу я – Ароновна.

– Дед воевал на фронте? – спросил я.

– У нас все мужчины семьи Капелько воевали, никто не прятался, – отвечает Ковалёва. – Четверо были на фронтах. Дядя Пётр был подпольщиком, дядя Миша воевал в партизанах. Про Капелько Петра в книге «Память. Дубровенский район» написано, что он расстрелян гитлеровцами. Из-за них нас арестовали: меня, брата, маму, бабушку Зину.

Моя родная тётя всего на два года старше меня, дядя старше меня на четыре года. В доме жили моя мама, бабушка и я с братом. Нас преследовали как семью фронтовиков, подпольщиков, партизан, и плюс ещё мои и брата еврейские половинки.

– Откуда об этом знали? – спросил я.

– Мира – моё имя. Это деревня. В деревне всё знают. И вот бабушка в 43-м году сменила моё имя. Назвали меня Марией.

Это не помогло. Нас арестовали и поместили в Дубровно в концлагерь. Это было начало 44-го года. От Лобанов до Дубровно примерно километров двадцать.

Детская память выхватывает какие-то наиболее яркие события, и потом вокруг них наслаиваются различные, иногда случайно услышанные разговоры, эпизоды из книг и фильмов. Ребёнку кажется, что это про его жизнь. Иногда это действительно так, а иногда заново написанная история. Когда пишешь о таких людях, многое приходится сверять, уточнять, а какие-то воспоминания оставлять в багаже невыясненных фактов.

– Бабушка меня прятала, как сейчас помню, под печкой, я была шустрая. Когда нас забрали в концлагерь, и под юбкой меня бабушка прятала, – рассказывает Ковалёва. – Когда арестовали подпольщика, моего дядю Петра Алексеевича, и его расстреляли, нас как заложников отправили в Оршанскую тюрьму. После его расстрела нас тоже везли на расстрел. Я даже фрагменты помню. Должны были расстрелять четверо детей, маму и братика. Помню, как меня взяли за руку и кинули в кузов машины. Кто? Немцы, полицаи... А потом, наверное, посмотрели: кого стрелять? У бабушки всегда с собой

была икона, может, она защитила нас. Как мы остались живы, до сих пор не могу понять.

Потом нас погрузили в товарняк и повезли в Германию. Но не довезли. Мы снова оказались в концлагере. Я даже помню узников этого концлагеря: поляков, венгров. Вскоре началось наступление наших войск.

Мы сидели в землянке ночь. Всё гремело, свистело, свет фар. Это было жутко. Вдруг наутро тишина. Выходим из окопа. Наши войска освободили территорию концлагеря... Мне, взрослой, трудно передать словами те чувства, которые я испытала ребёнком.

Через какое-то время мы вернулись в деревню Лобаны. Нашего дома не было, жили год в землянке. Главное – выжили... Мама уехала в Ленинград. Там друзья, знакомые. Отец погиб. Он оставался в Ленинграде, и в дом, где он жил, попала бомба.

Меня с братом отдали в детский дом. Бывший Кохановский район, детский дом № 25. Устроилась мама на стройку, и её засыпало песком в карьере. Она погибла. И восемь лет мы с братом воспитывались в детских домах.

Нигде данных, где похоронены мама и папа, я так и не нашла.

Бабушка с дедушкой нас на лето забирали. Пока дед был жив. Он вернулся с фронта. Дошёл до Берлина. Алексей Ильич Капелько.

Дед сам много работал и нас постоянно заставлял работать. Я на коне сено возила. Кушать было нечего. Ходили в Осинторф, что-то на что-то меняли, приносили домой какую-то еду. А потом уже не стали заирать нас на лето из детдома. Видно, бабушке одной тяжело было.

Перевели нас к новому учебному году в Переволовчанский детский дом. Это Кохановский (теперь Толочинский) район. Старая помещичья усадьба. И вот только нам идти в школу, от столовой загорелся этот детский дом. Всех спасли, никто не пострадал, но нас перевели в другой детский дом в Славени. Я уже училась в шестом классе.

В детских домах, особенно послевоенных, было не до сантиментов и научной педагогики. Мира Ароновна до сих пор, буквально с содроганием, вспоминает отдельные эпизоды детдомовской жизни. Наверное, именно в это время закалился её характер, она поняла, что только сама сумеет преодолеть все трудности и найти свою дорогу в жизни.

– Зимой после отбоя побегала босиком, – рассказывает Ковалёва. – Воспитательница меня посадила и остригла налысо. Я рыдала. Никогда до этого не плакала. Закончился 6 класс, и нас отправили опять в детский дом в Переволовчанск. Я закончила там 7 классов, хорошо училась, и меня определили в педучилище в Оршу. Четыре года училась там. Нас было 12 детдомовских девчонок, и нас всех направили потом работать по детским домам. В Лесковичах, тут рядом, шесть километров, детский дом. Это был 57-й год. А мой брат учился в Ви-

тебском педагогическом институте на художественно-графическом факультете.

Дед нам рассказывал, что у нас есть родственники по линии отца в Смоленске. Там дядя Гриша должен быть. Больше мы ничего о них не знали.

Брат поехал в Смоленск по своим делам и попал к нотариусу. Спросил про дядю. А женщина-нотариус сказала: «Я его знаю. Он работает механиком на швейной фабрике».

Брат на фабрику, на проходную, просит позвать дядю. Приходит дядя Гриша, а мой брат у него спрашивает: «Вы знали такого Арона?» – «Да, это мой брат, он погиб». – «А я его сын». Стояли оба, и слёзы у них текли. Дядя Гриша был механиком, а его жена в бухгалтерии работала.

Когда мы узнали об отцовской родне, собрались и поехали в Смоленск. И мамин брат дядя Сеня с нами поехал.

Мой брат закончил институт, поработал на районе, и его забрали в армию. Служил в морфлоте, а после демобилизации поехал в Смоленск к дяде Грише. Папина родня были очень порядочные люди. И я поехала туда в 57-м году.

Дядя Гриша рано ушёл из жизни. Его жена – тётя Мария, и двое детей Вова и Нонна. Из всей семьи только Нонна живёт в Смоленске, Злотникова Нонна Григорьевна. Бывший врач, я с ней общаюсь. Все остальные уже ушли...

В Смоленске все остальные Злотниковы расстреляны в гетто. С маминой стороны погибло 7 человек, с папиной в гетто под Смоленском – 11 человек.

Я не знаю, где мои родители похоронены, и когда стали собирать деньги на благоустройство еврейского кладбища в Шумилино, на памятники на местах расстрела жертв Холокоста, я внесла свой вклад. Символически, но за родителей.

Мария Алексеевна была способным человеком, любила читать, понимала, что надо продолжать образование. Работала в Лесковичском детском доме и поступила в Витебский педагогический институт на заочное отделение. Готовилась стать учителем младших классов.

Мария Ковалёва с братом, начало 1950-х гг.

На протяжении 12 лет Ковалёва была членом Шумилинского райкома комсомола, заведующей школьным отделом. Она с удовольствием вспоминает годы молодости, в этом нет ничего удивительного, были сложные годы, но наполненные верой в будущее, оптимизмом, желанием сделать хорошее для людей.

Её отправляли на различные должности: возглавляла отдел культуры Шумилинского райисполкома, местный посёлком, работала в районной газете, пять лет корреспондентом-организатором районного радио и снова возвращалась к педагогической деятельности.

В какой-то момент, уже имея двух сыновей, у неё не очень хорошо сложились взаимоотношения с мужем, и она резко изменила свою жизнь. Наверное, детские и юношеские годы научили не бояться сложностей. Мария Ковалёва уехала на Чукотку.

Там строили Билибинскую атомную станцию. Рос посёлок, где жили строители и энергетики. Там пригодился её педагогический опыт. 12 лет Ковалёва отработала на Чукотке педагогом. Ей было присвоено звание «Отличник народного образования РСФСР».

На заслуженный отдых Мария Алексеевна ушла, имея за плечами 45 лет трудового стажа, из них 25 лет педагогического.

О ней писали в газетах. Заголовки статей были отражающими её жизнь: «Исповедь счастливой женщины», «Такая закалка».

– Я действительно счастливый человек. У меня хорошие дети, внуки, правнуки. Правнуки учатся, одному уже исполнилось 17 лет, – рассказывает Ковалёва.

Она гордится своими детьми, внуками, правнуками. Заботливыми, в любой момент может положиться на них.

Старший Александр военный, живёт в Бобруйске, младший Алексей возглавляет «Полоцкгаз». И внуки, и правнуки в этой семье приносят 85-летней женщине радость.

– Мальчик закончил 9 классов, поступил в индустриальный колледж на архитектора. Мой брат был художником, и он художник, – рассказывает Мария Алексеевна. – Внучка Маша продолжает учёбу. Лицей открылся при университете имени Машерова. Она гуманитарий. По языку была на олимпиаде первой в области, а в республике – третья.

Кстати, полное имя Маши – Мария Алексеевна Ковалёва.

Всё повторяется в жизни.

Счастья всей семье, и, конечно, здоровья Марии Алексеевне Ковалёвой.

Аркадий ШУЛЬМАН

90 ЛЕТ – КАК ОДИН ДЕНЬ!

Инна Давыдовна Лившиц родилась до войны, в 1934 году в Мозыре, в Гомельской области. Но практически всю взрослую жизнь прожила в Шумилино, недалеко от Витебска, и этот городок, особенно красивый летом, считает своим родным местом.

Мы беседуем в Шумилинской квартире Инны Давидовны Лившиц:

– Мама была учительницей – Эдля Львовна Лившиц. Я перед самой войной с папой поехала в Дриссу, теперешний Верхнедвинск. Там работала тётя – отца родная сестра – инструктором в райкоме партии. И муж её работал третьим секретарём райкома партии. Фамилия его тоже была Лившиц.

Пробыли с папой, его звали Давид, довольно долго, и началась война. Мы не могли вернуться в Мозырь, потому что все эшелоны были заняты солдатами.

Папа был больной – плеврит. В армию не взяли. Дядя меня, папу и тётю отправил поездом на восток, а сам остался, был военнообязанным и ушёл на фронт политруком. Дядю тоже звали Давид. Только отчество у него было другое, чем у папы. Ехали на восток долго. Едем-едем – бомбёжка. Поезд останавливается, все бегут в лес. Бомбёжка заканчивается, опять в поезд и опять едем. Однажды папа отстал от поезда. Тётя очень волновалась, плакала. А потом папа догнал нас уже другим эшелоном. Приехали мы – Городище, Кировская область на Вятке. Нас поселили в деревне. Тётя работала в избе-читальне. Папа пожил чуть-чуть и умер 12 сентября 1941 года. Был молодой ещё. Поехали за врачом, а он уже всё... Кладбище было через дорогу, папа любил зелень, и там похоронили его... Я осталась с тётей.

Маму эвакуировали в Казахстан. Городок на берегу реки Чу. С мамой были моя младшая сестра Тамара и братик. Ему было года три. Он умер там, в Казахстане.

Инна Давидовна Лившиц, 2024 г.

Закончилась война. Тётя, её имя и отчество Года Яковлевна, но все её звали на русский манер – Галина Яковлевна, когда-то до войны работала в Шумилино в райкоме партии. И мы вернулись из эвакуации в Шумилино в июле 45-го. Сразу после Победы. Тётя снова стала работать инструктором райкома партии, а я пошла в школу. В Городище успела закончить четыре класса. Я жила с тётей. У неё не было детей. И я для неё была как дочь, а она мне – как мама».

С момента эвакуации мама Инны Давидовны – Эдля Львовна Лившиц – искала дочь, мужа. Несмотря на массовое перемещение людей, в стране была налажена работа центров, где собиралась информация об эвакуированных. И через эти центры Эдля Львовна узнала, где оказалась её дочь, а позднее из писем узнала о смерти мужа. Она звала к себе Инну, но дочь решила остаться с тётей Галей. Переживаний было много у обеих женщин. Но девочка привыкла к тёте, которая очень хорошо к ней относилась, а Инна не хотела её оставлять одну.

Муж Галины Яковлевны политрук Давид Лившиц пропал без вести в первые же месяцы войны, а скорее всего погиб в мясорубке кровопролитных боёв.

Эдля Львовна Лившиц после войны вернулась на Полесье, правда, не в Мозырь, а – Брагин. С ней была дочь Тамара. А Инна осталась с тётей в Шумилино.

– Я навещала маму, – вспоминает Инна Давидовна Лившиц. – Жила у неё, но возвращалась в Шумилино к тёте. Здесь я училась в школе. Потом из Брагина мама с Тамарой переехали в Днепропетровск, там у нас были родственники.

У сестры Тамары двое детей: сын Марик, дочка Дина. Муж сестры Аркадий умер в Днепропетровске. Тамара и дети уехали в Израиль. У детей свои семьи. Мы с сыном ездили к ним. Как раз там была свадьба.

Инна Давидовна закончила в Шумилино школу и поступила в Витебский педагогический институт имени Кирова на исторический факультет.

– Я любила историю. Я очень хорошо писала сочинения, у меня практически никогда не было ошибок, – вспоминает Инна Давидовна. – Но обстоятельства сложились так, что я год проучилась в институте и оставила его. Заболела тётя, она лежала в больнице в Витебске. Я была за хозяйку в доме. Сажала огород, смотрела за домом.

Галина Яковлевна умерла, я осталась одна. Работала с детьми. Сначала пионервожатой в Лесковичской школе, потом в других сельских школах учительницей младших классов. Понимала, надо учиться дальше. Мне руководство напоминало об этом. Поступила в Сестро-репцкое дошкольное педучилище (Ленинградская область) на заочное отделение. Устроилась в Шумилинском детском саду и тут отработала сорок лет. Ко мне в садик ходили дети детей, несколько поколений

одной семьи прошли через садик. Любила и детей, и свою работу. Без этого невозможно работать.

В разговоре мы, естественно, коснулись педагогической темы.

– В этом возрасте, – речь о детях детского сада, – формируется личность. И очень важно, что дают детям родители, воспитатели. Это на всю жизнь. Об этом надо знать и всегда помнить. А детская память самая цепкая.

Я спросил у Инны Давидовны о её собственной детской памяти.

– Идиш знаете, понимаете?

– Даже не могу представить, откуда я его знаю. Но всё понимаю, хотя говорить не умею.

– После войны Вы слышали в Шумилино еврейскую речь?

– Здесь жили евреи. Тётя Бася, Старосельские муж и жена, их дети. Но с годами разъехались, умерли. Последняя еврейка умерла в прошлом году – Аня Сударикова.

– Что ж Вы говорите – последняя? Вы здесь живёте.

– Значит, предпоследняя, – с горечью улыбнулась Инна Давидовна.

– В Шумилино осталось еврейское кладбище?

– Там, где пожарка, за асфальтом еврейское кладбище. Там они лежат: Старосельские, Судариковы, Герштейны...

– Кто-то из Ваших родственников на еврейском кладбище?

– Папина сестра Соня, тётя у меня одна, и другая тётя.

– Бываете там?

– Конечно, и дети мои, Павлик красит ограду. Под осень поедут с невесткой траву убирать, сучья...»

Инна Давидовна из того поколения, когда семьи были большие, а родственные связи – прочные. Жизнь показала, что это не просто красивые слова. У отца Инны Давидовны – Давида Лившица – было десять сестёр и братьев. Одна из его сестёр жила здесь, в Шумилино. Всегда можно было рассчитывать на их помощь, внимание.

– В Жлобине живёт моя двоюродная сестра. Единственная оставшаяся из родственников. И дети, внуки и правнуки, – сказала Инна Давидовна. – Это главное.

Дочь Лиана в Великих Луках. В сельхозакадемии преподавала, сейчас работает помощником депутата Госдумы. Её сын служит в Пскове – военный. Правнучке 10 лет.

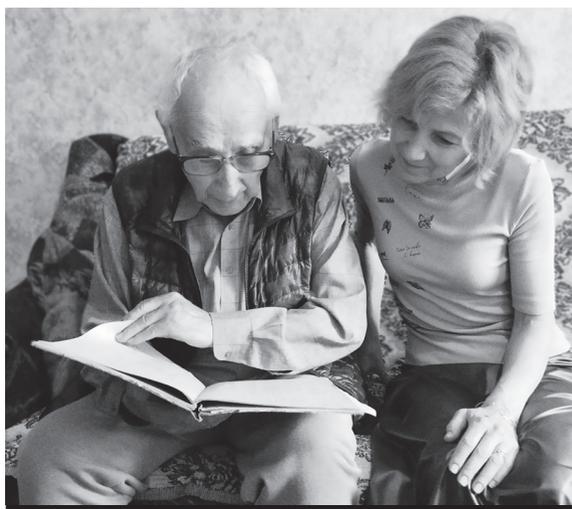
В Витебске сын Инны Давидовны – Павел. Работает на заводе. Его сын Сергей закончил университет, женился. Сейчас в Израиле.

Такой разговор состоялся с Инной Давидовной Лившиц. Приветливый человек, которая долго не хотела отпускать меня из своего гостеприимного дома.

Аркадий ШУЛЬМАН

РАССКАЗЫВАЮТ ОТЕЦ, И ДОЧЬ

Каждый человек – отражение своего времени. У людей, которые уже прочно шагнули в десятый десяток и не пытаются дорисовать свою биографию какими-то яркими фактами, это ощущается наиболее явственно. Иногда их подводит память. А порой не обо всём хочется вспоминать. Поэтому брать у них интервью – задача непростая. Но если мы хотим создать объективную картину времени, именно такие люди – первые помощники в этом.

Владимир Ефимович Партон с дочерью Татьяной Владимировной Гусаковой, 2024 г.

дочь Владимира Ефимовича Татьяна Владимировна Гусакова.

– Какие самые первые детские воспоминания у тебя? – спрашивает дочь у отца.

Владимир Ефимович подолгу задумывается над каждым ответом. Нелегко достаются ему воспоминания.

– Папа любил ходить со мной в общество своих знакомых и там уже рассказывал обо мне. Ему это очень-очень нравилось.

Мне всегда очень интересно, как люди, прожившие долгую и непростую жизнь, рассказывают про свои первые детские воспоминания. Иногда, это какая-то информация, заимствованная из услышанного и кажущаяся собственной, а иногда это чувственные

Мы в квартире Владимира Партона, в Полоцке, снимаем нашу беседу на видеокамеру.

– Хочу рассказать о своём папе Владимире Ефимовиче Партоне. В этом году исполнился ему 91 год. В Полоцке папа не коренной житель. Волею судьбы здесь оказался из Гомеля. После войны, через эвакуацию, возвращение назад в Беларусь и после окончания института папа по распределению попал в Полоцк, – рассказывает

моменты, как у Владимира Ефимовича: «У моего папы была сильная рука, чувствовал, когда он брал мою ладонь». Это уже точно из собственных воспоминаний, которые человек пронесёт через годы, до своего последнего дня.

Изредка сам задаю вопросы.

– Как папу звали?

– Хаим-Нисон Партон.

Татьяна Владимировна добавляет информацию в ответы отца и задаёт ему новые вопросы. Она знает ответы на них и делает это для меня и для камеры. Дочь не раз об этом беседовала с отцом.

У Партонов большая семья. У Владимира Ефимовича и его жены Инны трое детей (живут в Полоцке, Молодечно и Санкт-Петербурге), шестеро внуков и четырнадцать правнуков. Количество правнуков мы тоже выяснили с помощью Татьяны Владимировны. Семеро живут в России и семеро – в Израиле. Большое семейное древо, но хранителем памяти, так случилось, или, вернее, Татьяна Владимировна сама постоянно проявляет к этому интерес, стала именно она.

– Бабушка была по хозяйству, – говорит Татьяна Владимировна. – Она смотрела за детьми. Папа, расскажи про братьев и сестёр.

– Роза, Рая, Инна, Яша, – говорит Владимир Ефимович. – Пятеро детей. Самая старшая Рая. Родилась в 18-м, в 21-м – Инна родилась. Из девочек Инна самая младшая.

– Папа, ты в каком году родился? – уточняет Татьяна Владимировна снова для меня и для камеры.

– В 33-м.

– Дома говорили на идише? – спрашиваю я.

– Мама с папой чаще на идише, и у них ругательства были свои. Помню, мама как-то папу на еврейском языке отчитывала. Он оправдывался... Такие отрывки воспоминаний, – говорит Владимир Ефимович.

– Папа рассказывал, когда не хотели, чтобы дети знали, о чём говорят родители, они переходили на идиш, – говорит Татьяна Владимировна. – Вы всё понимали?

– Частично понимали.

Та же история повторялась во многих семьях. Для родившихся в начале XX века идиш был родным языком. Но рушились традиционные устои, была другая жизнь, идиш оставался для домашнего общения. Дети пошли в русские школы, одноклассники, друзья говорили на русском языке. В лучшем случае дети понимали язык, на котором говорили предыдущие поколения их семьи. Родители думали, что дети не понимают, и переходили на идиш, когда хотели что-то скрыть. Чем чаще это происходило, тем лучшие дети понимали еврейский язык.

– Маму звали Хая Двойра (Айзиковна – А.Ш.) Пинхусова, – говорит Владимир Ефимович.

Татьяна Владимировна продолжает рассказ о своей бабушке.

– Она жлобинская девица. Я, когда заказывала архивную справку, не было документов, подтверждающих бракосочетание дедушки с бабушкой, мне сообщили, жлобинский раввин совершил обряд хупы (бракосочетания), и была подписана ктуба (еврейский брачный договор, где прописаны обязанности сторон).

Татьяна Владимировна несколько лет назад расспрашивала отца о его жизни и делала аудиозаписи. Они во многом помогли восстановить картину довоенного детства.

– Во дворе жило шесть еврейских семей, – вспоминал Владимир Ефимович. – Когда началась война, отец пошёл в армию добровольцем. (Как руководитель областного предприятия, которое включало в себя кустарей-сапожников Гомеля и местечек области, имел право на бронь до того времени, пока не эвакуирует производство). Добровольцем пошёл, чтобы было легче отправить в эвакуацию семью. Хотя до самого последнего времени надеялись, что война быстро закончится победой Красной Армии. Папа рассказывал маме, что наши самолёты разбомбили немецкие части, их аэродром. И скоро конец войне.

Многие тогда верили, выдавая мечты, подкреплённые довоенной советской пропагандой, за реальность. Это в конечном счёте сыграла плохую службу для многих семей, не успевших эвакуироваться.

Владимир Ефимович рассказывал дочери о довоенной жизни:

– Помню, как мама купила половину арбуза. Я вынес его на крыльцо, которое было перед входом в дом. Ко мне подошли друзья. Мы съели половину арбуза руками, даже не разрезав его. Просто выгребали красную мякоть. Потом мне здорово досталось от мамочки.

– В семье было пятеро детей. Что вы кушали? – спросила во время той беседы Татьяна Владимировна.

– Картошка, селёдка – селёдка, картошка. Для меня было неважно, какая дома еда. Были другие интересы.

Я рано начал собирать почтовые марки, ещё в Гомеле, до школы. Мама давала какую-то мелочь. У меня оставалось 10 или 15 копеек. Однажды мы с другом пошли к мальчику, который жил на Горелом Болоте. Это окраина Гомеля. Мальчик тоже собирал марки. Я ходил к нему не раз. Мне понравились какие-то марки, и я потратил на них оставшиеся у меня копейки. Пришёл домой и получил от мамы взбучку. Помнится, я забрал эти марки с собой в эвакуацию и завёз их в Чкалов.

Мы с друзьями ходили в парк Паскевича. Река, мостик и лебеди. Мальчишки собирали окурки.

– Наверное, была разновозрастная компания? – спрашивает Татьяна Владимировна. – Или ты тоже собирал окурки?

– Нет, – оправдывается перед дочерью отец. – Наверное, те, кто собирал окурки, были постарше.

Детские воспоминания всегда ласкают память, вызывают улыбку и добрые чувства.

Но есть среди детских воспоминаний у людей, переживших войну, такие, которые и сегодня наводят страх.

– Мы ходили всей компанией на места недавних бомбёжек. Собирали осколки бомб, снарядов. А потом хвастались друг перед другом, кто и что нашёл. Даже обменивались этими осколками.

Однажды возвращались по дороге и услышали шум самолёта. Прямо над нами летел самолёт с крестами. Низко летел. Я видел лицо лётчика в шлеме. Из самолёта стреляли. Пули отскакивали от мощёной дороги. Лётчик видел, что по дороге шли мальчишки, а не военные, но продолжал стрелять. Мы разбежались в разные стороны. Пули тогда никого не заделали.

Воспоминания, отрывочные, сумбурные, становятся картинками того времени, которые обо всём эмоционально рассказывают.

– Когда папа ушёл в армию, – в разговоре со мной вспоминает Владимир Ефимович, и в этом ему помогает дочь, – их перевозили куда-то на открытой машине. Началась бомбёжка. Машина уже приостановилась. Стали соскакивать с кузова, и папа в том числе. Ему не повезло. Может быть, возраст дал знать – 44 года, может, неудачно выпрыгнул. У него то ли был перелом шейки бедра или ещё какой-то серьёзный перелом ноги. Он не мог ходить и попал в госпиталь.

Наша семья в товарняке уезжала на восток. Поезд ехал с постоянными остановками, авианалёты, однажды впереди были разбомблены железнодорожные пути. Я в это время простудил уши. Не помню станцию, но врача на ней не было. Сказали, что впереди есть медпункт. Мы с мамой пошли туда, и мне оказали помощь.

Ехали долго, наконец выгрузились на станции, от которой недалеко деревня Грибановка. Там нужна была рабочая сила. На какое-то время весь вагон расселили в этой деревне.

– Вы жили в Грибановке. Каким образом вас нашёл отец? – спрашивает Татьяна Владимировна.

– Мы жили там несколько месяцев, до снятия урожая. Колхоз специализировался на выращивании сахарной свёклы. Мы убирали урожай, нагружали телегу, и лошади куда-то отвозили это. Мы подбирали сахарную свёклу, что упала с телеги, и это счастьем было. А иногда колхозники, которые всё видели и понимали, сами кидали на дорогу сахарную свёклу для нас. Мы чистили или чаще о штаны и рубашку вытирали свёклу и грызли её.

Получили сообщение, что приезжает на станцию, близкую к Грибановке, наш папа. Пошли встречать. Он на костылях. Но старался ходить быстро. Уже вместе с ним мы переехали в город Чкалов (ныне это Оренбург). Там жила двоюродная сестра мамы

– Хая, по-моему, её фамилия была Фарберова. Они давно туда переехали. Жили в двухэтажном доме. Второй этаж жилой, а на первом – лавка по продаже керосина. Беженцев в доме было и, кроме нас, много, и мы спали вповалку, на полу. Я, Яша, Роза, Инна, мама и папа. Раи тогда с нами не было. Она ещё до войны вышла замуж. Её первый муж погиб при обороне Брестской крепости, и его фамилия есть в списках тех, кто оборонял крепость и погиб в ней.

Татьяна Гусакова прислала мне автобиографию, написанную в 50-е годы курсантом Тамбовского артиллерийско-технического училища Клейнбергом Иосифом Хаимовичем. Документ содержит интересную для нашей темы информацию. И, хотя Иосиф Хаимович не был связан родственными узами с семьёй Партонов, он проясняет некоторые моменты жизни этой семьи. Мама Иосифа – Горелик Гнеся Исааковна – родная сестра Хаи Фарберовой. Их семья тоже нашла в Чкалове приют в этом доме: Гнеся Исааковна, её муж Клейнберг Хаим Абрамович (жил до призыва в армию в 1942 году – погиб на фронте в 1944-м) и сын Иосиф, 1935 года рождения. Гнеся Абрамовна все военные годы работала (получала карточки на продукты), одно время даже официанткой, но в 1944 году в одной из больниц Чкаловской области молодая женщина умерла от дистрофии. После смерти мамы об Иосифе, ему всего девять лет, стала заботиться мама Владимира Ефимовича – Хая Партона.

Снова обратимся к рассказу Владимира Партона и его дочери Татьяны Гусаковой.

– Старшие сёстры пошли работать на военный завод, где делали снаряды и патоку. По каким-то праздникам рабочим завода выдавали патоку, и они приносили её домой. Помню, под Новый год Роза любила делать такие угощения: нарезала хлеб узорчатыми кусочками с уголками, намазывала патокой, и мы отмечали. Это было самое вкусное, что я ел во время войны, – хлеб с патокой был как пирожные.

В Чкалове пошёл в школу. На переменах гонялись друг за другом. Взрослые, конечно, думали всё время о войне, а у нас, пацанов, была своя жизнь.

Сейчас уже не у кого уточнить, но думаю, есть ещё одна причина, по которой мы оказались в Чкалове – артель или фабрика, на которой папа работал до войны была эвакуирована в Чкалов. И когда его комиссовали после переломов, поставили на должность директора этой кожевенной артели.

– Когда вы решили вернуться в Белоруссию? – спрашиваю я.

– Это решил папа, – отвечает Владимир Ефимович. – В 47-м или 48-м году. В Гомель уже не вернулись. Дом, в котором мы жили до войны, разбомбили. Мы поехали в Брест. Папа рассказывал, что его направили в Брест на работу, хотя мама была против этого

переезда. Но папе предложили работу, и отказаться он не мог или не хотел.

В Бресте я закончил школу и поступил в пединститут на физико-математический факультет. Моя будущая жена там училась на один курс старше меня. Её звали Инна. И у нас в семье была Инна. Мы любили танцевать. По каким-то дням и по государственным праздникам были танцы, и мы вдвоём очень успешно танцевали вальс. У нас появились общие интересы, и ещё в институте мы расписались.

– Мама получила распределение в Дретуньскую среднюю школу. Это Полоцкий район, – вступила в разговор Татьяна Владимировна. – Папа после института пошёл служить в армию. После демобилизации получил направление в Горяны, тоже Полоцкий район. Мама переехала к нему. Работали учителями в средней школе.

О школе, которой семья посвятила много лет, остались хорошие воспоминания. Но самые яркие из них, работа школьной радиостанции в Горянах. В это время редкое явление, удел людей не только умелых, хороших специалистов, но и влюблённых в это дело.

– Помню, как я смонтировал радиостанцию. Ходил за разрешением на её открытие. Как и положено, завели журнал радиостанции, её номер и позывной УЦ-2АЗВ. В журнал записывали все наши контакты.

Татьяна Владимировна принесла журнал школьной радиостанции, который до сих пор хранится в доме. Владимир Ефимович стал его перелистывать, комментировать записи и даже стал активнее.

– Разговаривать можно было строго лимитированно по объёму. Нашими собеседниками были радиолюбители, например, Валерий из Кирова, Владимир из Воронежа и другие. Обменивались информацией. Контакты только по Советскому Союзу, голосовые. Я вёл школьный радиокружок, и, конечно, школьники принимали участие в работе радиостанции. Надеюсь, многим из них это принесло пользу и повлияло на выбор их будущей профессии.

– Долго работала радиостанция? – спросил я.

– До тех пор, пока я работал в Горянской средней школе. Потом переехал в Полоцк, стал работать директором Станции юных техников. Когда построили в Полоцке среднюю школу №10, пошёл туда учителем физики.

Долголетие людей зависит от многих факторов, и немаловажную роль играют гены. Сестре Владимира Ефимовича – Инне Ефимовне, она живёт в Бресте, – 101 год.

– Она меня поздравила с Новым годом, – рассказывает Владимир Ефимович, – я её поздравляю с праздниками.

Мы желаем Владимиру Ефимовичу, его родным и близким здоровья, мира, благополучия.

Аркадий ШУЛЬМАН

ГЛАВНОЕ – В ЖИЗНИ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Фаина Пинхусовна Палей в Бобруйске человек легендарный. Её здесь знают очень многие, при встречах не только здороваются, но и желают, чтобы она жила до 100, или даже до 120 лет!

Фаина Пинхусовна Палей

В местной газете «Бабруйскае жыццё» в статье, посвящённой её 90-летию, Фаину Пинхусовну назвали «Бобруйской Голдой Меир». Журналист написал: «Такому запалу и энтузиазму этой удивительной женщины можно только позавидовать. В день рождения ей поступил 61 звонок с поздравлениями из разных уголков света. Каждый хотел пожелать бывшему педагогу, коллеге, маме, подруге, тётке, сестре неиссякаемой энергии, здоровья и долголетия».

Я тоже знаком с Фаиной Пинхусовной давно. Наверное, лет тридцать.

Приезжая в Бобруйск, обязательно встречаюсь с ней. Мы беседуем на разные темы. Она знаток истории города, знакома со многими известными бобруйчанами, стояла у истоков создания в начале 90-х годов местной еврейской общины.

Рассказывает Фаина Палей: «Папа – Палей Пинхус Израильевич. До войны мы жили в городе Злынка в России. Отец работал заведующим отделом пропаганды и агитации Злынковского райвоенкомата. 3 июля 1941 года он ушёл на фронт. Больше мы его не видели.

Есть у меня письмо крестьянки, которая нашла отца в лесу убитого, в кармане гимнастёрки был адрес, но не наш, а его брата Шаи, который жил в Уфе. Они туда написали, а тот нам переслал письмо.

В письме было написано: “Товарищ Палей. Ваш муж, или брат, или родственник убит в 1941 году в Смоленской области, Смоленский район Пустотрашенского сельского Совета деревня Панфилово”.

Ныне Панфилово – деревня в Велижском районе Смоленской области России».

Фаина Пинхусовна продолжает рассказ: «Папа попал в окружение и был убит в сентябре 41-го. В 1944 году его нашли в лесу и похоронили, документы взяли и решили нам сообщить. Отец числился без вести пропавшим. При нём нашли автобиографию, комсомольский билет, партийную книжку. “Если получите наше письмо, – писали из Смоленской области, освобождённой от фашистов, – напишите ответ. Деревня Панфилово, фамилия Жигулёв Александр Федотович.

Если нет никого, то напишите, где они находятся”.

“Мы ездили с сыном туда, – рассказывает Фаина Палей. – Ничего не нашли, хотя у меня уже к тому времени были запросы и ответы со всего Советского Союза.

Отовсюду: “В списках не значится”. Из Гродненского архива сообщили: “В годы войны был старшим политруком 558-го отдельного батальона”. Это весь путь. В Смоленской области он обрывается. Мы поехали. Я большую корзину цветов взяла, думала, поставлю где-нибудь. Спрашиваю: “Где поставить?” Мне отвечают, будете ехать обратно, там Юшково поле, поставите».

Всё, что мы наши в дополнение к тем сведениям, что сообщила Фаина Пинхусовна, – Пинхус Палей, 1909 г. р., политрук отдельного сапёрного батальона, пропал без вести в декабре 1941 года, отправлено уведомление жене – Айзенштат Вере Григорьевне в Ташкент.

«Юшково поле, – рассказывает Фаина Палей, – это символическое место захоронения красноармейцев. Открытая местность. Ни кустика, ничего. Поставила я там корзину и вернулась ни с чем».

Я продолжаю расспрашивать Фаину Пинхусовну про её семью.

Она показывает мне фотографии мамы и рассказывает об этом добром и заботливом человеке, которая в невероятно трудных условиях вырастила и дала образование всем своим детям.

«Моя мама из местечка Щедрин, – рассказывает Фаина Пинхусовна. – Недалеко от Бобруйска. Сейчас Гомельская область. Её звали Айзенштат Вера Григорьевна. Она до войны закончила мясо-молочный техникум. К началу войны нас у мамы было уже трое. Я – 34 года, брат – 37, он умер в 97-м году, и сестричка, которая живёт сейчас в Израиле в Нацрет-Илите. Когда война началась, ей было всего три дня.

Мама эвакуировалась. Работникам райкома партии дали лошадей, и мы доехали до Конотопа. А в Конотопе грузили в «телятники», были такие вагоны для перевозки скота, солома настелена, и мы ехали. Всяк было: и голодные, и холодные, бомбёжки про пути, составы останав-

ливались. Это уже мама потом рассказывала, что хватала меня за одну руку, Вовку, брата, за вторую, а Света оставалась лежать в вагоне, у мамы рук больше не было. Суждено жить? Значит так на роду написано. 18 июня этого 2024 года Свете, моей сестре, исполнилось 83 года.

У папы из семьи, где пятеро детей, погиб только он. Две сестры и два брата. Один в Уфе, второй после войны вернулся в Бобруйск, работал главным механиком на “Фондоке”. Они помогали нам всё время, писали маме: “Приезжай, мы тебе поможем поднимать детей”. В годы войны мы были в Ташкенте. Куда везли – туда везли. Я помню Алмазит-19 – это место, где мы жили. Глиняный пол, ходили днём собирали кал ишаков, и мама смешивала его с песком и натирала так называемый пол, чтобы не было насекомых. Однажды проснулись утром, а вся стена вывалилась на улицу. Люди ходят, а мы лежим. Потом какое-то дали общежитие в аптекоуправлении. Мама всю войну работала председателем женсовета Сталинского райвоенкомата города Ташкента. Двое младших были на мне. Сестра и сейчас меня называет: “Моя вторая мама”.

Брат отца Наум, который вернулся в Бобруйск раньше, прислал вызов, что мама как работница “Фондока” требуется на работу. Мы вернулись. Бабушка и дедушка по папиной линии вернулись раньше.

Их дом уцелел, улица Красноармейская, 5. Его потом нарисовал замечательный художник Абрам Рабкин.

Сестра бабушки погибла в Бобруйске в гетто, а дом остался. В этом доме жили трое родственников, мама с нами, у нас были одна комната и коридорчик, с другой стороны жила Хася с мужем и Дорой и Аня с двумя сыновьями. Им всем по комнатке было.

По маминой линии всех расстреляли в Щедрине.

Ей предлагали работу, но на районе. А с кем нас оставлять?

Вы такое слышали когда-нибудь, чтобы свекровь выдавала за муж невестку? У нас такая история. Бабушка по линии отца познакомилась маму, и в 49-м году к нам пришёл Гандлин Моисей Ионович, и в 1950 году они ещё родили общего брата. Он живёт сейчас в Хайфе, закончил Витебский медицинский институт. 17 лет отработал в Бобруйске в урологии и 26 лет – в Израиле.

Фаина Пинхусовна интересный рассказчик. У неё хорошая память. Рассказывать о семье, родственниках она могла бы долго, но мне было интересно узнать, как сложилась её жизнь.

«Я пробивалась сама как могла, – после некоторого раздумья ответила Фаина Палей. – Я очень рано начала заниматься спортом».

И стала снова показывать мне фотографии, которые принесла из семейного альбома: «Первая фотография – 47-й год, ученица 6 класса. Наша волейбольная команда. Потом волейбол стал моим хобби. Входила в сборные команды города, области, а в 1951 году была в

сборной школьников Белоруссии на Всесоюзной спартакиаде в Сталинграде. Условия, в каких мы там жили, не были комфортными. Мылись под колонкой после игры – летом, июль месяц, жара. Нам выдали костюмы суконные, на них “БССР” написано, гордость какая, играем за республику.

Вернулась в Бобруйск, конец июля, документы никуда не подавала, закончила 10-й класс, уехать не могла, помогать мне никто не мог. Я поступила в наш учительский институт. Закончила его за два года и уехала по распределению в Осиповичский район в посёлок Елизово, Октябрьская средняя школа.

Отработала там семь лет. Вышла замуж в Елизово. Родился сын. Помогали его родители. Утром муж относил им ребёнка перед работой, а я после школы забирала этот груз.

В 1961 году папин брат вопрос поставил: “Сколько ты там думаешь сидеть?” Мы приезжали, у них свой дом был на Володарской, приходили в гости... Отношения в семье были очень хорошие.

Я спрашиваю: “А что делать?» Дядя Наум Израилевич говорит: “Собирайтесь, мужа твоего устрою на завод резино-технических изделий, там квартиры дают быстро. А ты думай сама”.

Приехали. Жили у мамы. Муж пошёл на работу. Сын пошёл в садик».

Фаина Палей показала фотографию сына, я спросил, как его зовут.

«Пётр Александрович Глинцевич, – она продолжила рассказ. – Я два месяца ходила в гороно, как на биржу труда. Мне отвечали: “По вопросу работы не ожидайте”.

Опять помог волейбол. Был зав. комитетом физкультуры Валерий Пилипенко. Меня привели к нему. Он меня не знал. Был намного моложе. Представили: “Она играет, и мы её на сборы часто вызываем”.

Он сказал: “Учителем я не обещаю. Хотите старшей пионервожатой? Помогу”. Пошла в горком комсомола. Побеседовали со мной: “Идите в школу слабослышащих. Если директор возьмёт, направление мы дадим”. Прихожу, ходит по двору полный еврейский мужчина. Говорю: “Скажите, пожалуйста, где я могу видеть директора?”

“По какому вопросу?” – Я ему отвечаю. – “Идёте”.

Зашли в кабинет. Он не смотрел ни мой диплом, ни характеристику из Елизовской школы.

Спросил: “Что вы умеете кроме того, что учительница русского языка?” – “Умею играть в волейбол и могу учить этому детей” – “Идите за направлением”.

Так я попала в школу-интернат для слабослышащих детей. Она и сейчас находится по адресу: улица Комсомольская, 21, и проработала там 39 лет. У меня общий педагогический стаж 46 лет».

О педагогическом труде Фаины Пинхусовны говорят отзывы её учеников.

Цитирую их по газете «Бабруйскае жыццё»:

«Нина Чупахина из Барановичей выбрала специальность зубного техника. Женщина вспоминает школьные годы и человека, который помог в жизни добиться успехов:

– Это замечательный педагог. Всё, чего я достигла, благодаря ей. В 12 лет я потеряла слух, после того как переболела гриппом. И меня направили в Бобруйскую школу-интернат. Фаина Петровна приучала нас к дисциплине. Это помогло мне в жизни. Она заботилась о нас, стремилась, чтобы мы были лучшими во всём».

«Параллельно со школой работала в экскурсионном бюро, – рассказывает Фаина Палей. – По работе в школе у меня есть награды: “Отличник народного образования Белоруссии”, медаль “Ветеран труда”. 20 лет проработала в экскурсионном бюро.

Автобусы для экскурсионных поездок были, не такие, как сейчас. И разбитые, и без микрофона. Но интерес у людей был большой. Хотели ездить в другие города, задавали много вопросов. Было интересно. Получила награду в 1976 году. Знак “За развитие туризма и экскурсий”. Такую награду имеют в Бобруйске два человека».

Фаина Пинхусовна стояла у истоков возрождения еврейской жизни в Бобруйске. Это было в начале 90-х годов. Время было непростое, чтобы добиться каких-то результатов, за дело должен был встать человек с таким характером, как у Фаины Палей.

«...Осень 90-го года. Уже начал работать в городе Клуб еврейской культуры. Сестра меня младшая уговорила: “Пойдём послушаем”. Времени у меня не было, но пошла.

Мне не понравилось. Через некоторое время сестра меня всё-таки опять вытянула. Я пришла. Выступал какой-то из Швеции мужчина. Очень интересно. Мне понравилось. Я дослушала до конца. Закончилось, подходит ко мне женщина. Я её первый раз видела, с каким-то молодым мужчиной. Как потом оказалось, это был врач Зельдин Юрий. Он сейчас живёт в Израиле. Мы с ним отправили тогда две группы детей на оздоровление в Израиль. Всё оформление документов происходило в моей двухкомнатной “хрущёбе”.

Однажды приехал, уже перед тем как отправлять детей в Израиль, Изя Каган из Москвы, из синагоги на улице Архипова, 10. Он занимался этим вопросом. Зашёл ко мне. Стол круглый, все вокруг: и дети, и родители, а я стою при входе в туалет – больше нигде. Каган спрашивает: “А кто занимается этим вопросом?”. Отвечаю: “Я”. “Покажитесь”.

Где-то в конце месяца раздался вечером звонок по телефону. “Вам звонят из Москвы. Вы включены в группу для поездки в Израиль”...

Возглавляла Клуб еврейской культуры. Когда нам отказали в помещении на заводе имени Ленина, мы ходили по городу, я, Дора Израильевна и Семён Бейдер, искали, кто приютит. Нас приютили в

городском клубе Промкооперации. И мы там очень хорошо работали и времени хватало. Тогда начала работать воскресная школа.

Я побывала на семинаре в Москве, на семинаре в Израиле, и в сентябре 91-го года мы открыли воскресную школу. Директором школы была Френклах Маргарита Моисеевна».

«Вы хорошо знаете идиш?» – спросил я, уверенный, что в Бобруйске люди возраста Фаины Палей не могут не знать еврейского языка.

«На уровне разговорного, – скромно ответила Фаина Палей. – Я начала работать в воскресной школе. Первых три ученика были: Коваленко Максим, Безпятков Олег и Диана Танчева. Мы выбрали из книги Абрама Рабкина “Вниз по шоссе” три отрывка, перевели их на идиш, и ребята читали эти отрывки. С ними мы выступали даже в Клубе литераторов в Минске. Ещё жив был старейший еврейский писатель Гирш Релес. Когда мы прочитали, он поднялся за кулисы и расцеловал всех ребят.

Потом потихоньку стала заниматься со взрослыми.

В 2018 году мы отмечали 10 лет Клубу языка идиш. Я придумывала сама темы, викторину мы проводили».

Занятия языком идиш кое-кто считает делом не самым нужным, не самым полезным, не дающим результаты. Забывая при этом, что ещё наши прабабушки и прадедушки обо всём на свете говорили на идиш. Это был их родной язык. И особенно в таком городе, как Бобруйск. Не все понимают, что сохранить традиции, с пренебрежением относясь к языку, невозможно. Даже если этот язык сегодня не в ходу, не в моде. В Бобруйске немало еврейских организаций, но Фаина Пинхусовна вынуждена была искать место для занятий языком идиш. Не каждый относился к этому с пониманием.

«Помню, говорю сыну, отвези меня в синагогу, – вспоминает Фаина Палей. – Он привёз меня. Раввин Шауль говорит: “Пожалуйста, в какое время Вас устроит, когда хотите, занимайтесь”. Мы оставили тот же день – понедельник. Занимались с 12 часов.

До ковида я была в синагоге каждую неделю, у меня работал кружок, я приходила.

Мероприятия и сейчас все посещаю. Хотя мне в этом году было... Вы знаете – 90 лет».

На прощание Фаина Пинхусовна сказала: «Главное в жизни – быть человеком, уважать людей и находить общий язык с теми, кто тебя окружает».

Аркадий ШУЛЬМАН

СОНЯ С ПЯТОЙ ПОЛОЦКОЙ

В наши дни имя Соня не вызывает ассоциаций ни с Софьей Перовской, ни с Софьей Ковалевской и уж тем более с Сонечкой Мармеладовой из «Преступления и наказания» Достоевского. Когда мы слышим это имя, в нашем воображении всплывают образы героинь из легендарной Одессы-мамы. Это знаменитая Сонька – Золотая ручка, ну, и конечно же, рыбацка Соня – которая направила как-то в мае к берегу баркас.

Софья Залецкая с дочкой Аллой

Витебск, в конечном счете, ничуть не хуже Одессы-мамы, тем более что в нём тоже есть своя Соня, это Софья Вульфова Залецкая. О ней сегодня и пойдёт наш рассказ.

В Витебске она появилась на свет и, если не считать четырёх лет, проведённых в эвакуации, прожила в нём всю жизнь. Самые ранние её годы прошли на Пятой Полоцкой улице, в их собственном доме, который находился напротив Полоцкого базара.

Мама Рива Соломоновна Беленькая родом из Лепеля, отец – коренной витеблянин – Вульф Самойлович Шнеур. У

них было четыре дочери – старшая двадцать шестого года рождения, двойняшки, двадцать девятого года, и самая младшая Сонечка, тридцать седьмого года. В сорок первом ей было четыре года. Тем не менее многие события тех далёких дней настолько сильно отразились в детской памяти, что и сегодня предстают перед ней как наяву.

В начале войны отец ушёл на фронт. Перед уходом сказал жене: «Рива, не оставайтесь в городе. Забирай детей и уезжай отсюда». Уехали они в самый последний момент, одиннадцатого июля, в этот день со стороны Полоцкого шоссе в Витебск уже въезжали немецкие мотоциклисты. Маленькая Соня взяла с собой гуттаперчевую куклу, а её мама собрала документы, какие-то вещи, надела на дочек по четыре платья и увела их на вокзал. Оттуда отправлялся последний эшелон. Это был

длиннющий товарный состав, пол в вагонах устилала солома, на ней сидели, спали, каждый устраивался как мог. Соне запомнилось, что мама почти всю дорогу держала её у себя на коленях.

Изначально особых происшествий в дороге не было, но под конец эшелон попал под бомбёжку. Произошло это уже на подъезде к городу Калинин. Люди высыпали из вагонов. На перроне остановился легковой автомобиль, из него вышел командир, пытаясь предотвратить панику, он кричал беженцам: «Все в лес, быстро в лес». Уже в лесу, прячась от налёта, Соня увидела из-за кустов пикировавший прямо на них немецкий самолёт, она даже разглядела в кабине лицо пилота. Он жал на гашетку, поливая из пулемёта прячущихся в кустах женщин и детей свинцовым дождём. Это лицо запомнилось Соне на всю жизнь. Она прижималась к маме и причитала: «Мама, ведь нас не убьют?». Рядом незнакомая женщина пыталась прикрыть собой дочку, но уберечь не смогла. Шальной осколок продырявил ребёнку голову, девочке было лет двенадцать. Женщина стояла во весь рост посреди леса и, подняв к небу руки, истошным голосом проклинала немецкого лётчика.

Когда налёт закончился, люди вернулись к поезду. Он особо не пострадал, разворотило лишь последний вагон. Его отцепили, и состав отправился дальше. В Калинин он повернул на восток, и в конце концов закончил свой маршрут в Казани.

Примерно в девяноста километрах северней Казани находится татарский аул Кырлай. В тридцатые годы здесь создали колхоз «Тукай Кырлай», и назвали его в честь татарского поэта Габдуллы Тукая, который здесь родился и провёл детство. Сюда привезли из Казани Риву вместе с матерью и четырьмя детьми.

Их поселили в пустом заброшенном доме. Рива пошла работать в колхоз, её старшую дочку, закончившую к тому времени десять классов, забрали в военкомат оформлять документы уходивших на фронт призывников. Младшие дети болтались по улицам без дела – учиться им было негде, в ауле не было даже татарской школы. Эвакуированных в ауле было довольно много, и прибыли они из разных мест. Из Белоруссии, несколько семей из Витебска, из Смоленской и Псковской областей, из Карелии, одна пара была даже из Эстонии.

Все четыре последующих года семья жила впроголодь, питались в основном за счёт пайков, получаемых по продовольственным карточкам. В ауле не было магазина, где можно было приобрести что-то из продуктов, да собственно и денег для этого не было. В сорок втором, уже в эвакуации, умерла от воспаления лёгких Сонина бабушка, ей было семьдесят лет, её муж скончался ещё в Витебске, примерно в тридцать пятом году.

Однажды к ним зашла соседка, тоже из беженцев, Соня запомнила её фамилию – Кирпичёва. «Соломоновна! – С порога закрича-

ла она. – Пошли, там конь сдох, порубим, будет что кушать!». Мать тогда принесла домой конскую ногу вместе со шкурой и копытом, и всю следующую неделю они были сыты. В лесу было много грибов и ягод, однако ходить и собирать их у беженцев не было возможности. В лесах скрывались от призыва дезертиры, мужчин при встрече они убивали, а женщин насиловали.

После того как вышел указ Сталина, ужесточивший наказание за воровство и мародёрство, в тюрьму стали сажать даже детей, начиная с двенадцати лет. Рива строго настроено запретила девочкам брать что-либо, не спросив разрешения.

В ауле тогда никто ничего не запирал, не было замков и на колхозных амбарах. К этим амбарам сёстры-двойняшки и приводили Соню, они завязывали ей на узел подол и отправляли набрать из амбарных закровов пшеницу или горох. Сами этого делать не могли – им уже было по двенадцать. Однажды Соня попалась. Сторож без особой строгости спросил её по-татарски: «Что, девочка, кушать хочешь?». Соня к тому времени уже понимала и даже немного говорила – дети в этом возрасте языки усваивают быстро. Она молча кивнула и заплакала. Сторож осторожно взял её за ушко, вывел из амбара и отправил домой вместе с ворованным горохом.

Однажды в их доме появился мальчишка лет пятнадцати. Он вместе со своей семьёй эвакуировался из Карелии, но по дороге во время бомбёжки потерялся и остался один без родителей. Рива, не задавая лишних вопросов, сразу приняла его в семью. И парень, надо сказать, не стал для них обузой, наоборот, помогал всем, чем только мог. Ловил на мельнице голубей, приносил их в мешке домой, а Рива обдавала кипятком, очищала от перьев и варила в печке. Причём делала она это исключительно по ночам, чтобы не видели соседи – татарам халяль запрещает употреблять в пищу голубей, так же, как и свинину. Как-то раз в соседнем ауле он украл большой кусок бараньей туши, той же ночью снял с неё шкуру и отдал Риве для готовки.

В Тукай Кырлае у Сони появилась подружка – её ровесница татарочка Гуданье. Девочки стали ближе, чем родные сёстры. Отец Гуданье Мустафа, уважаемый в ауле человек, имел шесть жён и двадцать детей. Гуданье была младшей и самой любимой дочкой, но вот только общаться ей было не с кем. Татары в основном живут замкнуто, у них не приняты отношения между соседями, всё общение происходило внутри семьи. В их большой в семье у Гуданье ровесниц не было, а в Соне она сразу увидела родственную душу и прикипела к ней своим маленьким сердцем. Она называла её на татарский манер – София, с ударением на последнем слоге.

Девочки всегда обнимались друг с дружкой, целовались, и Гуданье постоянно таскала за пазухой для Сони что-нибудь съестное. Не-

смотря на двадцать лет, прожитых при советской власти, в ауле всё ещё оставался свой бай. Когда у него во дворе сушили чак-чак – такое восточное печенье из мучных шариков на меду, Гуданье всегда старалась стащить оттуда несколько штук для Сони. Ближе к зиме Мустафа сплёл для подружек по паре маленьких лаптей, девочки носили их с большим удовольствием. Вообще, в сельской местности, лапти даже в советские времена, ещё долго оставались весьма распространённой обувью, тем более это было заметно во время войны, и только к концу семидесятых они уже окончательно канули в лету.

По татарской традиции, обедали в доме Мустафы всей семьёй. На пол стелили ковёр, посреди ставили казан с мучной поливкой и мясом, а все усаживались вокруг него. Когда Соня бывала у них, Мустафа всегда старался угостить её куском баранины, а её матери однажды принёс бутылку подсолнечного масла и сказал: «Корми детей, пусть будут сыты». Рива, получив такой подарок, была на седьмом небе от счастья.

Но вот старшая жена Мустафы Соню невзлюбила и всякий раз, когда видела её, обязательно срывала на ней злость. Это была женщина в летах, одетая во всё чёрное – платье, платок с расшитой поверх него тюбетейкой. Вся грудь была увешана золотыми ожерельями, запястья и пальцы на руках тоже были в золоте. Соня её боялась, она ей казалась колдуньей. Гуданье успокаивала подружку: «София, не надо бояться, папа тебя обязательно защитит».

В июне сорок четвёртого, после того как в сводках Совинформбюро объявили об освобождении Витебска, Рива отправила в Витебский горисполком запрос с просьбой выяснить, уцелел ли их дом. Пришёл ответ, в нём подтвердили, что дом их цел. Стали собираться домой.

Соня переживала расставание со своей любимой подружкой, обе плакали, обнявшись, так, что их невозможно было разнять. На прощание Соня подарила Гуданье свою гуттаперчевую куклу.

В Витебск она приехала в лаптях, которые когда-то ей сплёл Мустафа, больше обуть было нечего. Прямо с вокзала отправились домой, но произошло то, чего никак не ожидали. Дома, как оказалось, у них не было, вместо него зияла большая воронка от бомбы. Отвечая на их запрос, городские власти не выяснили всё до конца. На Пятой Полоцкой было два дома с пятым номером – их дом, просто «пять» и соседский «пять-а» – именно он и уцелел.

Проживавшая в нём соседка Ксения, увидев Риву, обрадовалась, обняла её и сразу пригласила к себе. Однако дома оказался её муж, совсем ещё недавно служивший в полиции. Он сразу заорал: «Не нужны мне здесь грязные жида, вши разводить!». Вероятно, у него была последняя возможность проявить свою власть, через пару недель он получил положенные для полицаев двадцать пять лет и отправился отбывать их на Колыму.

В разрушенном Витебске с пригодным хотя бы для сносного существования жильём была большая проблема. Городские власти расселяли прибывающих людей в силу возможностей, не принимая во внимание условия проживания. В горисполкоме Риве с детьми предложили занять комнатушку площадью одиннадцать квадратных метров в деревянном бараке по улице Первая Жореса. Мебели там не было, её пришлось собирать по соседним развалинам и пепелищам.

Прожили они в этой комнате до сорок шестого года, пока с фронта не вернулся отец. Ему выделили в том же бараке освободившуюся комнату, но уже в двадцать квадратов. Вернулся он в звании капитана, с серьёзным ранением руки. В костях сидели осколки, от ампутации в госпитале он отказался и прожил с ними всю жизнь. А через год, в сорок седьмом году, умерла Рива, ей было пятьдесят четыре года.

Учиться Соня пошла сразу после возвращения. Поступила в первый класс только что открывшейся двадцать пятой железнодорожной школы. В здании не было отопления, а в окнах – стёкол, в классе – зажёванные лужи, по которым дети катались на переменах. Но постепенно всё наладилось, и Соня закончила в этой же школе десять классов.

Отец был человеком интеллигентным и образованным, гимназию он закончил ещё до революции. После войны одно время работал директором универмага, который в те годы находился в полуподвальном помещении по улице Ленина напротив Ратуши, или Каланчи, как её тогда называли. Сегодня той стороны улицы уже нет. Позже его назначили председателем Облпотребсоюза, откуда он ушёл на пенсию.

Уже в старших классах Соня свободно владела французским языком. Преподаватели считали, что ей следует поступать в институт иностранных языков. Она попыталась, но ничего не вышло. Вероятнее всего, не слишком подошла национальность.

Соня вскоре вышла замуж, по любви, ей тогда ещё не было восемнадцати. Позже она закончила техникум лёгкой промышленности, сорок три года проработала на чулочно-трикотажной фабрике «КИМ», откуда и вышла на пенсию. Работала бригадиром в первом швейном цехе, в бригаде было тридцать семь человек.

Муж Софьи Вульфовны работал дальнобойщиком, хорошо обеспечивал семью, получил двухкомнатную квартиру на Марковщине. Они счастливо прожили пятьдесят четыре года, вырастили сына и дочку. Сегодня Софья Вульфовна живёт в этой же квартире с дочкой Аллой. У неё взрослые внуки и правнуки. Один в Израиле. Два внука в Архангельске. Один владеет предприятием, второй на этом предприятии работает. Ещё одна правнучка, которую в её честь называли Соней, учится в Архангельске в Арктическом морском институте имени капитана Воронина. Мечтает стать штурманом дальнего плавания.

Семён ШОЙХЕТ

ТО, ЧТО НАВСЕГДА ОСТАЕТСЯ В ПАМЯТИ

Когда началась война, Ане было четыре года, и какие-то отрывки из того, что происходило в те тревожные дни, она хорошо помнит, хотя многое уже либо позабылось, либо вообще не отложилось в памяти. Она совершенно не помнит своего отца, который в первые дни ушёл на фронт и домой уже не вернулся. Единственное, что она знает о нём со слов матери, – звали его Илья, фамилия Беленький и работал он начальником паспортного стола.

Отец погиб в сорок третьем под Курском в деревне Юдинка. Похоронка пришла вскоре после того, как они получили от него последнюю открытку со стихами:

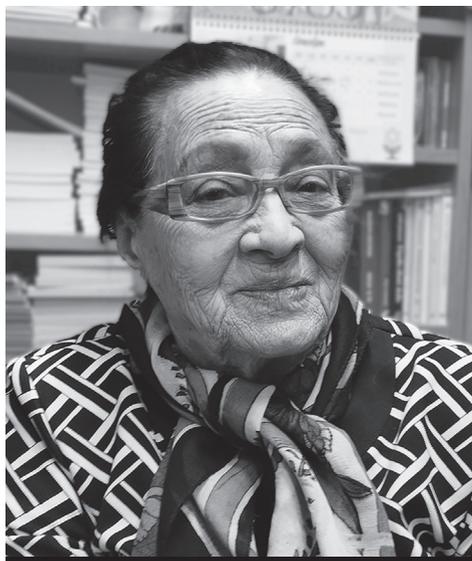
Славой бессмертной покроем
в битвах свои имена.

Только отважным героям
радость победы дана.

Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперёд.
Смелого пуля боится,
Смелого танк не берёт.

Его мать – бабушка Ани, которая жила вместе с ними, очень долго прятала эту открытку от невестки – Аниной мамы. Спустя месяцы та случайно обнаружила её на столе под скатертью. А прочитав, упала в обморок.

Мать Ани звали Бася Григорьевна, родом она была из Бешенковичей, до войны работала мастером смены на чулочно-трикотажной фабрике имени Клары Цеткин. В те годы эта фабрика находилась на берегу Западной Двины, сейчас на этом месте стоит Национальный академический драматический театр имени Якуба Колоса. В сорок первом фабрику эвакуировали в город Мелекесс Ульяновской области. С фабрикой эвакуировалась и Бася вместе со свекровью и дву-

Анна Ильинична Ключкова, 2024

мя дочками – четырёхлетней Аней и старшей Розой. С собой взяли только самое необходимое, в том числе и ручную швейную машинку.

В Мелекесе фабрику разместили в двухэтажных кирпичных зданиях, построенных когда-то местными купцами, под неё выделили целый квартал в центре города. Бася работала мастером, им выделили отдельный дом с участком. Вскоре в этом доме поселились и прибывшие в Мелекес их родственницы со своими семьями: жена брата отца с двумя сыновьями из Витебска, одного из них вскоре забрали на фронт, и мамина сестра со своей свекровью из Ленинграда. В Мелекесе оказалось много семей, эвакуированных из Витебска. Там Аня подружилась с двумя своими землячками, Нелей и Раей Гадлер. И после возвращения в Витебск дружба эта у них продолжалась ещё долгие годы.

В отличие от многих беженцев, оказавшихся в эвакуации, они все эти годы не голодали. Мать, по военным меркам, неплохо зарабатывала, немалый вклад в семейный бюджет вносила предусмотрительно прихваченная из дома швейная машинка, и кроме того у них всё-таки был свой приусадебный участок.

Домой вернулись в сорок шестом году. За год до этого мать приезжала в Витебск выяснить, сохранилось ли их довоенное жилье, есть ли куда возвращаться. Как ни странно, но их квартира по улице Ленина уцелела, в ней даже оказалась какая-то мебель и кое-что из вещей. Но через год, к их приезду, всё это растащили, и в самой квартире жить уже было невозможно.

Им выделили комнату в уже восстановленном к тому времени доме, который в Витебске называют «пятый коммунальный». Бася Григорьевна устроилась на чулочно-трикотажную фабрику «КИМ» мастером смены кеттельного цеха. Она проработала там вплоть до восьмидесятого года. В «пятом коммунальном» им трижды меняли квартиру, но все они были неблагоустроенные, и только через двадцать пять лет они получили квартиру в доме по улице Смоленской.

После возвращения в Витебск Аня поступила в первый класс. Учились в уцелевшем деревянном здании по улице Герцена. Скорее всего, это была начальная школа, позже перешла в СШ № 18. Закончив восемь классов, поступила в физкультурный техникум. Там она выполнила первый разряд по акробатике, ездила с командой на Всесоюзные соревнования, занимала призовые места и однажды приняла участие в проходившем в Минске Всесоюзном параде физкультурников.

После окончания, как и большую часть её однокурсников, Аню распределили преподавателем физкультуры в сельскую школу в Минской области. Она с мамой съездила в эту деревню, чтобы на месте увидеть условия, в которых предстояло жить и работать, и, не задумываясь, вернулась домой.

Аня пошла устраиваться на «КИМ». Поначалу отказали, но потом всё же приняли, как ей объяснили из уважения к матери. Работала ученицей, поступила на вечернее отделение в техникум лёгкой промышленности и, закончив его, уже сама работала мастером производственного обучения. Многие из тех, кого она в те годы обучала специальности, благодарны ей и сегодня.

Спорт она не оставила. Выступала с акробатическими этюдами в Городском Доме культуры г. Витебска вместе с известными тогда в городе акробатами Крапинами. Игорь Крапин и его жена, Майя Левина, впоследствии тоже Крапина, – мастера спорта, чемпионы первенства Советского Союза 1960 года. Игорь преподавал спортивную акробатику в физкультурном техникуме. Майя в годы войны была узницей Минского гетто, там она потеряла всех своих родных. В начале шестидесятых они уехали в Минск, их пригласили в Белорусскую филармонию, где они организовали художественную студию – народный цирк «Транзит». Звали с собой и Аню, но она не поехала. Позже, каждый раз, когда они уезжали на гастроли, свою дочку Лену Крапины оставляли на попечение Аниной маме, которую та считала своей бабушкой.

В шестьдесят первом Аня вышла замуж, её муж Борис Клочков тоже работал на фабрике «КИМ». После армии он вернулся в механический цех, позже перевёлся в котельный, где они познакомились поближе. У них оказалось много общего. Борис, как и Аня, активно участвовал в художественной самодеятельности, пел и танцевал в созданном при фабрике Виктором Горбатовским народном хоре. Вместе они прожили хорошую, насыщенную событиями жизнь, вырастили двоих сыновей. Каждый год ездили отдыхать на море, профсоюзные путёвки в санатории и Дома отдыха им выделяла фабрика, в те времена это не было большой проблемой.

В девяносто первом Анна Ильинична ушла на пенсию. После этого ещё несколько лет они с мужем проработали в кооперативе, производившем носочно-чулочную продукцию, для реализации которой постоянно приходилось ездить в Москву.

Сегодня Анна Ильинична живёт одна в квартире на улице Смоленской. Ей восемьдесят семь лет. Старшему сыну шестьдесят два года, живёт и работает в Витебске, младшему – пятьдесят шесть, он в Израиле. У неё три взрослых внука и внучка: один – в Екатеринбурге, другой – в Израиле, ещё один – в Италии и внучка в Петербурге. «Все прошли через мои руки», – с гордостью говорит Анна Ильинична.

У неё уже четверо правнуков.

Всем им счастливого будущего и мирного неба над головой.

Семён ШОЙХЕТ

А ПУТЬ И ДАЛЕК, И ДОЛГО...

Это, действительно, не совсем обычное поколение – поколение детей, переживших войну. В свои самые ранние годы им пришлось пройти через все её ужасы и страхи, на собственной шкуре испытать хаос и неразбериху, голод и холод, потерю близких и постоянную угрозу жизни. Повзрослев, эти дети стали сильными, способными решать любые жизненные задачи, и для них в их последующей жизни уже не существовало непреодолимых преград и неразрешимых проблем.

Тамара Долгина и автор интервью Семён Шойхет

Емельянович Третьяков был председателем колхоза, мать Агафья Кузьминична работала в том же колхозе звеньевой льноводческой бригады. Когда началась война Тамаре было пять лет, отец в первые же дни ушёл на фронт, а мать осталась одна с тремя детьми – девятилетней Аней, пятилетней Тamarой и самой младшей Надюшей, которой на тот момент исполнилось полтора года.

Когда у них в деревне появились фашисты, несколько семей, в том числе и Агафья с детьми, укрылись в соседнем болоте. Но немцы их довольно скоро обнаружили и безо всякого предупреждения откры-

Это они в шестидесятые строили новые города, возводили металлургические комбинаты, перекрывали реки, открывали нефтяные месторождения и покоряли космос. И это о них писала свои песни Александра Пахмутова, которая и сама была из этого поколения – поколения детей, переживших страшную войну.

Из того же поколения и наша героиня, Тамара Павловна Долгина. Родилась в предвоенные годы на Могилёвщине в деревне Галышино Горецкого района. Её отец Павел

ли по ним огонь. Вначале стреляли над головами, но люди, всё ещё на что-то надеясь, продолжали прятаться в густых болотных камышах. Тогда они начали стрелять прицельно, многие после первого же залпа навсегда остались лежать в болоте, а девять человек всё же вышли на дорогу. Следом за ними из болота выполз мальчишка лет десяти-двенадцати с перебитой ногой, только что потерявший там своих родителей. Он плакал и кричал: «Отрежьте ногу, она мне мешает!», немец подошёл и выстрелил ему в голову.

Остальных повели расстреливать на кладбище. Немецкий офицер приказал привести это в исполнение только одному солдату, он был совсем молодой, голубоглазый, а из-под пилотки у него выбивалась огненно-рыжая чёлка.

Сразу за деревенским кладбищем проходил екатерининский шлях. Как раз в это время по нему гнали в Горки колонну местных жителей из близлежащих деревень. Солдат вывел на дорогу приговорённых к расстрелу женщин с детьми и затолкал их в эту колонну, а перед этим выстрелил несколько раз в воздух. Маленькая Надя была ранена в ногу, по всей видимости, пуля перебила кость, и она умерла в дороге.

В Горках их затолкали в товарные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Состав разгрузили на какой-то станции в Польше, людей загнали в длинный, обнесённый колючей проволокой барак. Спустя какое-то время в лагерь начали приходить местные жители и отбирать себе работников. Один из них поинтересовался, умеет ли кто-нибудь прясть на кроснах. Матери это дело было хорошо знакомо, и она сразу откликнулась. Так они оказались в маёнтке у одного довольно зажиточного польского пана.

Поселили их в сарае, кормили тем, что оставалось с хозяйского стола, мать пряла пряжу, а сестра помогала по хозяйству. Так они прожили два года. Но вот однажды, к их немалому удивлению, пан сделался необычайно добрым – пригласил в дом, угостил обедом и сказал, что отныне они будут жить не в сарае, а у него дома, в тепле и уюте. Любопытно то, что ни жены, ни детей в это время в доме уже не было.

А спустя несколько дней ночью в маёнток заявилились незнакомые люди. Они долго избивали пана, причём били так, что он кричал на весь двор от боли. Скорее всего, это были польские партизаны из Армии Краёвой, а пан, вероятней всего, сотрудничал с немцами. Аню с Тamarой после всего этого погрузили на подводу и куда-то повезли.

По дороге Аня спросила возницу по-белорусски:

– Пан, а куды ж нас вязуць?

Это для неё было абсолютно естественным – так в белорусских деревнях в те времена разговаривали все.

Но поляк был немало удивлён:

– Что, польский с белорусским попутала?

- Дык мы ж з Беларусі, нас сюды прыгналі, – ответила Аня.
- А мама ваша где?
- У пана засталася.

Услышав такое, они возвратились в маёнток и забрали мать. А по дороге объяснили, что оставаться у этого пана им больше нельзя, потому что, не разобравшись, могут пристрелить либо свои, либо немцы. Позже Агафью с детьми партизаны отвезли к другому пану, и этот действительно оказался хорошим человеком. Жили они у него в доме, ели с ним за одним столом, а когда после войны возвращались домой, он дал им курицу, продукты в дорогу, а матери подарил кое-что из вещей.

В Белоруссию они вернулись летом сорок четвёртого, сразу после освобождения. Их деревню немцы сожгли, от неё осталось только два дома – их и маленькая развалюха на окраине. Поэтому все, кто возвращался после войны, селился в их доме, и понятно, что народу в нём набилось значительно больше, чем он мог вместить. Но жили, тем не менее, дружно, вместе переживали невзгоды, вместе старались как-то выжить в то трудное послевоенное время. Есть было нечего, собирали в поле прошлогоднюю гнилую картошку, ходили по соседним уцелевшим деревням, просили у людей хоть что-нибудь из еды. Весной начали сеять, лошадей не было, поэтому в плуг впрягались и тянули его на себе не только женщины, но и дети.

Тамара практически не помнит отца. С фронта он не вернулся, в сорок шестом пришло известие, что он умер в госпитале в Свердловске. У него было серьёзное ранение – осколок застрял где-то около сердца, а тогда подобных операций ещё не делали.

Но время шло, жизнь постепенно налаживалась, дети начали ходить в школу. Ближайшая школа, которую открыли в уцелевшей соседней деревне, была за семь километров. Детям приходилось ежедневно преодолевать это расстояние в оба конца в любую погоду, весной и осенью в распутицу, зимой в мороз. Когда Тамара училась в седьмом классе, школу сделали средней, и она закончила в ней десять классов. А вот Ане, поскольку она была старше, три последних года пришлось учиться в Горках и ходить туда каждый день за десять километров. После школы Аня поступила в Горецкую академию на факультет экономики, Тамара через несколько лет пошла по её стопам, и они обе её успешно закончили.

На втором курсе, во время производственной практики в Друцке, Тамара познакомилась со своим будущим мужем. Марат Марчук был оттуда родом, и как раз в это же время приехал в отпуск из армии, где служил сверхсрочником. После увольнения он вместе со своими армейскими товарищами поехал на Дальний Восток. И там на долгие годы их домом стал прииск Красноармейский на Чукотке – один

из главных тогда в стране источников олова. А Тамара, закончив в шестидесятом году академию, уехала к нему, они поженились. Через два года у них родился сын, назвали его Андрюшей. Но, к сожалению, климат Крайнего Севера плохо сказывался на здоровье ребёнка, он часто болел, и Тамара была вынуждена отвезти его на материк к бабушке, которая уже жила в Витебске. Туда после академии распределилась старшая сестра. Она и забрала к себе из деревни мать.

В приисковом посёлке, куда Тамара прибыла к мужу, контингент оказался сугубо мужским. Из нескольких сот проживавших в нём было всего восемь женщин, она стала девятой. Работы экономиста на прииске для неё не нашлось, но этот факт Тамару не слишком расстроил. Она поступила на заочное отделение Магаданского горного института и пошла работать в геологоразведку. А после были нелёгкие, лишённые всякой романтики трудовые будни геолога – многие километры, пройденные пешком по болотам и тундре, холод, неустроенность, лыжи и олени упряжки.

А кроме этого абсолютно криминальный контингент работавших там людей. В суровых условиях Крайнего Севера дешёвый труд заключённых у геологов использовался самым широким образом. Статьи у них были разные: бытовые, криминальные, политические, но это большого значения не имело – ко всем относились как к людям второго сорта, а зачастую вообще не считали за людей. Зэков задействовали на самых грязных, самых тяжёлых и самых опасных работах, совершенно не заботясь об их здоровье и безопасности. Им приходилось постоянно переносить издевательства и унижения со стороны лагерного начальства и охраны. Нередко можно было наблюдать картину, как конвоир при виде вольнонаёмного отдавал им приказ: «Лечь! Идёт гражданин Советского Союза!», и заключённые падали лицом в снег при сорокаградусном морозе. А в ответ они могли противопоставить только внутреннюю озлобленность и ненависть, которая открыто выражалась даже в их глазах.

Однако увидев эти глаза впервые, у сидевших вдоль дороги зэков, Тамара по-настоящему испугалась, она села и инстинктивно прижалась к самому крайнему. Возможно, этим маленькая худенькая девчушка на какой-то миг растопила его давно зачерствевшее сердце, он повернулся и прохрипел остальным: «Если кто-то её хоть пальцем тронет, убью!». Вероятно, всё-таки он имел большой авторитет – в течение всех последующих лет её работы на севере у неё ни разу не возникло с зэками ни одного эксцесса, а контактировать с ними ей приходилось постоянно.

В ста километрах западней, у входа в Чаунскую губу Восточно-Сибирского моря, находился рудник Валькумей, там тоже добывали олово, но он пользовался дурной славой. Работавшие на нём вы-

Тамара Долгина в молодости

держивали максимум полгода, после чего, как правило, умирали. Не исключено, что основная порода там содержала большое количество сопутствующих примесей залежавшего по соседству урана либо других изотопов. Руду в шахте под землёй копали исключительно ээки, поговаривали даже, что приговорённые к высшей мере. Но наверху работали вольнонаёмные – руководство, специалисты, охрана, и зарботки у них были баснословные.

В какой-то момент Марат решил съездить туда заработать денег, чтобы обеспечить достойное будущее сыну. Он бывал там наездами, работал на поверхности, сгребал на бульдозере в отвалы руду. Но и этого тоже вполне хватило, здо-

ровье себе он подорвал основательно и в семидесятом году умер. Денег сыну он заработал достаточно, и кроме этого Тамара тоже внесла в этот фонд свою лепту. Во время одной из проходок она наткнулась на золотоносную жилу и за открытие нового месторождения получила большую денежную премию.

В наши дни уже давно нет ни одного из этих предприятий. И Вайкумей, и Красноармейский закрыты, их ликвидировали в конце девяностых. Причиной, скорее всего, стало обычное для тех лет не совсем понятное решение руководства – кто-то посчитал, что транспортировать олово с Чукотки стало нерентабельным.

В семьдесят первом Тамара уволилась и улетела на материк. В Витебске ей помогли устроиться на работу. Её сестра Аня после распределения устроилась в Витебске в управление осушительных и оросительных систем и работала там заместителем управляющего. Управляющим был известный в городе человек, в прошлом командир партизанской бригады Даниил Федотович Райцев, после его ухода на пенсию Аня заняла его место. Именно Даниил Федотович помог тогда Тамаре устроиться в областное управление статистики. Позднее её непосредственная начальница Евгения Степановна Кух-

ченко перешла из статистики на завод радиодеталей и забрала туда с собой Тамару. Там Тамара Павловна все оставшиеся годы проработала старшим экономистом в лаборатории экономического анализа и в девяносто первом вышла на пенсию.

В Витебске Тамара нашла свою настоящую любовь. Пётр Долгин работал на заводе измерительных приборов в отделе главного конструктора. Встретились они как-то летом в поезде Ленинград – Одесса. Оба случайно оказались в одном купе. Тамара с сыном ехала в Одессу провести там отпуск и отдохнуть на море, заводской профсоюз выделил ей путёвку в дом отдыха. Петя, в свою очередь, тоже получил у себя на заводе профсоюзную путёвку, только в другой дом отдыха.

В какой-то момент Тамара заметила, что сына долго нет в купе, мальчишке было лет двенадцать, и она забеспокоилась. Но вскоре всё выяснилось: виновником оказался Петя – он сводил ребёнка пообедать в вагон-ресторан. Они с Тамарой познакомились, разговорились, а после возвращения в Витебск подали заявление и через месяц расписались.

В их судьбах оказалось много общего. В первые дни войны Петя тоже, в силу обстоятельств, остался на оккупированной немцами территории и дважды чуть не погиб. Об этих моментах своей жизни он вспоминать не любил, и единственный человек, который знал их во всех деталях, это Тамара.

Детство у него было далеко не радужным. Мать была инвалидом и в Витебске с ними не жила. Она была родом из Рудни, там же проживали все её родственники. Её младшая сестра, еврейка, вышла замуж за русского человека и переехала к нему на хутор в сорока километрах от Рудни. Из-за инвалидности мать не могла работать, она жила на хуторе вместе с ними и помогала по хозяйству. Отец был пьющим, он не смотрел за сыном, не кормил его и нередко бил. Питался Петя тем, что собирал бутылки, сдавал их и покупал на эти деньги что-то из еды. Чаще он жил у родственников в Рудне, там же находился и в июле сорок первого, когда немцы заняли город. Ему было семь лет.

Прежде чем в город вошли немецкие регулярные части, там появился небольшой отряд, возможно, это была разведка. Но они сразу же почувствовали себя хозяевами, и первое, что сделали – согнали в одно место евреев, тех, кого удалось схватить, и обнесли это место колючей проволокой. Там же оказался и Петя вместе со своими родственниками. Их не кормили, правда, особой охраны тоже не было. Через два дня, поняв, что хорошего ждать не приходится, взрослые приподняли ночью проволоку и выпустили Петю и своего младшего сына. Парню тогда было четырнадцать лет. Когда он уже после войны вернулся в Рудню и попытался узнать что-то о судьбе родных, то никого не нашёл. О них не было никаких сведений, погибшие тогда,

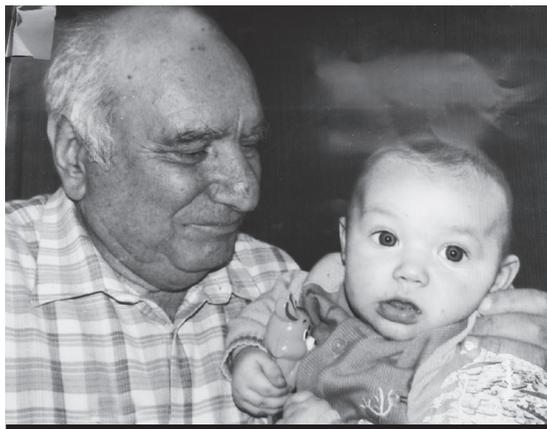

Тамара и Пётр Долгин

криков петухов, мычания коров. Они зашли в крайнюю хату и там, к удивлению, оказались люди – женщина, а сзади девочка, которая сидела за столом и молча что-то ела. У ребят уже третьи сутки во рту не было даже маковой росинки, они голодными глазами уставились на девочку и попросили у тётки хоть чего-нибудь поесть. «А кто вы такие?» – спросила хозяйка, и парни по детской наивности рассказали ей, что они евреи, что бежали от немцев из Рудни.

Женщина сразу поменялась в лице и начала кричать, что в конце деревни стоят немцы, что она обязана их сдать, иначе её расстреляют, а после выгнала из дома, так ничего не дав. Следом за ними вышла на

Пётр Долгин с внуком

в первые дни, не значились ни в каких списках. Позже в соседнем лесу время от времени люди находили останки расстрелянных, возможно, среди них были и их с Петей родственники.

А в ту ночь дети ползали по густым зарослям, через крапиву, репейник, и только наутро выбрались к соседней деревне. Когда рассвело, она им показалась неживой, на улице не было ни души, не слышно было

крыльцо её дочка, она вынесла мальчишкам хлеба и показала, как пройти в следующую деревню, где немцев, по её мнению, ещё не было.

Немцев в той деревне действительно не оказалось, там ещё работал сельсовет, который продолжал заниматься эвакуацией местных жителей. Председатель сельсовета выслушал ребят, затем выделил им мужчину, который отвёл

их на хутор, где жила Петина мама. Они прошли пешком все сорок километров от самой Рудни.

Хозяина хутора дома не оказалось, его в первые же дни забрали на фронт, там было пятеро его детей и две женщины – жена и её сестра. Они запрягли лошадей, упаковали кое-какие вещи и на двух подводах поехали в лес искать место, где сельсовет собирал людей, готовых к эвакуации. Чуть позже их вывели на «большую землю», а оттуда отправили дальше на восток в глубокий тыл. Петя в результате оказался в Оренбургской области.

Петя с Тамарой прожили хорошую, наполненную множеством радостных событий жизнь. И жили они счастливо, потому что любили друг друга. Андрей стал для Пети очень близким, практически родным сыном, и он проявлял к нему отцовскую заботу. Любые вопросы, которые только могли возникнуть в семье, они с Тамарой всегда решали вместе, а летом каждый год все вместе ездили на море.

Андрей впоследствии закончил индустриально-педагогический техникум, работал в строительном тресте «Белкоммунстрой», на котельной совхоза «Рудаково» и в последнее время бухгалтером на «Мегоме». Петя в 2016 году серьезно заболел, последние три года практически уже не вставал. Андрей, чтобы ухаживать за ним, вынужден был уйти с «Мегомы» и устроиться ночным сторожем в детскую художественную школу. Умер Петя в 2020 году, Тамара Павловна сегодня не может вспоминать о нём без слез.

Сын Андрея, тоже Андрей, поздний ребёнок и любимый Петин внук, очень талантливый парень. Сейчас учится в десятом классе и ходит на подготовительные курсы по рисованию и композиции в технологический университет. Тамара Павловна одна, но ей во всём помогает Андрей, он практически живёт на два дома.

Через два года Тамаре Павловне исполнится девяносто, пожелаем ей здоровья ещё много счастливых лет.

Тамара Долгина с сыном Андреем

Семён ШОЙХЕТ

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
<i>Время воспоминаний</i>	4
<i>Так сложилась судьба</i>	8
<i>Михайло Кац и Михаил Беленький – один и тот же человек</i>	14
<i>Сто лет - ещё не возраст</i>	19
<i>Век, отмеренный для жизни</i>	24
<i>Военные дороги тринадцатилетней девочки</i>	30
<i>Уроки настоящего и прошлого</i>	36
<i>В канун Нового года</i>	41
<i>Мамино детство</i>	45
<i>Семёну Шубертию – 105 лет!</i>	49
<i>Педагогическая династия</i>	57
<i>И всё-таки мы победили!</i>	60
<i>Близкое – далёкое</i>	65
<i>Острова мечты</i>	77
<i>Без отца и матери</i>	80
<i>Семья и война</i>	84
<i>Восемьсот километров пешком</i>	90
<i>Я богатый человек</i>	94
<i>Это было недавно, это было давно</i>	99
<i>Старая фотография</i>	105
<i>Думайте о будущем, но живите – сегодня!</i>	110
<i>Полвека в медицине</i>	116
<i>Если б не было войны...</i>	120
<i>Семья на четыре страны</i>	123
<i>Вечная любовь</i>	128

<i>Хранитель семейной памяти</i>	<i>133</i>
<i>Подальше от людских глаз</i>	<i>139</i>
<i>Коренная витеблянка</i>	<i>143</i>
<i>Центральная фигура.....</i>	<i>147</i>
<i>Встретимся на 100-летнем юбилее</i>	<i>151</i>
<i>Монолог на заданную тему</i>	<i>156</i>
<i>Выживали, как могли</i>	<i>162</i>
<i>Сироты Великой Отечественной.....</i>	<i>168</i>
<i>Проекты, которые нам выстраивает жизнь</i>	<i>174</i>
<i>Наше продолжение в детях, внуках и правнуках.....</i>	<i>178</i>
<i>90 лет – как один день!.....</i>	<i>183</i>
<i>Рассказывают отец и дочь</i>	<i>186</i>
<i>Главное в жизни - быть человеком.....</i>	<i>192</i>
<i>Соня с Пятой Полоцкой.....</i>	<i>198</i>
<i>То, что навсегда остаётся в памяти</i>	<i>203</i>
<i>А путь и далёк, и долог.....</i>	<i>206</i>

Проект общественного объединения «Еврейский культурный центр “Мишпоха”» и фонда «Память, ответственность, будущее» (программа «Место встречи: диалог») «Дети войны вспоминают» на интернет-сайте международного еврейского журнала «Мишпоха» (www.mishpocha.org).

Наш адрес: www.mishpocha.org

210016, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. 1-я Колхозная, д. 6

Книга «Дети войны вспоминают» издана при поддержке Союза Белорусских еврейских общественных организаций и общин.

Литературно-художественное издание

ДЕТИ ВОЙНЫ ВСПОМИНАЮТ

Составитель *Шульман Аркадий Львович*

Редактор: *А.Л. Шульман*

Компьютерная вёрстка: *С.Б. Никоноров*

Корректоры: *И.В. Марченко, Э.В. Цыганкова*

Рисунки: *Л.В. Могучей-Плисс*

Фотографии Шульман А.Л., а также из семейных архивов героев интервью.